

РУССКОЕ СЛОВО.

IX.

ПОЛГОДА ВЪ АЛТАѢ.

I.

Томскую губернію можно раздѣлить на три полосы. Сѣверная, мѣстами болотистая, покрытая березовыми дубровами, на крайнемъ сѣверѣ превращается въ Барабу. Средняя состоитъ изъ бугристыхъ песковъ, на которыхъ растутъ сосновые лѣса; внутри этой полосы много озеръ, соленыхъ, горькихъ и прѣсныхъ, въ которыхъ водятся одни караси; на ровныхъ безлѣсныхъ степяхъ этой полосы въ большихъ размѣрахъ сѣютъ *дорогую* или сложную пшеницу. Наконецъ южная часть Томской губерніи занята Алтайскими горами.

Средняя полоса особенно характеристически отличается отъ всѣхъ частей западной Сибири. Предѣлы ея точно опредѣляются со всѣхъ сторонъ линіей, означающей опушку сосновыхъ боровъ, которыми она наполнена. На западѣ линія эта начинается у устья рѣчки Шульбы, впадающей въ Иртышъ, выше города Семипалатинска, и тянется вдоль Иртыша на сѣверъ, постепенно удаляясь отъ этой рѣки; около Коряковской станицы эта линія отстоитъ уже отъ Иртыша на 70 верстъ и поворачиваетъ на востокъ, пересѣкаетъ дорогу изъ Каинска въ Барнауль въ деревнѣ Качки и достигаетъ рѣки Оби у города Колывани; на югѣ отъ устья Шульбы опушка сосновыхъ боровъ идетъ на Барнауль, а съ востока боры ограничиваются рѣкой Обью. Почва этой полосы состоитъ или изъ песчаныхъ дюнъ, или изъ супесчаныхъ

степей; пески имѣютъ свою собственную флору; на нихъ растутъ сосны; земледѣлія на нихъ ни какого не можетъ быть, супесчанныя степи, разбросанныя внутри этихъ песковъ въ видѣ оазисовъ, покрыты ковылью или кипцомъ и даютъ богатый урожай различныхъ родовъ дорогой пшеницы: калмынки, китайки, теремковой и проч.; по прѣснымъ озерамъ водятся гуси и разныя утки; по горькимъ красные, какъ огонь, турпаны и атайки; въ сосновыхъ лѣсахъ живутъ рябчики и тетери, а на степяхъ между лѣсами драхвы.

На сѣверѣ эта полоса переходитъ въ черноземную и сырую Барабу; эта переходная часть носить одинаковый характеръ съ сѣвѣрною частью Киргизской степи. Небольшія рѣчки, находящіяся на ней, текутъ омутами, т. е. представляютъ цѣпочки глубокихъ озеръ, соединенныхъ узкими и мелкими ручьями. Воды собираются во внутренній бассейнъ, образуемый озеромъ Чаны. Почва, какъ и на всей Барабѣ, состоитъ изъ череполосныхъ площадей солончаковъ или чернозема.

Югъ Томской губерніи поднять Алтаемъ. Сѣвернѣйшіе холмы его идутъ отъ устья Убы къ Змѣино-горскому руднику, оттуда на деревню Моралиху — на рѣкѣ Чарышѣ, и на станцію Антошевскую на рѣкѣ Андѣ. Линія этихъ передовыхъ холмовъ представляетъ дугу, выдавшуюся на сѣверъ; самая сѣверная точка ея находится между Змѣино-горскимъ рудникомъ и Кольванской шлифовальной фабрикой. Здѣсь Алтай отдѣляетъ отъ себя узкую меридіанную цѣпь, называемую *Глядъномъ* или *Саушканскимъ хребтомъ*, потому что у сѣвернаго мыса ея лежитъ деревня Саушка. Геологическое строеніе этого хребта вѣроятно такое же, какъ у всѣхъ меридіанныхъ хребтовъ Азіи. Этотъ сѣверный мысъ Алтая не служитъ однакожъ водораздѣломъ обской и иртышской водныхъ системъ; рѣка Алей, впадающая слѣва въ Обь, беретъ начало западнѣе Глядѣна.

Главный сланецъ, изъ котораго состоитъ сѣверный скатъ Алтая, придаетъ ему плоскій характеръ; Алтай не возвышается надъ равниной крутой стѣной, какъ гранитные хребты Джунгаріи, а исподволь склоняется къ песчавой полосѣ Томской губерніи.

Въ южной части Киргизской степи хребты поднимаются такъ круто, что отъ подошвы можно видѣть снѣжныя вершины его; потому величина горнаго теченія здѣшнихъ рѣкъ не значительна, около 20 или 30 верстѣ; въ Алтаѣ напротивъ рѣки текутъ въ горахъ по нѣсколько сотъ верстѣ. Рѣка Чарышъ беретъ начало на высотѣ 5950 футовъ и протекаетъ отъ своего истока до послѣднихъ холмовъ Алтая, т. е. до деревни Моралихи, 300 верстѣ. Крутыхъ свѣсовъ мало, и тѣ незначительны; къ такимъ принадлежатъ Тигерецкіе бѣлки, между рѣками Иней и Бѣлой, Коровій хребетъ, между Ульбой и Бухтармой, и Нарымскій, между Нарымомъ и Курчумомъ. Отъ такого устройства Алтая на возвышенныхъ мѣстахъ образуются нерѣдко маленькія плато, покрытыя альпійскими злаками, на которыхъ воспитывается превосходный калмыцкій скотъ и особенная не высокая, но сильная порода *калмыцкихъ* лошадей. Тутъ кочуютъ калмыки, одинокія юрты которыхъ соотвѣтствуютъ альпійскимъ хижинамъ. Рельефъ сѣвернаго ската Алтая представляетъ половину весьма тупаго конуса, вершину котораго составляетъ гора Бѣлуха; южный скатъ Алтая неизвѣстенъ; Риттеръ предполагаетъ, что Алтай вовсе не имѣетъ свѣса на югъ и продолжается плоскогорьемъ; потому онъ относитъ его къ тому роду хребтовъ, который онъ называетъ *гласисами плоскогорій*. Нужно также замѣтить, что скатъ Алтая на сѣверъ не по всей длинѣ падаетъ подъ однимъ угломъ; на нѣкоторой высотѣ онъ дѣлается круче; въ долинѣ Чарыша этотъ изломъ дѣлается при устьѣ р. Кана; выше этой рѣчки находятся плато, ниже крутые спуски и подъемы. Оттого на вершинѣ Алтая рѣки текутъ безъ скалъ, не въ глубокихъ долинахъ, какъ на равнинѣ, а въ нижнемъ ярусѣ они врѣзываются въ гребень, образуемый изломомъ покатости. По той же причинѣ, и дороги не только для верховой ѣзды, но и для ѣзды въ экипажахъ удобнѣе въ верхнемъ ярусѣ, чѣмъ въ нижнемъ, гдѣ рѣки текутъ въ глубокихъ долинахъ и переѣздъ изъ долины въ долину весьма затруднителенъ.

Отъ дуги, образуемой крайними холмами Алтая до южной границы песчаныхъ холмовъ тянется не широкая полоса обнаженной отъ высокаго лѣса степи; она имѣетъ паденіе зна-

чительнѣе, чѣмъ остальная равнина Томской губерніи; эта полоса составляетъ первую ступень или базу Алтая.

Сѣверный скатъ Алтая покрытъ хвойнымъ лѣсомъ. Если подниматься отъ подошвы его къ высотамъ, то можно видѣть тотъ же порядокъ въ распредѣленіи лѣсныхъ породъ, какъ удаляясь отъ Алтая къ сѣверной границѣ Томской губерніи. Первые холмы Алтая около Моралихи, Змѣино-горскаго рудника и города Усть-Каменогорска обнажены отъ лѣсовъ, и покрыты ковылью; выше встрѣчаются сосновые лѣса, которымъ исключительно присвоивается названіе бора. Въ долинѣ Чарыша область сосны начинается Колыванскимъ боромъ и кончается Мохнатой сопкой, лежащей при устьѣ рѣчки Тулаты. Выше начинается область лиственницы; сосна продолжаетъ расти только въ низкихъ долинахъ рѣчекъ; горы покрыты исключительно лиственницами, отличающимися своимъ рѣдкимъ насажденіемъ. Выше лиственницы появляется береза, осина и пихта въ смѣшеніи всѣхъ трехъ породъ; еще выше кедръ и ель. Смѣсь этихъ породъ березы, осины, пихты, кедра и ели называется въ Алтаѣ *черню*. Нижніе предѣлы черни опредѣляются линіей, проходящей чрезъ горы Избыши, Разсыпную, Монастыри, Шпили, Плѣшивую, Левь-гору, Луковую гору и Глядѣнь.

Названіе свое чернь получила отъ своего зимняго вида, сохраняющаго темный цвѣтъ. Отдѣльныя насажденія лиственницы не называются черню, потому что эта порода теряетъ зимою хвою; для отдѣльныхъ насажденій сосны существуетъ другое названіе — *боръ*.

Чернь и листвяжники покрываютъ въ Алтаѣ только сѣверные скаты возвышеній, такъ что передъ тѣмъ, кто ѣдетъ изъ Усть-Каменогорска въ Бійскъ, съ запада на востокъ, горы на правой рукѣ покрыты или курчавымъ березовымъ лѣсомъ, или обрѣшетившимся отъ сосѣдства человѣческихъ жилищъ листвяжникомъ; горы же съ лѣвой руки покрыты одними травами; изъ-за вершинъ ихъ выглядываютъ верхушки лѣса, одѣвающаго ихъ сѣверный скатъ. — На нѣкоторой же высотѣ оба ската одинаково одѣваются лѣсомъ. Причины этаго явленія не изслѣдованы; вѣроятно оно происходитъ отъ такихъ метеорологическихъ условій, которыя

существуютъ только до извѣстной высоты; по мнѣнію Гельмерсена, это происходитъ отъ южнаго сосѣдства степей средней Азии. На южныхъ скатахъ Алтая растутъ изъ древесныхъ породъ только верескъ да иногда сосна.

Направленіе верхняго предѣла черни на Алтай трудно обозначить урочищами, потому-что среди области, покрытой лѣсами, иногда возвышаются такіе отдѣльныя сопки, которыя переходятъ за предѣлъ лѣсной растительности; такія возвышенности называются въ Алтай *бѣлками*. Нѣкоторые придаютъ этому названію значеніе снѣжныхъ горъ; но въ Алтай, между Бійскомъ и Усть-Каменогорскомъ, это опредѣленіе не будетъ точно. Я видѣлъ много горъ, которымъ было присвоено названіе бѣлковъ, хотя онѣ далеко не достигали снѣжной линіи; въ долинѣ Чарыша бѣлокъ Плѣшивая-гора, Абинскій бѣлокъ и Куминскій бѣлокъ едва поднимаются изъ лѣсной области. Поэтому бѣлками здѣсь называются всѣ тѣ горы, высота которыхъ простирается за предѣлъ произрастанія деревъ; такое названіе онѣ получили оттого, что зимой вершины ихъ, покрытыя снѣгомъ, отличаются бѣлизной отъ черныхъ, хвойныхъ скатовъ. При томъ, на эти вершины снѣгъ падаетъ раньше, и потому онѣ бѣлѣются уже тогда, когда въ долинахъ еще цвѣтутъ послѣдніе цвѣты.

Я былъ въ алтайской черни съ нѣсколькими жителями станицы Тулаты, ѣздившими въ августѣ за кедровыми орѣхами. Мы выѣхали какъ можно раньше; одѣты были въ платье изъ замши дикихъ козловъ, потому что всякое другое раздирается объ сухія вѣтви деревьевъ, на шеѣ у нѣкоторыхъ висѣли бойки, т. е. палки изъ стволовъ рябины, которыми обколачиваютъ шишки съ кедровыхъ лѣсницъ; кромѣ того съ нами были переметныя сумы и мѣшки. Въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ станицы Тулаты, мы перевалили черезъ невысокую гору, и передъ нами открылся обширный видъ на небольшую живописную долину, которая однакожъ не имѣетъ названія. — Горизонтальное дно этой долины было покрыто темной зеленью *музика*, состоящей изъ длинныхъ, какъ у злаковъ, листьевъ; внутри этой зелени скрывались сидѣвшіе на короткихъ ножкахъ цвѣты этого растенія, извѣстные въ другихъ мѣстахъ Сибири подъ названіемъ *кукушкиныхъ слезъ*. До-

лина эта имѣетъ до двѣнадцати верстѣ длины, и не болѣе двухъ или трехъ верстѣ ширины. На восточномъ концѣ ея находится деревня Березовка; съ юга она ограничивается длинной горой, покрытой хвойнымъ лѣсомъ; гора эта называется Шпили, потому-что гребень ея мѣстами состоитъ изъ нагнхъ скалъ, высовывающихся изъ лѣсовъ въ видѣ башенъ; на неприступной высотѣ ихъ одни вороны вьютъ гнѣзда. Длина Шпилей около двадцати верстѣ. На западѣ она соединяется съ Плѣшивой горой, вершина которой совершенно свободна отъ лѣсовъ и покрыта щенками разрушившихся горныхъ породъ, еще западнѣе видна была темная большая скала Тулатинскаго хребта, изъ котораго беретъ начало рѣчка Тулата. Наконецъ позади всего этого былъ видѣнъ бѣлый треугольникъ — это Тигерецкій бѣлокъ съ вѣчнымъ снѣгомъ. Видъ этой безыменной, замкнутой со всѣхъ сторонъ, долины производитъ сильное впечатлѣнiе даже и на простолюдиновъ, которымъ особенно нравится развалистое положенiе горъ, обширность панорамы. «Вотъ бы гдѣ быть нашей-то станицѣ, замѣтили мои спутники; говорятъ, наши старики просились поселиться на этомъ веселомъ мѣстѣ, да начальство не позволило.»

Мы пересѣкли долину поперегъ и вступили въ ущелье между Шпилями и Плѣшивой горой; рѣчка Тулата осталась въ правой рукѣ. Рѣчка эта беретъ начало изъ хребта своего имени, недалеко отъ *Плѣшивой горы* и впадаетъ въ Чарышъ при *Можнатой сопкѣ*. Послѣдняя такъ называется по тому, что скалистая острая верхушка ея усажена соснами. Недалеко отъ истока, Тулата скрывается подъ землей, падая въ широкое отверстiе при подошвѣ небольшой горы; версты три ниже, съ противоположной стороны, въ той же горѣ находится обширный грѣтъ, по дну котораго Тулата вытекаетъ изъ-подъ горы во всей цѣлости. Кромѣ этого, окрестности этой рѣчки замѣчательны еще двумя пещерами; одна находится при подошвѣ Шпилей; входъ въ нее состоитъ изъ узкаго колодезя; любопытные спрыгиваютъ съ краевъ прямо въ отверстiе и на одну сажень глубины встрѣчаютъ ногою дно пещеры, которая продолжается въ горизонтальномъ направленiи внутрь горы; другая пещера находится въ

подошвѣ Мохнатой сопки. Есть еще третья пещера при деревнѣ Чагырской; послѣдней приписываются чудесныя свойства.

Дальше въ гору ущелье становилось уже, лѣсъ гуще и трава выше; множество попадалось намъ черемухи, обремененной урожаемъ ягодъ; особенно бросались въ глаза кусты рябины большими красными букетами своихъ ягодъ. Травянистая растительность принадлежала по большей части къ такимъ породамъ, которыя далеко превышаютъ ростъ лошади; когда мы стали подниматься косогоромъ на гору, зигзагами, между пихтъ, безъ тропинки, по неизмятой травѣ, мы видѣли другъ у друга только головы и плечи; я сталъ бояться за каждый новый шагъ лошади, потому что почва, на которую она становила свою ногу, скрывалась въ зіяющей тѣни стеблей и листьевъ. Изъ зеленой массы большихъ и разнообразно-разрѣзанныхъ листьевъ возвышались вертикальныя цвѣтоносы-прикрыты, равняясь головками своими съ нашими головами. Такимъ образомъ мы исподволь вступили въ чернь; въ томъ мѣстѣ, гдѣ находились мы, она состояла мѣстами изъ стволовъ лиственницъ съ примѣсю кедровъ, мѣстами изъ кедровъ и пихтъ, съ небольшою примѣсю лиственницъ. Постель, на которой возвышался этотъ лѣсъ, покрыта мхами и колодами уроненныхъ вѣтромъ лѣсицъ, лежавшихъ одна на другой и также покрытыхъ мхами; изъ-за мховъ не было видно настоящей почвы. Мѣстами изъ мха высывались камни, что впрочемъ, бываетъ очень рѣдко; гораздо чаще между мхами скрываются длинныя мочаги, развѣтвляющіяся, вновь соединяющіяся и составляющія такимъ образомъ сѣть мочаговъ, изъ которой трудно бываетъ найти выходъ. Между высокими хвойными деревьями растутъ только два кустарника, составляющіе подлѣсокъ: рябина и красная смородина, на которыхъ красныя ягоды остаются въ продолженіе всей зимы. Въ болѣе сухихъ мѣстахъ на почвѣ стелются стебли черники, высывая изъ подъ моха только кончики вѣтвей съ черными ягодками. Лѣсъ такъ густъ, что дальше пяти сажень нѣтъ перспективы. Особенный видъ придаютъ ему послѣдствія вѣтровъ, которые въ Алтаѣ особенно сильны. На одномъ изъ острововъ Чарыша росъ молодой бе-

резовой и осиновый лѣсъ, были старыя лѣсины, но большею частью это былъ свѣжій, неподгнившій лѣсъ, въ четверть въ отрубѣ; ударившая буря повалила его вдругъ на разстояніи четырехъ верствъ, ни одного ствола не осталось цѣлаго, нѣкоторые были вывернуты изъ земли съ корнемъ, у другихъ сломлена вершинка. Въ черни однакожь вѣтры не бываютъ такъ опустошительны, потому-что встрѣчаютъ на всѣхъ точкахъ одинаковое сопротивленіе, но и здѣсь дѣйствія ихъ такъ значительны, что картина черни состоитъ изъ хаотическаго безпорядка, какъ будто вѣзжаешь въ нее послѣ только-что кончившагося урагана; между нижнихъ частей стволовъ, обнаженныхъ отъ хвои, видна общая картина валежника; высокіе стволы, отломленные отъ корня, лежатъ своими вершинами на вѣтвяхъ сосѣднихъ деревъ въ разнообразныхъ направленіяхъ, такъ что валежникъ имѣетъ видъ разнообразно-скрестившихся линий. Нѣкоторыя лѣсины лежатъ на почвѣ, до половины уже вросшія въ почву и покрытыя сверху мхомъ; отъ другихъ остались только отрывки гнилья, свидѣтельствующіе о направленіи, въ которомъ лежала лѣсина; иногда паденіе одного дерева роняетъ нѣсколько другихъ и представляетъ темную кучу, похожую на убѣжище чудовища. Эти ограниченныя рамы картины, представляющіяся человѣческому зрѣнію, наводятъ тоску тѣмъ болѣе, что зелени нигдѣ не видно: подъ ногами кругомъ коричневый мохъ да изрѣдка какіе-то маленькіе злаки, выше — сухія вѣтви деревьевъ, обвѣшенные блѣдно-зеленымъ мхомъ, какъ сѣдинами; изъ-за лѣса невидно контуровъ горъ и ущелій и мнѣ очень хотѣлось добратся поскорѣе до лысой вершины горы, откуда можно было бы взглянуть на весь пройденный путь сверху; но уже было поздно и мы должны были, чтобъ достаточно вознаградить свою поѣзду, приняться за сборъ орѣховъ.

Лошадей привязали къ деревьямъ; приготовили мѣшки и распредѣлили людей, однихъ лѣзть на кедры съ бойкомъ, или топоромъ, въ рукахъ, другихъ собирать на полу слетѣвшія сверху шишки. Я пробовалъ самъ подниматься на кедръ, но съ половины слѣзъ, потому что лѣсина уже стала качаться подо мной; но алтайскіе жители проворно поднимаются до самой вершины, всегда обильной шишками, не смотря на ея

размахи. Они, какъ бѣлки, лазаютъ по деревьямъ, и если нужно перейти на сосѣдную лѣсину, то чтобъ не спускаться снова на землю, они раскачиваютъ вѣтвь, на которой стоятъ, прыгаютъ прямо на другой кедръ и схватываются руками за его вѣтви. Искусство лазить здѣсь такъ развито, что во время масляницы молодые люди иногда взбираются на длинный шестъ, воткнутый въ землю, и, не смотря на то, что жидкая вершина его дѣлаетъ размахи въ двѣ сажени, они достигаютъ до конца.

Я расположился внизу для ловли шишекъ, которыя, какъ дождь, посыпались съ разныхъ лѣсинъ, отскакивая отъ вѣтвей и дѣлая рикошеты въ разныя стороны; трудно было успѣвать за ними глазами, не только руками. Мы скоро набрали одиѣ сумы и мѣшокъ. Точно опредѣлить, сколько одинъ кедръ даетъ шишекъ было трудно, потому что не все еще дозрѣли и нѣкоторыя были очень сѣристы. Шишки кедровыя расположены на самыхъ концахъ вѣтвей, по три вмѣстѣ, по четыре, пяти, и даже по семи. Во время сбора насъ иногда отвлекали дикіе обитатели черни, которые безирестанно давали намъ знать о своемъ присутствіи. Особенно громко кричала роньжа; птица эта исключительно питается кедровыми орѣхами, и, кажется, считаетъ кедровые лѣса своей собственностью, потому-что при появленіи человѣка въ кедровникѣ слетается во множествѣ на ближайшія лѣсины и поднимаетъ крикъ. Въ одномъ мѣстѣ насъ удивилъ стукъ дроворуба; пробираясь украдкой подъ вѣтвями, я дошелъ до мѣста, гдѣ слышнѣе раздавался стукъ, и между вѣтвей замѣтилъ маленькую смѣшную фигуру сальника, съ натугомъ трудившагося надъ добываніемъ древеснаго червяка. Въ другой разъ наше вниманіе было привлечено шорохомъ бѣлки, которая сидѣла на гнилой колодѣ и щелкала кедровые орѣхи; она бѣжала отъ насъ; блюдо ея осталось на столѣ: это была шишка, съ краю исклеванная роньжей и потомъ уже доставшаяся бѣлкѣ; на колодѣ валялись оббитыя чешуи и расколотыя скорлупы орѣховъ. — Мои спутники, не интересовавшіеся домашней жизнью бѣлки, кинулись за ней въ погоню; она оттаивалась иногда на лѣсинѣ, и когда мы снова приближались къ ней на опасное разстояніе, — прыгала дальше,

и привела насъ такимъ образомъ къ скалистому обрыву, просшему лѣсомъ; обрывъ былъ обращенъ къ югу; подбѣжавъ къ нему, мы вдругъ очутились внѣ лѣса, который будто вдругъ упалъ къ нашимъ ногамъ; надъ его верхушками тихо кружилась большая птица; мы увидѣли горы съ ихъ ущельями, гребнями и лѣсомъ, покрывающимъ ихъ бока; бѣлка спрыгнула въ зеленую площадь верхушекъ лѣса, которая стлалась подъ нашими ногами и скрылась въ ней. Такъ какъ кедры на обрывѣ, отъ южнаго его положенія, скорѣе созрѣли, то мы быстро дополнили тутъ свои мѣшки и отправились домой. — Когда мы въ сумерки уже спустились въ долину, мы очутились въ обществѣ множества каравановъ, то ѣхавшихъ впереди, то выѣзжавшихъ сзади изъ разныхъ ущелій, съ пѣснями и орѣхами; то перегоняя ихъ, то сами обгоняемые ими, мы незамѣтно доѣхали до станицы, забывъ усталость своихъ членовъ.

Сборъ кедровыхъ орѣховъ для алтайскихъ жителей тоже, что сборъ винограда для жителей южной Европы. Еще съ осени начинаются предсказанія на будущее лѣто о урожаѣ орѣховъ, потому что осенью, когда бьютъ орѣхи, на кедрахъ уже есть маленькія шишки, которыя должны поспѣть въ будущую осень; эти молодыя шишки называются *озимью*. Кромѣ того хорошая озимь ржи также служитъ примѣтою для здѣшнихъ жителей хорошаго сбора орѣховъ. Но урожан эти бываютъ очень рѣдки; до урожая 1856 г. девять лѣтъ не было вовсе сбора кедровыхъ орѣховъ, и никто не ѣздилъ въ кедровники. Съ нетерпѣніемъ алтайцы ждутъ августа мѣсяца; сначала какой-нибудь охотникъ за козулями, возвращаясь изъ черни, привезетъ до десятка шишекъ, которыя въ мгновеніе разойдутся по его роднымъ и знакомымъ, а молва, что шишки поспѣли, по всей деревнѣ *); въ ближайшее воскресенье въ деревнѣ остается одно женское населеніе; къ вечеру мужчины возвращаются изъ черни съ полными мѣшками, и шишки распространяются

---

*) Наружнымъ признакомъ спѣлости орѣховъ служитъ отсутствіе сѣры на поверхности шишекъ; въ 1856 году первые спѣлые орѣхи въ станицу Чарышскую были привезены 28 іюля.

по всей деревнѣ; на всѣхъ завалинахъ щелкаютъ орѣхи; мальчишки, отправляясь въ поле на игры, запасаются шишками; улицы покрыты скорлупой и чешуей шишекъ, какъ красной скорлупой яицъ въ Пасху. Такъ дѣлается конечно въ деревняхъ, ближайшихъ къ черни; но скоро вѣсть, что въ ближнихъ уже ѣздили за орѣхами, распространяется и по отдаленнымъ деревнямъ, и тогда крестьяне спѣшатъ въ Алтай за нѣскольکو сотъ верстъ. Они проводятъ въ черни цѣлыя недѣли и вывозятъ орѣхи караванами. Кедровники оживляются; повсюду слышенъ людской говоръ, шумъ, стукъ срубаемыхъ вѣтвей и даже цѣлыхъ кедровъ; смѣхъ, шалости, пѣсни, потому что такъ много собирается кедровщиковъ, что станъ отъ стана располагается недалеко, и партіи, во время сбора, часто встрѣчаются между собою. Словомъ, эти недѣли — самый поэтическій сезонъ алтайскаго крестьянина. Кедръ бываетъ, смотря по почвѣ, или каряговатые и низкіе, или высокіе и прямые; первые удобнѣе для того, чтобъ на нихъ подняться, потому что сучья начинаются съ самаго низу; но на кандовые кедръ нельзя подняться безъ лѣстницы; потому промышленникъ, выбравъ рясную лѣсину, срубаеъ по близости молодую ель или пихту, и ставитъ ее къ стволу кедръ такъ, чтобъ верхушка елины доставала до нижнихъ сучьевъ; по ней онъ лезетъ вверхъ съ бойкомъ, висящимъ на шеѣ; на деревья, нижнія сучья которыхъ не слишкомъ далеко отстоятъ отъ земли, взбираются посредствомъ крючка, который состоитъ изъ ствола лѣсины, корень котораго загибается крюкомъ; длина этого орудія 3—4 аршина. Промышленникъ зацѣпляетъ крюкомъ нижнія вѣтви и, обхвативъ дерево ногами, поднимается на него. Добравшись до первыхъ плодоносныхъ вѣтвей, промышленникъ усаживается на сучьяхъ и околачиваетъ съ вѣтвей шишки, которыя валятся на землю не осыпаясь, потому что орѣхи зацѣрены въ своихъ гнѣздахъ. Въ то время, какъ онъ работаетъ сверху, снизу его совершенно не видно въ густотѣ хвои, и только сыплющаяся шишки обнаруживаютъ его присутствіе; лазить по высокімъ кедрамъ однакожь тяжело, и запасные охотники теряютъ здоровье на этомъ промыслѣ; платье также портится, потому что покрывается сѣрой.

Крестьяне ближайших деревень увозят шишки въ деревню въ тотъ же вечеръ и готовятъ ихъ дома для продажи; крестьяне же отдаленныхъ деревень дѣлаютъ это въ лѣсу. Шишки, собранныя изъ-подъ деревьевъ, складываются въ кучу, въ которой онѣ прѣютъ; благовонный паръ отъ нихъ распространяется по лѣсу; на запахъ часто приходитъ по ночамъ медвѣдь, но такъ какъ видитъ самихъ хозяевъ, спящихъ возлѣ, то всю ночь проводитъ около приманки, расхаживая кругомъ и страдая желаніемъ полакомиться; на утро оказывается даже тропинка изъ его слѣдовъ кругомъ стана. Иногда дѣлаютъ срубъ и орѣхи оставляютъ въ черни до зимы; тогда случается, что хозяевамъ достанутся одни остатки отъ медвѣдя, наткнувшагося на орѣхи. Медвѣди также любятъ кедровые орѣхи, какъ малину, и сами лазятъ на кедры; одинъ промышленникъ зашедшій далеко отъ своихъ товарищей, возвращаясь, замѣтилъ что съ одного кедра валяются вѣтви съ шишками, въ руку толщиной; онъ подивился сначала, кто бы могъ отламывать такія толстыя вѣтви; онъ остановился передъ кедромъ и закричалъ: «эй! это ты кумъ?» Въмѣсто отвѣта между вѣтвями показалась темная масса звѣря и стала спускаться внизъ; промышленникъ бѣжалъ прочь, но и медвѣдь, испуганный этой неожиданностью, съ половины дерева бухнулся прямо на землю и упелся въ лѣсъ.

Послѣ выпарки, когда орѣхи ослабнутъ въ своихъ гнѣздахъ, ихъ вылуциваютъ посредствомъ *катка* и *терки*. Первый совершенно такой же, какой употребляется для катанья бѣлья; теркой называется доска 1 аршинъ длины и 2 четверти ширины, съ такими же, какъ и на каткѣ, рубцами, нарѣзанными на верхней плоскости. Шишки кладутся на терку тѣми концами, которыми сидѣли на ножкѣ, а спѣлыя какъ-нибудь, но нѣсколько за-разъ; потомъ бьютъ по нимъ каткомъ и растираютъ по теркѣ. Для отдѣленія орѣховъ отъ чешуи дѣлаются ночевки или полукруглыя лукошки; ночевку наполняютъ орѣхами, берутъ ее въ руки прямымъ бокомъ отъ себя, а круглымъ къ себѣ, и трясутъ такъ, что орѣхи скатываются къ широкому боку, а чешуя остается выше; орѣхи сгребаютъ и откидываютъ въ пологъ; послѣ

того ихъ еще сѣютъ, какъ хлѣбъ, и сушатъ для продажи на воздухѣ, а для себя въ корчагахъ въ печи.

Нѣкоторые крестьяне набиваютъ орѣховъ до 100 пудовъ; въ 1856 году кедровые орѣхи продавались въ Змѣиногорскѣ по 2 р. 50 к. асс. пудъ, а въ Барнаулѣ, въ 280 верстахъ отъ Змѣиногорска, по 4 руб. асс. пудъ. Иногда въ Змѣевъ возятъ орѣхи въ шишкахъ, и, на первый разъ, продаютъ по 1 к. сер. шишку. Такимъ образомъ за возъ шишекъ, въ который помѣстится до 5000, можно выручить 50 руб. сер. Такіе барыши заставляютъ крестьянъ покидать полевые работы и заниматься битьемъ орѣховъ; жители деревни Березовки, лежащей при подошвѣ Шпилей, остаются иногда безъ хлѣба изъ-за орѣховъ, потому-что упускаютъ время уборки; но они не бываютъ отъ того въ убыткѣ, потому-что возъ пшеничной муки, т. е. 20 пудовъ, по 1 р. асс. пудъ, будетъ стоить 20 р. асс., а возъ кедровыхъ орѣховъ 30 руб. Они соединяются въ компаніи, и посылаютъ отъ себя одного члена въ чернь бить орѣхи, который и живетъ тамъ не выѣзжая цѣлый мѣсяцъ и, время-отъ-времени, отправляя въ деревню транспорты орѣховъ, сопровождаемые остальными членами.

Интересно было бы опредѣлить все то пространство Алтая, на которомъ попадается кедръ; но такъ какъ я не объѣзжалъ Алтая во всѣхъ направленіяхъ, то и не могъ собрать полныхъ данныхъ о его распространеніи. Границы его на сѣверѣ: гора Разсыпчатая, Монастыри, Плѣшивая гора, Тулатинскій хребетъ, Левъ-гора; далѣе на западѣ кедровые лѣса удаляются внутрь Алтая, параллельно правому берегу Убы, и есть ли онъ на лѣвомъ ея берегу, я не слышалъ. Изъ Риддерскаго рудника, лежащаго на западъ отъ Убы, ѣздить за кедровыми орѣхами въ вершины Убы; въ окрестностяхъ Усть-Каменогорска и Бухтарминской станицы нѣтъ кедровыхъ лѣсовъ; но въ вершинахъ Бухтармы кедры составляютъ, также какъ и въ вершинахъ другихъ алтайскихъ рѣкъ, существенную часть черни. На востокѣ кедровые лѣса простираются непрерывно по горамъ Алтая и Кузнецкаго Алатау.

По рѣкѣ Чумышу, около Кузнецка, за орѣхами ѣздятъ вдоль рѣки, и бьютъ орѣхи или съ прибрежныхъ, отличающихся *кареговатостью*, у которыхъ сучья начинаются съ полу, а развѣвокъ, отдѣляющій толстую вѣтвь, не выше полуторы сажени; или пробираются къ кедрамъ, стоящимъ внутри кочковатыхъ болотистыхъ *согръ*, по узкимъ сужимъ полосамъ, которыя называются *рѣлками* и служатъ единственными путями внутрь согръ, способными для проѣзда верхомъ на лошади; на рѣлкахъ кедръ по большей части голенастые *); чумышскіе кедръ достигаютъ трехъ обхватовъ толщины; далѣе на востокъ кедръ кажется толще, чѣмъ на западѣ; въ Томской тайгѣ недавно сгорѣлъ кедръ, имѣвшій до восьми обхватовъ толщины и носившій прозвание «Двѣнадцать братьевъ», потому что развѣтвлялся вверху на двѣнадцать частей.

Такъ называемые алтайскіе орѣхи, привозимые въ Бійскъ и Кузнецкъ, покупаемые у кумандинцовъ и сплавляемые внизъ по Оби и Томи, гораздо вкуснѣе и крупнѣе тѣхъ орѣховъ, которые собираются въ Алтаѣ между Бійскомъ и Усть-Каменогорскомъ.

Кедръ сибирскій есть родъ сосны; вѣтви его, какъ у всѣхъ хвойныхъ, образуютъ нѣсколько пунктовъ общаго выхода изъ ствола; точно также симметрически расположена на немъ хвоя, и, наконецъ, тотъ же законъ участвуетъ въ расположеніи шишекъ на концахъ верхнихъ вѣтвей; сидятъ онѣ по нѣскольку на самомъ концѣ, чаще по 3, но иногда по 6 и 7, и непременно всѣ прикрѣплены къ вѣтви въ одной плоскости. Кедръ растутъ здѣсь или въ смѣшеніи съ другими породами, или составляютъ отдѣльные лѣса, которые есть и въ Чарышской долинѣ; я не былъ въ чистыхъ кедровникахъ, но по тѣмъ кедровникамъ, которые я видѣлъ на Плѣшивой горѣ, можно заключить, что они не представляютъ особенно величественной картины; судя по ихъ суховатости, кедровники составляютъ обыкновенную сибирскую

*) Голенастые кедръ, по рассказамъ орѣхопромышленниковъ, даютъ только пудовку шишекъ; береговые же до пяти мѣшковъ, т. е. не много менѣе пяти пудовокъ.

трущобу, а отдѣльныя фигуры кедровъ, видѣнныя мною на Плѣшиной горѣ, были одни изъ неуклюжихъ хвойныхъ деревьевъ.

Лѣсъ имѣетъ большое значеніе въ фizioноміи страны. Видъ лиственныхъ породъ пріятнѣе хвойныхъ, по разнообразію и легкости фигуръ; контуры березы показываютъ, что при жидкомъ свойствѣ молодыхъ вѣтвей, тяжесть листового бремени оказывала продолжительное вліяніе на направленіе ихъ; вся фигура березы представляетъ подвижныя прозрачно-зеленыя массы, легко и свободно размѣщенныя по стволу. Напротивъ, сосна прикрѣплена къ землѣ крѣпкимъ стволомъ, который спокойно стоитъ во время вѣтровъ, качающихъ березы, и только густыя массы темной хвои едва замѣтно передвигаются; эта твердая постановка стержня отстранила вліяніе равновѣсія на воспитаніе дерева, и вѣтви распростерлись внѣ видимыхъ условій; случается видѣть, что сосна погнулась въ одну сторону, а тяжелѣйшія массы хвои группируются на противоположной сторонѣ. Но между хвойными сосна считается самымъ красивымъ деревомъ; въ ней нѣтъ однообразія елей, дѣлающаго всѣ ихъ похожими одну на другую, и въ тоже время нѣтъ того разнообразія, которое доходитъ до уродливости въ лиственницѣ. *Послѣднее дерево отличается въ Сибири полнымъ отсутствіемъ граціи; въ срединѣ дерева возвышается стволъ, прямой, какъ свѣча, ни мало не подчиняясь прихотливому распредѣленію вѣтвей. Это распредѣленіе бываетъ иногда довольно странно; то дерево имѣетъ снизу длинныя вѣтви, составляющія своими контурами законченную фигуру дерева; а другая половина дерева, едва облеченная короткими вѣточками, возвышается надъ этой фигурой въ видѣ тонкой колонны; другія лиственницы представляютъ эту же фигуру въ превратномъ видѣ, т. е. вѣтвистая часть украшаетъ вершину дерева, а нижняя половина остается обнаженною; наконецъ встрѣчаются такіе уроды, которые имѣютъ длинныя и густохвойныя вѣтви съ одной только стороны, тогда какъ другая сторона совершенно нагая. Вѣтви лиственницы покрыты очень нѣжной хвоей, легкость которой усиливаетъ независимость распредѣленія вѣт-

вей отъ центра тяжести дерева. Пихта и ель, двѣ остальные хвойныя породы Алтая, хотя придаютъ ландшафту мрачный характеръ, но пирамидальная фигура дерева, происходящая отъ симметрически опустившихся вѣтвей, дѣлаетъ ихъ очень оригинальными, и породы эти для сѣверныхъ пустынь такія же характеристическія растенія, какъ пальма для южныхъ степей.

Породы, которыя, составляя отдѣльныя лѣса, растутъ рѣдникомъ, въ смѣшеніи съ другими породами терпятъ и тѣсноту. Такъ на примѣръ береза, которая въ березовыхъ рощахъ не отличается особенной тѣснотой, въ черни растетъ въ мрачной глухотѣ между пихтами. Онѣ иногда такъ тѣсно сближаются, что невольно предполагаешь физическую дружбу между ними; корни березы иногда перепутываются съ корнями пихты, что обнаруживается, когда ихъ выворотитъ вѣтромъ изъ земли; стволы ихъ стоятъ на разстояніи только двухъ четвертей, и тогда лиственный сфероидъ березы бываетъ проткнутъ черной иглой пихты, силуэтъ которой виднѣется чрезъ скважины березовой жилы, какъ жила въ сквозящемъ тѣлѣ насѣкомаго. Лиственница, растущая рѣдникомъ въ нижнихъ горизонтахъ Алтая, также терпитъ глухоту въ границахъ черни. Отъ глухоты на пихтѣ и лиственницѣ растетъ печеночный мохъ, одѣвающий сухія вѣтви ихъ вмѣсто хвои. У всякаго дерева сѣверная сторона нѣсколько поросла мхомъ; отъ этого южная сторона у березы бѣлѣе, а у лиственницы краснѣе.

Ель растетъ болѣе во внутренней части Алтая, и притомъ вовсе не встрѣчается на западъ отъ долины Чарыша, тогда какъ на востокъ отъ этой рѣки составляетъ исключительные лѣса.

Сами алтайскіе жители очень мало истребляютъ лѣсу; они обрубали его сильно только въ первый годъ своего населенія, но съ того времени порубка лѣса идетъ медленно; значительная часть дровъ собирается по горамъ, въ видѣ валежника и обгорѣлаго лѣса, слѣдовательно и порубкой на дрова онъ мало уничтожается; степному жителю, страдающему недостаткомъ лѣса и захавшему въ алтайскую чернь, становится завидно, что столько бурелому гнѣтъ на мѣстѣ не

вывезеннымъ; здѣсь почти всякая лѣсна доживаетъ свой вѣкъ, или, по-крайней-мѣрѣ, умираетъ на корнѣ. Притомъ здѣсь, не такъ какъ на сухой почвѣ Киргизской степи и южной Европы, гдѣ лѣсъ не растетъ уже тамъ, гдѣ его вырубилъ, но вездѣ возобновляется. Въ полосѣ лиственничныхъ рѣдниковъ я встрѣчалъ скаты горъ, покрытые молоденькими лиственницами; тамъ, гдѣ береза мѣшается съ пихтой, молодыя пихты густыми кучами выходятъ изъ земли; въ глухой черни менѣе молодой поросли, но это потому, что молодое дерево встрѣчаетъ тотчасъ по выходѣ изъ земли соперничество старыхъ деревьевъ, густо растущихъ, терпитъ недостатокъ и въ сокахъ, и въ свѣтѣ, и умираетъ прежде, чѣмъ достигнетъ до крыши лѣса.

На сибиряковъ взводятъ двѣ клеветы: произвольное истребленіе лѣсовъ пожарами и порубкой кедровыхъ деревьевъ, для сбора орѣховъ. Я этимъ не оспариваю извѣстій, сообщаемыхъ сибирскими путешественниками и другими писателями, потому-что извѣстія ихъ можетъ быть справедливы въ отношеніи къ другимъ мѣстностямъ Сибири, но читатели не различаютъ этого и часто слова объ одной части Сибири распространяютъ на всю страну, отчего происходитъ иногда большая путаница *). Я не слыхалъ случая, чтобы въ западной Сибири кто-нибудь зажегъ лѣсъ, съ намѣреніемъ полюбоваться пожаромъ; всѣ только признаютъ удовольствіе въ томъ, чтобы смотрѣть на горящій лѣсъ, зажженный молніей или другой причиною; да иногда звѣропромышленники, поднявшись на снѣжные хребты, чтобъ отогрѣться, вмѣсто разкладыванья большаго костра, зажгутъ однокую пихту, что въ той горизонталѣ имѣетъ совершенно равное экономическое значеніе. Несправедливо бы было также сказать объ алтайскихъ кедровщикахъ, что они срубаютъ цѣлыя

---

*) Авторъ «Статистическаго Обзорѣнія Сибири» въ одной части своего сочиненія написалъ, что тигръ называется въ Сибири *бабромъ*; во всей Западной Сибири не знаютъ этого слова, тогда какъ тигръ въ нее чаще заходитъ, чѣмъ въ Восточную, а на югѣ киргизской степи водится постоянно. Свѣдѣніе это авторъ заимствовалъ изъ «Поѣздки въ Якутскъ» Щукина, гдѣ говорится, что тигръ въ самомъ дѣлѣ называется бабромъ на крайнемъ востокѣ Сибири.

деревья, чтобъ не лазить на нихъ; это дѣлаютъ въ алтайской черни, только не мѣстные крестьяне, а тѣ, которые пришли за 150 и болѣе верстъ и которые спѣшатъ поскорѣе набрать орѣховъ и возвратиться домой. Притомъ, по большей части рубятъ шишконосныя вѣтви, а не самый стволъ; такое обращеніе возбуждаетъ неудовольствіе и у алтайскихъ крестьянъ, хотя въ не большой мѣрѣ, потому что чернь алтайская ни кому не принадлежитъ, и они не смотрятъ на нее, какъ на свою собственность.

Русскіе крестьяне, населяющіе деревни при подошвѣ Алтая, вывозятъ лѣсъ по большей части гужомъ. Даже деревни, лежащія внѣ горъ по Чарышу, вывозятъ лѣсъ не по этой рѣкѣ, а по дорогѣ, идущей между станицами Слюденкой и Сосновкой. Такихъ дорогъ, изъ равнины въ чернь, въ Алтаѣ нѣсколько, но я не успѣлъ собрать объ нихъ свѣдѣній. Деревни, лежащія въ горахъ по Чарышу, по необходимости сплавляютъ лѣсъ по своей рѣкѣ. Но сплавъ этотъ затруднителенъ, потому что Чарышъ, если и не слишкомъ порожистъ, какъ и другія алтайскія рѣки, то имѣетъ скалистые берега, которые свѣшиваются *быками* въ самую воду. Чтобъ дать ясное понятіе о быкахъ, необходимо распространиться о теченіи горныхъ рѣкъ. Такая большая рѣка, какъ Чарышъ, имѣетъ *лугъ* въ одну версту шириною. Это узкая плоская полоса земли; плоскость луга параллельна поверхности воды въ рѣкѣ; дно луга состоитъ изъ плотнаго камня, на который нанесенъ рѣкою толстый пластъ голешника, т. е. округленныхъ водою обломковъ каменныхъ породъ; сверхъ голешника лежитъ слой чернозема, покрытый луговою растительностью и составляющій поверхность луга; ложе рѣки врѣзывается въ пластъ голешника; лугъ обставленъ съ боковъ скалами и пласты его какъ будто лежатъ на днѣ длиннаго ящика или корыта. Корыто это не прямо, а искривлено, и потому рѣка, подчиняясь его изгибамъ, течетъ колѣнами; размывая берега въ изгибахъ, она теряетъ направленіе корыта и приближается наконецъ къ одной изъ его каменныхъ стѣнъ; чѣмъ уголь, подъ которымъ она пришибается къ скалѣ прямѣе, тѣмъ сильнѣе она бьетъ въ скалу, и подъ тѣмъ же угломъ отражается. Плоть, увлекаемый

главной струею, набѣгаетъ на камень, и разбивается. Скаль, къ которымъ пришибается Чарышъ, множество, и наибольшая глубина и главная струя всегда находится подъ ними, но не всѣ онѣ называются быками, потому-что безъ большаго труда можно бываетъ держаться вдали отъ нихъ на веслахъ; быки же имѣютъ такой приборъ, что многіе опытные люди не успѣваютъ выгрестись изъ главной струи и погибаютъ. Замѣчательные быки по Чарышу: *полковниковъ быкъ, зипуниковъ, козлятинъ и коровій хребетъ*. Кромѣ того есть на немъ еще другія опасныя мѣста: *дурной порогъ, зазубра и ворота*. *Зазуброй* называется навѣсившаяся надъ водой скала, подъ которой слишкомъ глубокое мѣсто и водоворотъ; плоты увлекало прежде подъ этотъ навѣсъ, но нынѣ приборъ къ *зазубрѣ* нѣтъ, потому-что Чарышъ нѣсколько измѣнилъ свое ложе; *воротами* называется узкій и опасный проходъ между береговымъ камнемъ, и камнемъ, стоящимъ по срединѣ Чарыша и, во время разлива, покрываемымъ водою.

Постройка крестьянскихъ избъ есть главное употребленіе, на которое идетъ здѣшній лѣсъ. Породы, употребляемыя для этого, такъ различны, что разграниченіе областей въ этомъ отношеніи можетъ составить предметъ интереснаго изслѣдованія, подъ названіемъ *географіи матеріала крестьянскихъ избъ*. На всемъ сѣверномъ скатѣ Алтая они строятся изъ сосны, изрѣдка изъ пихты; въ ущельяхъ, ведущихъ изъ города Усть-Каменогорска въ долину Бухтармы, всѣ дома пихтовые; въ Бухтарминской станицѣ между сосновыми встрѣчается много тополевыхъ домовъ; въ трехъ станицахъ, расположенныхъ по рѣчкѣ Нарыму, впадающему справа въ Иртышъ, дома лиственничные. Но по Чарышу лиственничныхъ избъ не строятъ, потому что стѣны ихъ потѣютъ зимой. Березовыхъ избъ въ Алтаѣ также нѣтъ, потому что дерево это здѣсь хрупко и имѣетъ загнившую сердцевину въ комлѣ. Только березы, которыя растутъ на гривахъ, не имѣютъ этого недостатка; по мнѣнію здѣшнихъ жителей это происходитъ отъ того, что на гривахъ лежитъ мало снѣгу, и потому земля глубже промерзаетъ, что сохраняетъ корни отъ поврежденій; въ низяхъ же лежатъ глубокіе снѣга, почва

промерзаетъ только на четверть аршина, а ниже остается всю зиму талою и корни, находящіяся зимой въ органическомъ бездѣйствіи, загниваютъ *). Для постройки избъ выбираются *кандовыя* лѣсны, т. е. прямыя, внутри совершенно сухія, и сырыя только на палецъ снаружи, легкія и звонкія; кандовая лѣсна въ Алтаѣ всегда имѣетъ засохшую вершину; мяндачь, т. е. лѣсна сѣристая, суковатая и тяжелая не употребляется для построекъ.

Кедръ, кромѣ сбора орѣховъ, не приноситъ ни какихъ другихъ выгодъ здѣшнему крестьянину; изрѣдка дѣлаются изъ его дерева лодки. Дерево лиственницы идетъ на стойки, нижніе вѣнцы у домовъ, и на мосты, потому что это дерево отличается негниючестью; бочки лиственничныя считаются здѣсь самыми лучшими, потому что выдерживаютъ больше мочи, чѣмъ всякія другія; одиѣ дубовыя превосходятъ ихъ. Цѣна сосновой бочки въ Алтаѣ 3 р. асс., лиственничной 1 р. 50 к. сер., дубовой 6 руб. сер. Бадьи подъ медъ дѣлаются также лиственничныя, потому-что, по замѣчанію пчеловодовъ, такія бадьи не отнимаютъ у меда вкуса и аромата. Колодки, или улья, пчеловоды стали дѣлать изъ лиственницы недавно, когда замѣтили, что дикія пчелы предпочитаютъ дупла лиственничныя другимъ. Калмыки дѣлаютъ изъ лиственницы, какъ полозья такъ и вязья. Они не гнутъ полозья, а ищутъ такую лѣсину, у которой сукъ загибался бы подъ надлежащимъ угломъ къ стволу и обтесываютъ изъ этой лѣсны полозья.

Одинъ изъ важныхъ продуктовъ, доставляемыхъ лиственницею, есть ея сѣра, которая расходуется отсюда по западной Сибири. Не всякая лиственница даетъ сѣру; но на тѣхъ, которыя безъ сѣры, накапливается снаружи толстыми шишками *камедь*, или лиственничный клей. По замѣчанію здѣшнихъ жителей, камедь даютъ лиственницы, опаленныя весеннимъ полевымъ пожаромъ. Камедь просто отколачиваютъ отъ дерева, безъ особенныхъ трудовъ; она бываетъ такъ клейка, что

---

*) Березовые дома сплошь составляютъ жилища у обитателей барабинской равнины; въ Омскѣ большая часть домовъ изъ кедровъ, приплавленныхъ по Оми изъ лѣсовъ, окружающихъ ея вершины.

положенная между зубовъ, склеиваетъ ихъ и не позволяетъ разжать ротъ скоро, не испортивъ зуба. Она прозрачна и имѣетъ розовый цвѣтъ. Для сѣры сбиваютъ съ лиственницъ кору и складываютъ въ корчагу, которую ставятъ въ печь къ заignetкѣ, послѣ топки, и когда сѣра закипитъ, корчагу вынимаютъ, оттыкаютъ, и сѣра течетъ изъ корчаги въ отверстіе, которое просверлено надъ самымъ дномъ; подъ корчагой поставлена посуда съ холодной водой, въ которую сѣра падаетъ и застываетъ. Лиственничную сѣру жуютъ всѣ женщины западной Сибири, особенно въ городахъ; обыкновеніе жевать, кажется, перешло въ Сибирь изъ южной Азіи, гдѣ особенно распространено жеваніе бетеля.

Береза, кромѣ древесины, доставляетъ алтайскимъ жителямъ вѣники (*), бересту, идущую на деготь, на обувь и на туесы; кора березовая, пережженная въ золу, употребляется калмыками для подмѣси въ курительный табакъ; основная кора употребляется для обработки мыла.

Сидѣніе дегтя и смолы въ Алтаѣ весьма просто. Вырывается воронкообразная яма, т. е. состоящая изъ двухъ ярусовъ: верхній — обширный и глубокій, суживается книзу; нижній, не глубокій, составляетъ цилиндрическое продолженіе верхней ямы. Надъ послѣднимъ углубленіемъ кладутъ бревешки въ видѣ рѣшетки, для свободнаго пропуска смолы изъ верхняго отдѣленія; на рѣшетку ставятъ бревешки стоймя, въ нѣсколько рядовъ одинъ надъ другимъ; эти ряды называются *ставами*; ставы выше земной поверхности завершиваются въ остроконечную кучу, бока которой обкладываются травой, а верхушка зажигается. Огонь не допускаютъ до рѣшетки за полтора става, снимаютъ рѣшетку и вычерпываютъ смолу, скопившуюся въ нижнемъ отдѣленіи. Для выгонки дегтя употребляются такія же ямы; скорѣе, т. е. береста, сбивается долотомъ, насаженнымъ на палку; но какъ потребность дегтя не велика, то сбиваютъ одни березовые шиш, тѣмъ болѣе, что нижняя береста смолистѣе.

---

*) На семью, состоящую только изъ мужа и жены, заготавливаютъ здѣсь каждую осень пятьдесятъ двѣ пары вѣниковъ.

Сравнительно съ своимъ богатствомъ, алтайскіе и вообще сибирскіе лѣса мало доставляютъ выгодъ туземцамъ. Только два продукта: кедровые орѣхи и лиственничная сѣра сбываются внѣ Алтая; торговли лѣсомъ не существуетъ. Крестыяне деревень, расположенныхъ при подошвѣ Алтая, сами ѣздятъ въ горы для порубокъ, а дальніе получаютъ лѣсъ изъ сосновыхъ боровъ песчаной полосы. Единственный случай, въ которомъ алтайскія деревья являются въ продажѣ въ средней Сибири, — это сплавка товаровъ изъ Алтая внизъ по тремъ большимъ рѣкамъ: Томи, Оби и Иртышу. По Томи сплавляется на плотахъ хлѣбъ, а по Оби, Бухтармѣ и Иртышу меда; разгруженные плоты продаются въ Томскѣ, Барнаулѣ и Омскѣ. Естественно, что этимъ путемъ весьма ничтожное количество лѣса вывозится изъ Алтая. Добываніе кедровыхъ орѣховъ и лиственничной сѣры по простотѣ способовъ принадлежатъ къ роду сельскихъ промысловъ; болѣе же сложныхъ производствъ, требующихъ основанія заводовъ, нѣтъ ни въ Алтаѣ, ни при его подошвѣ, какъ, напримѣръ, скипидарнаго, которое было бы очень прибыльно въ Томской губерніи, получающей теперь скипидаръ съ ирбитской ярмарки.

Впрочемъ, такъ какъ лѣсъ средней Сибири не сбывается внѣ его родины, то лѣса Алтая, удаленные на югъ и не имѣющіе удобствъ къ сплаву, потому-что рѣки его скалисты и отчасти порожисты — надолго еще будутъ оставаться дѣвственными, и какъ въ Германіи уцѣлѣли только лѣса на горахъ Швабіи и Богеміи, такъ и въ Сибири, когда населеніе и культура превратятъ лѣса равнины въ роци, лѣса Алтая останутся заваленными по нынѣшнему буреломомъ.

Долины рѣкъ и скаты горъ ниже черни представляютъ контрастъ съ характеромъ и впечатлѣніемъ черни. Здѣсь солнце не загорожено и блеститъ во всей силѣ; контуры окрестныхъ горъ рисуются вполне со врѣзанными въ ихъ бока логами; за ближайшими горами, если смотрѣть на югъ, видны отдаленныя высочайшія горы, въ видѣ амфитеатра,

на заднемъ планѣ котораго находятся тѣ горы, которыя покрыты чернью, и даже иногда снѣжныя вершины.

Единственное высокоствольное дерево этой полосы, лиственница, растетъ рѣдникомъ по вершинамъ горъ, и иногда спускается въ лога, но очень рѣдко на лугъ; иногда еще на лугу встрѣчаются сосны и березы; такое отсутствіе сплошныхъ лѣсовъ дѣлаетъ эту часть Алтая открытою и производящею совершенно противоположное впечатлѣніе угрюмой черни. Здѣсь только на островахъ да въ логахъ растетъ густой низкій лѣсъ черемухи, гороховника, боярышника, бузины, калины и жимолости, а гривы покрыты короткой травяной растительностью и кустарниками крушины, чернаго шиповника и золотарника, не превышающими ростъ человѣка.

Сѣверные скаты покрываются сплошными заростями бадана или *чаыра*, который употребляется въ Томской губерніи вмѣсто чая; на прочихъ сторонахъ, гдѣ камень обнажается изъ-подъ чернозема, растутъ другія толстянковыя: *каменная рѣпка* и *скрытунъ* или заячья кануста. На скалахъ труднодоступныхъ растетъ горный лукъ, луковичы и ботва котораго весьма сходны съ огороднымъ лукомъ; жители алтайскихъ деревень ходятъ иногда собирать его и нерѣдко бываютъ принуждены спускаться къ нему на веревкахъ: другаго подступа нѣтъ. Луковичы его сидятъ по нѣсколько вмѣстѣ, въ щеляхъ, которыя образуются на камнѣ; толщина и величина луковичъ одинакова съ размѣрами огородныхъ луковичъ; ботва и стрѣлка дудкообразны и имѣютъ три линіи въ діаметрѣ и одинъ дюймъ въ окружности. По этимъ же скаламъ стелются верескъ и крыжовникъ, а изъ узкихъ щелокъ между камней торчитъ другое луковичное — вишвикъ, родъ чеснока, и дикая гвоздика, названная такъ потому, что корни этого растенія имѣютъ вкусъ и запахъ гвоздики. Изъ подъ камней, наконецъ, висятъ гирлянды папоротника-кочедыжника, который называется здѣсь *каменнымъ зѣвро-боемъ*.

На крутыхъ косогорахъ съ глинистымъ грунтомъ, въ сильномъ освѣщеніи, возвышаются, какъ вѣхи, *царскія свѣчи*, съ толстыми, усыпанными желтыми пахучими цвѣтками, наконечниками, и съ увеличивающимися книзу шерстистыми

листьями. Обнаруженія глины на скатахъ возлѣ рѣчекъ усѣваются ранней весной столбиками съ желтыми сложными цвѣтками, а въ среднѣ лѣта покрываются широкими листьями, съ бѣлой исподкой, принадлежащими къ одному растенію съ цвѣтками, называемому *мать-мачихой*. На нѣкоторыхъ розсыняхъ (разрушившихся скалахъ) растетъ особенная порода пвы, о названіи которой сами здѣшніе жители точно не знаютъ, потому-что одни называютъ ее ивой, другіе певгой, пвгой и т. п.

На лугу Чарыша, по курьямъ и островамъ, составляются сырые забокы изъ таловъ и черемухи, образующіе своими сноповидно-раскинутыми вѣтвями тѣнистые своды, подъ которыми цвѣтутъ и зрѣютъ малина, смородина и курослѣпъ. Тѣнь еще болѣе усиливается отъ хмѣлевыхъ плетей, опутывающихъ вѣтви черемухи, мѣшая съ ея овальными листьями свои вырѣзные листья и шишки. Черемухи, стоящія надъ водой, опутываются другимъ вьющимся, *вьюнкомъ*, бѣлые колокольцы котораго достигаютъ цѣлковаго въ раструбѣ. По сухимъ окраинамъ забокъ, гдѣ лучше грѣетъ солнце, спорятъ съ кустарниками своей высотой разныя сложноцвѣтныя: репейникъ и шишебарникъ, — зонтичныя: болиголовъ и дягиль, также бѣлоголовникъ, и изрѣдка прикрытъ и татарское мыло.

На лугу, не покрытомъ лѣсомъ, также своеобразныя растенія, лузикъ, потничная трава, черноголовникъ, молосникъ и другія.

Притомъ всѣ эти растенія цвѣтутъ послѣдовательно одни за другими, вплоть до самой осени, такъ-что человекъ, дѣлающій экскурсіи въ лѣсъ, каждый день бываетъ обрадованъ какой-нибудь растительной новостью. Весна здѣсь начинается тѣмъ, что снѣгъ сначала изрѣшетится и получить сѣрый цвѣтъ; потомъ, въ болѣе припекаемыхъ мѣстахъ, онъ превращается въ тонкій слой и наконецъ протаиваетъ до земли, образуя круглыя дыры. Не дожидаясь этого, пробуравивъ снѣгъ своимъ бутонемъ, уже распускается надъ нимъ первая липля — *ландыжъ*; раскинувъ свои липовые лепестки, она нагибается длинными тычинками и пестикомъ внизъ, а концы лепестковъ загибаетъ вверхъ, въ китайскомъ вкусу. За тѣмъ на гривахъ появляется лиловый анемонъ, или *вѣтрянка*, на

лугахъ маленькая фиалка, а у подошвъ скалъ желтыя головки мотыльковыхъ цвѣтовъ, называемыя *тилыми кореньями*, потому что корни ихъ, какъ будто, подвержены разрушенію. Верба и медуника съ синими однолепестными цвѣтками даютъ уже взятку пчеламъ. Съ поля начинаютъ приносить въ деревни разцвѣтшіе піоны.

Въ началѣ мая на лугахъ появляется множество коротенькихъ архидій яркосиняго цвѣта, и большія пространства по лугамъ и скатамъ горъ исключительно покрываются сплошными засѣвами желтой руты. Въ это же время, горы мѣстами украшены вертикальными бѣлыми полосами — это лога, курчавый лѣсъ которыхъ осыпанъ ароматическими бѣлыми цвѣтами черемухи. Къ концу мая, цвѣтущій горóховникъ какъ будто облитъ золотомъ, отъ своихъ мотыльковыхъ цвѣтовъ.

Къ концу іюня и въ началѣ іюля начинаютъ цвѣсти растенія, отличающіяся своимъ ростомъ; кипрей цвѣтетъ по пустошамъ *) и покрываетъ малиновымъ цвѣтомъ цѣлыя полосы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ весной цвѣла рута; возлѣ рѣчекъ, близъ кустовъ черемухи и горóховника, уже отцвѣтшихъ, появляются полосы бѣлоголовника съ большими пахучими букетами цвѣтовъ; между ними изрѣдка попадаются голубые колокольчики, синій вертикально возносящійся прикрытъ, благовонный медоносный зонтикъ, *пучки*, или дягиля, осоть, рѣпей, листья котораго бываютъ съ салфетку, девясиль, или *карандысъ*, съ самымъ большимъ изъ сложныхъ цвѣтковъ между здѣшними дикими растеніями, отчего онъ называется также *польскимъ подсолнечникомъ*.

Тамъ, гдѣ въ логу течетъ ключъ, крутые бока его такъ густо покрываются бѣлоголовникомъ, что кажется, будто зелень сверху осыпана мукой, въ среднѣй которой иногда сидитъ красный, какъ кумачъ, букетъ гвоздичныхъ цвѣточковъ *татарскаго мыла*, или барской спѣси.

Позже, около забокъ разнообразныя цвѣты смѣняются жесткимъ и высокимъ шишебарникомъ, а подъ лѣсомъ, при комляхъ черемухи, вмѣсто глухой крапивы и чистотѣла, цвѣтшихъ въ половинѣ лѣта, въ августѣ цѣпляется за вѣтви

*) Т. е. по старымъ пашнямъ.

другой синій прикрытъ, называемый здѣсь *сердечной травой*, отличающійся болѣе разрѣзными листьями и горизонтально вьющимся стеблемъ, и считающійся самымъ ядовитымъ растеніемъ въ Алтаѣ. Съ середины лѣта зацвѣтаетъ *золотарникъ*, называемый также *тарновникомъ*, осыпаясь и вновь набирая цвѣты непрерывно въ продолженіи всей второй половины лѣта.

На лугахъ въ это время сначала цвѣтетъ *потничная трава* съ трехлепестными желтыми цвѣтами, сухія листья которой собираются здѣшними жителями каждую осень и употребляются вмѣсто мочала при мытьѣ половъ. Потомъ цвѣтетъ множество желтыхъ сложноцвѣтныхъ растеній, между которыми замѣчательнъ *молосникъ* по своему горизонтально-растопыренному вѣнчику шафраннаго цвѣта, особенно любимый здѣшними лошадьми.

Весной на всей природѣ лежитъ печать свѣжихъ силъ; дерево, обкусанное домашними животными, вновь окидывается зеленью нѣсколько разъ; на всѣхъ произведеніяхъ земли видна полнота и правильность; мелкіе зубчики молодыхъ черемуховыхъ листьевъ нарѣзаны самымъ отчетливымъ образомъ; каждое травянистое растеніе стоитъ прямо, и ущербъ, наносимый имъ, быстро пополняется. Но съ половины лѣта, это напряженное состояніе силъ смѣняется усталостью, зелень теряетъ свою прозрачность и дѣлается темнѣе, у высокихъ зонтичныхъ замѣчаются поломанные листья и стволы; на листьяхъ рѣвней подлѣ дороги лежитъ не летающій уже слой пыли; трава въ покотинѣ притоптана или выѣдена домашнимъ скотомъ; наконецъ на черемухѣ мѣстами встрѣчается желтый листъ, который обманываетъ наблюдателя, бѣгущаго къ нему, какъ къ загадочному цвѣтку, и разочаровывающагося, достигнувъ до него. На поляхъ цвѣтутъ цвѣты одного только желтаго, уже ополѣвшаго цвѣта, которые достаиваютъ уже до перваго инея, и прихваченные имъ, уходятъ, желтѣя, подъ снѣга будущей зимы.

Въ воздухѣ начинаютъ носиться пушистые сѣмена разныхъ сложноцвѣтныхъ; растенія, хранящія сѣмена въ коробкахъ, гремятъ отъ прикосновеніи къ нимъ; толстые стволы болголовы поддерживаютъ темные большіе шары своихъ

крупныхъ сѣмень; на косогорахъ торчатъ стволы саранки съ сѣменниками, расположенными на изогнутыхъ вверхъ вѣткахъ въ видѣ канделябра; кустарники также увѣшиваются ягодами; черемуха иногда бываетъ такъ плодоносна, что вѣтви ея гнутся подъ тяжестью ягодъ; въ глуши острововъ поспѣваютъ черная смородина и малина, и на курослѣпѣ появляются букеты красивыхъ голубыхъ ягодъ; наконецъ красные букеты появляются на рябинѣ, калинѣ и *кислицѣ* (красной смородинѣ), которые, не опадая, уходятъ въ зиму.

На лугахъ и въ логахъ возникаетъ множество стоговъ сѣна, огороженныхъ отъ скота остожьями, а на гривахъ, между логами, чуть не въ отвѣсномъ положеніи, какъ издали кажется, видны большіе четырехугольники побѣлѣвшей ржи или пожелтѣвшей пшеницы.

Наконецъ хлѣбъ также убранъ въ кладѣ, въ огородахъ торчатъ одни кочни отъ капусты, становится сыро и туманно, мужики сдвигаютъ одежду и всегда входятъ въ избу мокрые, и наконецъ пушистый теплый снѣгъ слетаетъ на сѣрожелтый бурьянъ зонтичныхъ и сложноцвѣтныхъ стволонъ. Такимъ образомъ природа кончаетъ свой растительный семестръ въ Алтаѣ.

Какъ растительность въ Алтаѣ составляетъ двѣ зоны (зону сплошныхъ лѣсовъ и открытую зону), такъ и животныя составляютъ двѣ различныя фауны. Лѣсная часть Алтая замѣчательна тѣмъ, что въ ней водятся преимущественно животныя, ведущія одинокую жизнь; въ полосѣ же лиственницъ, какъ между млекопитающими, такъ и между птицами, есть много породъ, живущихъ обществами. На верхней окраинѣ черни живутъ соболи, питающіеся ягодами рябины и красной смородины и маленькими звѣрками, живущими въ той же полосѣ; тутъ же водятся глухари, вѣсящіе иногда по тридцати фунтовъ, и вылетающіе не рѣдко на лысыя вершины бѣлковъ, гдѣ они садятся на мелкій щебень; въ тѣхъ частяхъ верхней окраины черни, гдѣ больше попадаетъ нагихъ скалъ среди лѣса, водится кабарга, самый маленькій родъ между оленями, такъ-что изъ шкуры его выходитъ только пара рукавицъ; ни одно животное не владѣетъ такимъ искусствомъ,

какъ кабарга, лазить по камнямъ; копытца ея такъ цѣпки, что она бѣгаетъ по жерднкѣ, положенной косвенно однимъ концомъ на скалу. Это единственные жители верхняго этажа Алтая.

Ниже ихъ, въ черни, живутъ медвѣди, которые не рѣдко спускаются въ деревни, лежащiе у нижней окраины черни и наносятъ вредъ тамошнему скотоводству; лѣтомъ 1856 года одинъ медвѣдь поселился около Бѣлорѣцкой и Ключевской станицъ и задавилъ въ теченiи лѣта восемь разныхъ скотинъ; въ Ключахъ онъ даже вошелъ въ улицу, и сначала явился подъ окномъ одной избы, гдѣ напугалъ женщину, а потомъ въ сосѣдномъ оторвалъ голову у теленка. Въ одной полосѣ водятся изрѣдка моралы, а на деревьяхъ рябчики и бѣлки; прежде здѣсь много водилось лосей, но теперь ихъ вовсе не встрѣчаютъ въ Чарышской долинѣ. Разныя орлиныя породы, беркутъ, карагушъ, скопа выютъ здѣсь свои гнѣзда; изъ голенастыхъ изрѣдка встрѣчается одинъ анстъ, мясо котораго нѣкоторыми жителями употребляется въ пищу.

Ниже черни, въ полосѣ лиственницъ и сосенъ, отъ Усть-Каменогорска до Бiйска, водятся сурки, весьма характеристическое животное для этой полосы. Ниже Усть-Каменогорска, около Семиполатинска, его уже нѣтъ. Здѣсь же водятся лисицы, волки, колонки, *сусленики* и *кроторойки* (хомяки). Изъ водяныхъ птицъ въ долинѣ Чарыша попадаетъ одна только утка-крахаль; гуси, лебеди, другiя утки, бакланы и журавли бывають здѣсь только пролетомъ осенью и весной, а водятся внѣ Алтая, хотя при самой его подошвѣ, по Чарышу, Аную и Алею они уже поражаютъ своей многочисленностью.

Осенью животная жизнь въ Алтай становится замѣтнѣе; одни дѣятельно приготовляются къ перенесенiю зимы, другiя, съ приближающейся переменной температуры, дѣлають переходы изъ одной мѣстности въ другую. Въ черни, около самыхъ бѣлковъ, возникаютъ стога кошечки-сѣнооставки, а въ низкихъ мѣстахъ появляется множество кучекъ свѣжаго чернозема, выбрасываемаго изъ норъ кроторойками. Маленькiя птички, совершенно окончившия дѣло воспитанiя своихъ птенцовъ, чаще прилетаютъ въ деревню; особенно отличаются

привычкой къ человѣческимъ жилищамъ *сальники*, которыхъ осенью можно видѣть вездѣ, на улицахъ, во дворахъ, сидящихъ на заборахъ и окнахъ; они часто влетаютъ въ отворенныя окна избъ, чтобъ поклевать таракановъ, и вьются около топора крестьянина, рубящаго дрова, и открывающаго имъ убѣжища древесныхъ червей. Въ это же время въ пасѣкахъ производится подрѣзъ ульевъ, бадьи съ медомъ со всѣхъ сторонъ въѣзжаютъ въ деревню, въ избахъ стоитъ запахъ отъ топленнаго воска и деревня подвергается нашествію пчелъ; въ амбарахъ и избахъ становится отъ нихъ шумно.

На пашняхъ осенью слетаются рябчики-гуменники (сѣрыя куропатки), перепелки и тетери; въ то же время по горамъ идутъ къ черни табуны козуль, а воздухъ оглашается, особенно ночью, турлыкающими журавлями и ичущими лебедями. Долина Чарыша, кажется, служитъ главнымъ путемъ переселенія перелетныхъ птицъ сѣверной Сибири; ни черезъ одинъ пунктъ въ Алтаѣ не летитъ столько перелетной птицы, какъ мимо Чарышской станицы; я былъ въ Бухтармѣ во время весенняго пролета, и не замѣтилъ особеннаго множества птицы; вѣроятно черезъ Калбинское ущелье летятъ только гуси и журавли, водящіеся по пашнямъ на правомъ берегу Иртыша; Чарышской же долиной вѣроятно летитъ все пернатое населеніе Барабинской равнины, Васюганской тундры и можетъ быть болѣе отдаленныхъ сѣверныхъ странъ. Особенно бываютъ велики стаи журавлей. Весной 1856 года пролетѣла надъ деревней Чечулихой стая журавлей, занявшая въ небѣ версту разстоянія; крестьяне, бывшіе въ деревнѣ и удивленные этимъ явленіемъ, стали считать птицъ, и насчитали ихъ болѣе 3000.

Уже послѣ прихода русскихъ въ Алтай, Чарышская долина лишилась нѣкоторыхъ породъ звѣрей; такъ по всѣмъ сѣвернымъ долинамъ Алтая водился прежде кабанъ, и теперь еще это обстоятельство свидѣлствуется названіями рѣчекъ Боровушекъ; также вывелись выдры, исключая Ануя и мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ справа въ Иртышъ, между Усть-Каменогорскомъ и устьемъ Бухтармы. На оборотъ, недавно сталъ попадаться въ Алтаѣ звѣрь, котораго никогда старики

не встрѣчали вблизи своихъ жилищъ: изъ степи стали заходить въ долины корсуки; въ декабрѣ 1854 года убили одного корсука въ деревнѣ Притышной и двухъ въ Чарышской и Тигерецкой станицахъ.

Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, въ Алтаѣ жили одни калмыки; въ восточной части его, въ вершинахъ Кана и Чарыша, они состояли подъ управленіемъ зайсанга Онбо, который жилъ при устьѣ Кана, и въ 1756 году изъявилъ желаніе вступить въ подданство Россіи. Его люди назывались въ русскихъ актахъ *каракольскими* и *канскими калмыками*. Племя же, обитавшее въ западной части Алтая, по Бухтармѣ, по рѣчкамъ, текущимъ въ Иртышъ, изъ Калбинскаго хребта и около Усть-Каменогорска, называлось Урянхай, и состояло въ вѣдѣніи зайсанга Бобоя. Русское населеніе занимало только три пункта, при подошвѣ Алтая: Бійскую крѣпость, основанную до 1710 года, Колывано-Воскресенскій заводъ, основанный въ 1727 году, и крѣпость Усть-Каменогорскую, въ 1721 году. Прямаго сообщенія между ними не было; изрѣдка изъ Семипалатинска ходили въ Колывань транспорты съ казеннымъ хлѣбомъ, да частные обозы съ рыбой. Чиновникъ, которому нужно было переѣхать изъ Усть-Каменогорска въ Колывань, прямо не болѣе 180 верстъ, долженъ былъ ѣхать внизъ по Иртышу до Тары, оттуда на Обь, и Обью и Чарышемъ вверхъ до Колыванскаго завода, т. е. дѣлалъ 2700 верстъ пути.

Въ 1755 г. основана была линія станцовъ между Усть-Каменогорскомъ и Бійскомъ; она была занята драгунами и казаками; тотчасъ же по основаніи ихъ, солдаты были заняты казеннымъ хлѣбопашествомъ. Линія эта тянулась дугой по равнинѣ, параллельно сѣверной окраинѣ Алтая; въ ея не было русскихъ деревень; калмыки занимали только вершины рѣки Чарыша и Ануя. Между ихъ высокими жилищами и линіей русскихъ станцовъ лежала полоса, свободная отъ черни, живописная и богатая, но оставшаяся пустою. Изрѣдка спускались сюда калмыки немногочисленными

зулами съ верхняго Алтая, особенно во время военныхъ движеній въ Монголіи, да русскіе промышленники ходили на звѣровой промыселъ и исканіе дикаго меда, и еще мѣстами жили русскіе разбойники, о которыхъ и теперь еще сохранилась народная память. Въ рѣку Бѣлую впадаетъ рѣчка Омелиха, названная такъ потому, что на ней жилъ прежде разбойникъ Емельянъ; въ Бухтарму, не далеко отъ ея устья, впадаетъ рѣчка Селезневка, на которой жилъ разбойникъ Афонасій Селезневъ, извѣстный въ народѣ просто подъ названіемъ *Селезня-разбойника*.

До основанія колыванской линіи, русскія деревни не были ограждены отъ нападеній непріятеля; основаніемъ ея русское правительство хотѣло закрыть внутренность Томской губерніи, отъ набѣговъ изъ средней Азіи. Но русскія деревни снова появились внѣ линіи; когда, для прикрытія ихъ, линію перенесли далѣе на югъ, въ горы, гдѣ она и теперь существуетъ въ видѣ цѣпи казачьихъ станицъ, деревни еще далѣе вторглись во внутренность Алтая; этимъ свойствомъ—идти впереди укрѣпленной линіи, русская колонизація въ Алтаѣ отличается отъ колонизаціи по Иртышу и степямъ, къ нему прилегающимъ; по Иртышу тянется линія казачьихъ станицъ, основанная правительствомъ, а русскія деревни лежатъ въ 200 верстахъ отъ нея, внутри Томской губерніи; въ срединѣ находится степь, сначала пустая, а потомъ, во время потрясеній Джунгаріи, занятая киргизами; въ Алтаѣ русское племя и теперь еще рвется впередъ, безпрестанно основывая новыя деревни между старыми, и проси позволенія выселиться за крайнюю линію русскихъ поселеній. Но вершины Чарыша, Ануя и Катуня, предоставлены калмыкамъ, и потому русской колонизаціи открыты совершенно только двѣ алтайскія долины, Бухтармы и Убы, гдѣ дѣйствительно она распространилась почти до самыхъ вершинъ. Напротивъ, русская колонизація отъ Оби къ Иртышу и теперь тихо подвигается, а казаки, живущіе по послѣдней рѣкѣ, съ неохотой переселяются въ Киргизскую степь. Колонизація Томской губерніи началась на сѣверѣ и шла съ запада на востокъ, потомъ она обратилась на югъ, вдоль рѣки Оби, и наконецъ съ Оби къ Иртышу, съ востока на западъ, по южной

части губерніи; такимъ образомъ путь ея составляетъ дугу, внутри которой находится Кулундинская стена, доселѣ лишенная осѣдлости, и отдѣленная отъ Киргизской стени линіей казачьихъ станицъ, что дѣлаетъ ее внутреннею стенью. Причиною этого явленія то, что климатъ этой дуги, представляетъ болѣе климатическаго сходства съ Великороссіей, чѣмъ заливъ Киргизской стени, вдавшійся въ Томскую губернію почти до Барнаула, который русскіе люди и должны были обогнуть, чтобъ достигъ до Алтая, заключающаго въ себѣ по своей возвышенности всѣ условія сѣвернаго климата.

Въ настоящее время, русскія деревни примкнуты вплоть къ нижней окраинѣ черни, которая и составляетъ пока границу русской колонизаціи; по Чарышу самая дальняя деревня Чечулиха, въ 140 верстахъ отъ Колыванской шлифовальной фабрики, прежняго завода, самаго крайняго русскаго селенія въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія. По Убѣ много основано новыхъ деревень, которыя находятся еще въ такой лѣсной глуши, что не имѣютъ другаго сообщенія съ равниной, какъ въ лодкахъ по рѣкѣ. Я не могъ узнать въ сколькихъ верстахъ отъ устья находится самая дальняя деревня на этой рѣкѣ.

Вершины Чарыша, до впаденія Кузыла, заняты кочующими калмыками. Образъ жизни ихъ походитъ болѣе на остяцкій; войлочные кибитки очень часто смѣняются берестяными; нѣкоторые же вовсе не имѣютъ юртъ, а живутъ въ пещерахъ, огораживая ихъ спереди хворостомъ. — Особенно замѣчательно, что они кочуютъ не многочисленными аулами, какъ киргизы, а разъединенно; гдѣ попадется три, гдѣ двѣ, гдѣ одна кибитка, поставленная въ густомъ лѣсу; такой порядокъ они находятъ привольнымъ для скотоводства, а грабежа и воровства у нихъ не существуетъ, почему имъ нѣтъ необходимости соединяться въ большія общества; здѣсь оставленная въ пустынѣ вещь лежитъ до возвращенія своего хозяина не тронутою, хотя и проѣзжаютъ мимо ея посторонніе люди. Такимъ образомъ иногда оставляется, гдѣ-нибудь на лѣсинѣ, цѣлое имущество безъ опасенія потерять его.

Одежда калмыковъ приспособлена къ мѣстности. Главное ея отличіе состоитъ въ томъ, что кромѣ шапки, ни одна со-

ставная часть ея не мокнетъ сильно. Она состоитъ изъ шубы, которая не снимается и лѣтомъ, замшевыхъ штановъ, сапоговъ изъ моральныхъ погъ, шерстью внаружу, и оригинальной шапки. Овчинныя или сурочьи шубы ихъ бываютъ такъ выдѣланы, посредствомъ натирания печеню, что не повреждаются отъ мочи. Русскій крестьянинъ обыкновенно передъ дождемъ, сѣшитъ накинуть озямъ сверхъ нагольнаго тулупа, чтобъ его не испортило; а калмыкъ иногда бросается въ своей шубѣ въ воду и выходитъ, какъ утка, мокрый, не боясь, чтобъ она затвердѣла или потеряла теплоту. Замшевые штаны и мохнатые сапоги, отличаются тѣмъ же свойствомъ. Такое условіе въ одеждѣ явилось вслѣдствіе положенія калмыковъ въ странѣ, обильной дождями.

Калмыцкая шапка издали похожа на китайскую пуховую, съ загнутыми кверху краями, но вблизи открывается большое несходство. На описаніи ея стоитъ остановиться долѣе, потому что шапка и головной уборъ всегда составляли самую характеристическую часть человѣческаго костюма. Калмыцкая шапка состоитъ изъ мѣховаго или стеганаго колпака, сверху покрытаго непремѣнно желтою нанкой; къ этому колпаку пришивается снаружи опушка, изъ черной мерлушки, которая, такъ какъ у калмыковъ нѣтъ своихъ черныхъ овецъ, покупается у русскихъ. Опушка сверху гораздо полнѣе, чѣмъ внизу, отчего шапка кажется кверху шире; сзади опушка разрѣзана; къ этому мѣсту пришиваются двѣ тесьмы, висящія вдоль спины вмѣстѣ съ косою. Непремѣнная принадлежность калмыцкаго костюма есть также ножъ и огниво на поясѣ, и трубка, вложенная въ кожаный мѣшокъ и хранящаяся вмѣстѣ съ нимъ въ сапогѣ. Трубки бываютъ желѣзныя, мѣдныя, но чаще дѣлаются самими калмыками изъ еловыхъ сучьевъ, безъ вставляемаго внутрь желѣза, какъ дѣлаютъ русскіе, потому что еловое дерево само довольно огнеупорно. Табакъ получается ими изъ окрестностей города Бійска, вокругъ котораго находится много табачныхъ плантацій, а частью и съ Иртыша. При употребленіи табакъ мѣшается на половину съ березовымъ лубомъ, что, будто-бы, отнимаетъ у него горькій вкусъ.

Главные занятія ихъ скотоводство и звѣроловство. Виро-

чемъ уходъ за скотомъ ничтожный. Не только распложеніе скота предоставлено на его собственную волю, но и вся жизнь его очень мало стѣснена; конскіе табуны почти независимы, ходятъ безъ пастуховъ гдѣ вздумается. Если хозяину нужно имѣть лишнюю лошадь для верховой ѣзды, то онъ ѣдетъ въ свой табунъ, и ловитъ арканомъ того коня, котораго намѣренъ усмирить. На концѣ аркана сдѣлана петля; калмыкъ кладетъ ее на ладонь правой руки, потомъ остальную веревку собираетъ кольцами около кулака, постепенно увеличивая величину ихъ, и мчитъ по табуну, преслѣдуя неуква. Догнавъ его, онъ кидаетъ арканъ на воздухъ, и никогда не дѣлаетъ промаха; петля стягивается на шею пойманной лошади, захватываетъ у ней дыханіе, и она падаетъ; за тѣмъ перекинуть на неѣ сѣдло и намотать на голову арканъ вмѣсто узды—дѣло мгновенія—и укротитель уже сидитъ на дикомъ, не привыкшемъ ни къ какой ношѣ конѣ. Эта ловля болѣе походитъ на охоту съ лассо гуачосовъ Буэносъ-Айрэса, чѣмъ ловля крюкомъ у калмыковъ Астраханской губерніи и бурятовъ Забайкальской области.

Значительная высота калмыцкихъ пастбищъ и особенный ихъ характеръ, придаютъ калмыцкимъ лошадямъ нѣкоторыя черты, отличающія ихъ отъ лошадей киргизской степи и сибирской равнины. Онѣ ниже всѣхъ ихъ ростомъ, имѣютъ широкую спину и сильно развитую грудь, отчего переднія ноги ихъ широко разставлены и кажется будто выворочены, и отличаются наклономъ къ полнотѣ. Онѣ считаются при подошвѣ Алтая лучшими ломовыми лошадьми.

Рогатый калмыцкій скотъ также считается лучшимъ въ Томской губерніи. Калмыки покупаютъ телятъ на равнинѣ и угоняютъ въ горы; тамъ они нагуливаются и уже взрослыми спускаются опять на равнину для продажи на-убой. Изъ быка выходитъ около 15 пудовъ мяса и до 4-хъ пудовъ сала. Овцы калмыцкія имѣютъ небольшіе курдюки, мягкую шерсть, никуда впрочемъ не сбываемую, и всѣ одной бѣлой масти съ черными головами, что придаетъ живописный видъ овечьему стаду, когда его гонять въ кучѣ. Междгорное положеніе особенно развило у калмыковъ козловодство, и у нѣкоторыхъ ихъ считается до 300 головъ. Понападаютъ иногда яки

(длинноволосый тангутскій скоть), извѣстный у нихъ подъ именемъ *сарлыкъ*. Онъ отличается свирѣпымъ видомъ и характеромъ, имѣетъ длинную шерсть, густой хвостъ и тонкія ноги; меня увѣряли, что яки даютъ синее и невкусное молоко, что не согласно съ показаніями путешественниковъ по Монголіи и Тибету.

Весной калмыки спускаются съ своего плоскогорья до безлѣсныхъ предгорій Алтая, бить сурковъ, мясо которыхъ они уважаютъ. Осенью они встрѣчаются по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ изъ ихъ страны, караванами иногда въ 15 лошадей, на которыхъ перекинуты переметныя сумы, наполненныя кедровыми орѣхами, которые они спѣшатъ сбыть въ Кольванской фабрикѣ и въ Бійскѣ; зимой они выводятъ лошадей на продажу, а сами покупаютъ табакъ и другіе припасы. Кромѣ этого, ихъ нельзя увидѣть у подошвы Алтая; по ближнія къ нимъ деревни всегда полны ими, потому что они покупаютъ въ нихъ ячмень, стоимость котораго въ Чечулихѣ не превышаетъ 30 к. асс. за пудъ.

Характеръ этого небольшого народа, подъ тяжелыми условіями его домашняго быта, въ странѣ съ низкой температурой, и не богатой, сложился иначе, чѣмъ у киргизовъ, пользовавшихся южнымъ климатомъ, обширнымъ скотоводствомъ и положеніемъ на торговомъ пути изъ Азіи въ Европу; съ 15 лѣтъ калмыкъ дѣлается уже опытнымъ звѣроловомъ, и до смерти занятъ единственною мыслью достать себѣ насущное пропитаніе. Киргизы смѣняютъ труды отдыхами, несчастья сопровождаютъ пиршествами и самая война составляетъ для нихъ забаву; калмыки должны вести войну съ непріателемъ, незнающимъ договоровъ и условій. По замѣчанію старожилловъ, калмыки, со времени перваго знакомства съ русскими, не сдѣлали ничтожнаго измѣненія въ своемъ костюмѣ; у киргизовъ есть мода. Они долго еще будутъ носить свою шапку, тогда какъ у киргизовъ уже появляются пуховыя шляпы съ полями, русскаго издѣлія. Такая неподвижность можетъ быть объяснена горнымъ положеніемъ ихъ жилищъ, которое однакожъ на столько доступно съ равнины, сколько нужно, чтобъ не образовать изъ нихъ неокорныхъ горцевъ. Эта доступность Алтая была причи-

ною того, что коренные жители Алтая никогда не были независимы, и всегда входили въ составъ другаго какого-нибудь владѣнія, какъ членъ его или какъ данникъ. По своей доступности Алтай, какъ и ровныя степи Джунгаріи, былъ занимаемъ разными племенами; сначала онъ вѣроятно былъ занятъ финнами; нынѣшніе калмыки принадлежатъ къ монгольскому племени, или, по-крайней-мѣрѣ, это омонголенные финны; наконецъ, въ наше время, въ ущелья Алтая врывается съ сѣвера русское племя, тогда какъ съ юга, около вершинъ Бухтармы, уже въ его предѣлахъ начинаетъ кочевать турецкое племя киргизовъ, которое, въ продолженіе не болѣе 250 лѣтъ, подвинулось на востокъ отъ вершинъ Иншима на полторы тысячи верстъ.

II.

Въ одной изъ лучшихъ долинъ Алтая находится станція Чарышская. Такъ называется она по рѣкѣ Чарышу, на которой стоитъ; на этой рѣкѣ нѣтъ ни мостовъ, ни мельницъ; броды часты, но опасны; русло измѣнчиво; тамъ, гдѣ въ прошлое лѣто были глубокіе и широкіе плеса, на другой годъ рѣка настружитъ мели изъ валуновъ, превращающіяся потомъ въ острова, покрытые густой лѣсной растительностью. Ночью, во время всеобщей тишины, въ долину слышенъ грохотъ катящихся по дну валуновъ; въ ясный и тихій день поверхность ея волнуется отъ неровнаго дна, какъ въ бурю. Лодка съ шаяльцами дѣтьми улетаетъ изъ виду; гуси, вздумавшіе переплыть на ближній островъ уносятся бокомъ внизъ по рѣкѣ и тотчасъ высаживаются обратно на берегъ, громко разговаривая о неудобности предпринятой экспедиціи.

По обѣимъ сторонамъ этой быстрой рѣки идутъ горы, изрѣзанныя логами, въ которыхъ текутъ побочныя рѣчки и ключи; рѣка нерѣдко пришибается къ одной сторонѣ, отдѣливъ подъ другую узкую и тихую протоку; въ пришибахъ образуются быки, т. е. грива горы оканчивается отвѣсной скалой, въ которую бьетъ рѣка почти подъ прямымъ угломъ.

Станція стоитъ на правомъ берегу. Въ четырехъ вер-

стахъ выше станицы, рѣка дѣлаетъ пришибъ къ высокому камню, и потомъ удаляется къ противоположной сторонѣ, возвращаясь къ правой сторонѣ уже въ верстѣ ниже станицы, и также образуя опасный быкъ. Такимъ образомъ на правой сторонѣ находится лугъ, пять верстъ длинной, на который выходятъ изъ ущелій нѣсколько мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Чарышъ. Станица стоитъ не на самомъ Чарышѣ, а на курьѣ, т. е. глубокомъ заливѣ, при впаденіи въ нее Пашенной рѣчки.

Рѣдкое селеніе въ Алтаѣ такъ удачно освѣщено, какъ Чарышская станица. Освѣщеніе имѣетъ въ горномъ ландшафтѣ такое же значеніе, какъ и въ расположеніи картины на стѣнѣ; недостатокъ свѣта дѣлаетъ видъ печальнымъ, излишній блескъ фальшивымъ; количество свѣта зависитъ отъ расположенія горъ. Станица Ключи (на западъ отъ Чарышской), такъ обставлена высокими горами, что солнце свѣтитъ въ нее какъ въ колодезь только тогда, когда находится въ зенитѣ; день сокращается на нѣсколько часовъ. Сами жители сознаютъ это неудобство, и завидуютъ тѣмъ селеніямъ, которыя не такъ загорожены горами. Чарышская станица лежитъ ближе къ горами, которыя возвышаются на сѣверной ея сторонѣ, и, напротивъ, болѣе открытый видъ представляется для нея на югозападѣ. — На сѣверѣ, не болѣе, какъ въ ста саженьяхъ отъ послѣднихъ дворовъ, возвышается Заворотная гора, на востокѣ — надъ самой станицей, другая — Слизунова, при подошвѣ которой построена деревянная церковь. За ней дальше Могильная, Каштацкая горы и такъ далѣе, вверхъ по Чарышу. Изъ-за Заворотной, влѣво, вдали выглядываетъ Мохнатая сопка, скалистая верхушка которой покрыта сосновымъ лѣсомъ; она лежитъ уже на другомъ берегу Чарыша, верстахъ въ 10-ти отъ станицы; отъ нея къ станицѣ, по противоположному берегу тянется длинная гора, которая образуетъ западную стѣну Чарышской долины, и кончается на югѣ Чалинской горой; мѣстами углубляются въ ея покатость глубокіе лѣсистые лога, образующіе пазухи между гривами, которыя кончаются надъ долиной по большей части обрывами; можетъ быть онѣ прежде кончались далѣе въ долинѣ, постепенно понижающимися мысами,

но рѣка отмыла эти клинья, и образовала на концахъ гривъ треугольные утесы надъ долиной.

На югъ отъ станицы видны Монастыри, Шпили, Теплая гора и на самомъ заднемъ планѣ снѣга цвѣта, покрытая чернью, Плѣшивая гора. Если подняться изъ станицы на Слзунову гору, то можно увидѣть и Коргонскій бѣлокъ, всегда покрытый снѣгомъ, что и дѣлаютъ здѣсь тѣ, которые не видали снѣжныхъ горъ. Ближайшія горы покрыты различною зеленью, рѣдко насаженныя по верхушкамъ ихъ высокія листвяницы кажутся снизу тоненькими тросточками; треугольные обрывы кажутся черными отъ густаго кустарнаго лѣса, растущаго на нихъ. Дальнія горы теряютъ уже настоящій зеленый цвѣтъ и принимаютъ фіолетовый, но издали еще ясно можно видѣть пластическое ихъ устройство, съ выдающимися гривами и вдавшимися логами; горы, за ними стоящія, уже не выказываютъ своихъ реберъ, и кажутся просто синими пятнами одного тона.

При такомъ просторномъ ландшафтѣ, Чарышская станца пользуется прохладнымъ лѣтомъ, теплой зимой и отсутствіемъ такихъ рѣзкихъ вѣтровъ, какіе бываютъ въ другихъ частяхъ Алтая; все это даетъ жителямъ береговъ Чарыша право хвастаться своей рѣкой и, въ самомъ дѣлѣ, отличаться особеннымъ благосостояніемъ передъ окрестнымъ населеніемъ.

Большая куча домишекъ, маленькихъ и старенькихъ, на половину безъ крышъ, съ маленькими дворами, составляетъ жилища здѣшнихъ горцевъ. — Каждый домикъ выходитъ на улицу чистымъ крыльцомъ, иногда въ видѣ портика, о четырехъ колонкахъ, иногда въ видѣ длинной будки, съ четырехугольнымъ отверстіемъ вмѣсто окна, и въ разныхъ другихъ видахъ. Каждый домъ состоитъ изъ избы и горницы, разделенныхъ сѣнями, съ дверями на улицу, и во дворъ; дворы были отмежеваны при первомъ поселеніи станицъ, не болѣе 5 квадратныхъ сажень для каждаго дома; на такомъ ограниченномъ пространствѣ настроены у состоятельныхъ: другая изба для стряпни, содержанія птицы и телятъ зимою, амбаръ съ сусѣками для хлѣба и погребъ. Половина двора иногда крыта. На этомъ же тѣсномъ дворѣ водится множе-

ство домашней птицы, у нѣкоторыхъ по 50 куръ, по два стада гусей и иногда свиньи; отъ этого во дворахъ все лѣто держится грязь, и гнилой запахъ врывается въ комнату, когда отворится дверь, ведущая на дворъ. Если бы не счастливый климатъ Алтая, такая тѣснота дворовъ, конечно была бы причиною частыхъ болѣзней. Избы, находящіяся въ связи съ горницею, отличаются чистотой отъ тѣхъ, которыя стоятъ на дворѣ, и имѣютъ вымытыя водой съ пескомъ стѣны, скамьи, или *лавки*, потолки и полати, постоянно набитыя ребятишками; по поводу послѣдняго обстоятельства, передъ полатами нерѣдко висятъ на ниточкѣ пара пустыхъ гусиныхъ яницъ, или растопыренный тетеревиный хвостъ. Между русской печью и стѣной, сдѣланы дверцы въ подполье, называемыя *голубцемъ*. Въ горницѣ, вмѣсто скамей, софа, покрытая коврикомъ, постель съ занавѣсками, шкафъ съ стеклянными дверцами, наполненный стеклянною и фарфоровою посудю, голландская печь, и иногда передній уголъ оклеенъ шпалерами. Скотъ держится въ пригонахъ, которые расположены вокругъ селенія; поэтому нѣкоторымъ донть приходится ходить за полверсты отъ своей избы. Тамъ устроены у нихъ хлѣва и стайки, первые, поставленные на мху и покрытые дерномъ, вторыя не мшенья и крытыя сѣномъ; здѣсь же разчищаются *ладони* для молотбы хлѣба, покрываемыя сверху навѣсомъ, и овнины, въ которыхъ зимой молотятъ и сушатъ хлѣбъ. Лѣтомъ здѣсь копаются гряды для овощей, и пригонъ превращается въ огородъ.

Въ нижнемъ концѣ Чарышской станицы собраны лучшіе дома ея, и между ними одно изъ лучшихъ мѣстъ, на солнечной сторонѣ, занимаетъ домикъ Петра Маркыча. Петръ Маркычъ строилъ его еще когда былъ богатъ; деревья на срубъ употреблены были все толстыя, изба сдѣлана просторною, чтобъ много можно было принять проѣзжихъ мужиковъ; прежде, кто не ѣхалъ, всѣ приворачивали къ Петру Маркычу, потому что никто не умѣлъ сдѣлать свою хлѣбъ-соль такую пріятною, какъ онъ. Полати сдѣланы такъ удобно, что по нимъ можно ходить, немножко только согнувшись; въ горницѣ выкладена печь, съ такими изящными карцзами и столбиками, какихъ вѣроятно нѣтъ на двѣсти верстъ кругомъ.

Петръ Маркычъ былъ когда-то сельскій капиталистъ. Сельскіе капиталы бываютъ двухъ происхожденій: капиталы, основанные на физическихъ силахъ, и капиталы, основанные на способности спекуляціямъ. Первые, конечно, не долговременны и растраниваются съ паденіемъ силъ; они принадлежатъ крестьянамъ, имѣющимъ многочисленную семью, состоящую изъ сильныхъ рабочихъ членовъ. Петръ Маркычъ хотя и не имѣлъ большой семьи, но тѣмъ не менѣе принадлежалъ къ этому роду капиталовъ, потому что приобрѣлъ состояніе трудолюбіемъ и силою воли; онъ нажился преимущественно охотой за соболями, промысломъ очень труднымъ; дальше читатель увидитъ, какъ онъ любилъ и трудъ земледѣльческій.

Капиталы втораго рода болѣе устойчивы и образуютъ иногда торговыя фамиліи на нѣсколько поколѣній, хотя тоже не надолго. Послѣдній капиталъ способенъ къ приращенію, тогда какъ первый остается всегда въ извѣстныхъ, разъ установившихся, размѣрахъ. Въ образѣ жизни капиталистовъ также замѣтна большая разница; капиталистъ-торговецъ обзаводится на городскую руку; мебель, посуда и самая архитектура дома, нерѣдко съ мезонинномъ, показываютъ, что хозяинъ знакомъ съ городской жизнью; напротивъ у капиталиста-земледѣльца въ мебели и посудѣ видны недостатки плана, и онѣ представляютъ разнообразное собраніе, изъ разныхъ рукъ, изъ разрозненныхъ дюжинъ, доставшееся, гдѣ за безцѣнокъ, гдѣ въ подарокъ. Мѣры этого капиталиста къ удержанію въ славѣ своей фамиліи ограничиваются только тѣмъ, что онъ выстроитъ избу по шире, накопитъ приданаго дочерямъ, да побольше заведетъ лошадей и побольше распахнетъ десятинъ.

Петръ Маркычъ былъ богатъ и извѣстенъ въ свое время, но когда я познакомился съ нимъ, оно уже называлось прошедшимъ. Потомство Петра Маркыча состояло изъ одного сына и двухъ дочерей; сынъ былъ нездоровъ, а дочери, извѣстно, не свой товаръ. Когда Петръ Маркычъ пересталъ ходить на промыселъ, источникъ богатства исчезъ; во время моего знакомства, Петръ Маркычъ не могъ уже назваться богатымъ, но не съ-разу можно было узнать за наруж-

ной обстановкой настоящее его положеніе; дочери его были обезпечены, слѣдовательно не озабочивали его; сынъ былъ также женатъ; Петръ Маркычъ содержалъ пасѣку, заключавшую въ себѣ до 400 колодокъ; все это дѣлало его домъ по прежнему полнымъ, только не доставало старой разгульной жизни и пѣсни ужъ не гремѣли въ его избѣ.

Вся семья, къ которой принадлежалъ Петръ Маркычъ, отличалась необыкновенною силою тѣла и духа. Физическую силу сообщила этой фамиліи матушка Петра Маркыча, а силой духа отличался его отецъ. — Вотъ что рассказывалъ мнѣ самъ Петръ Маркычъ о кончинѣ своего отца. По мнѣнію здѣшнихъ жителей, человѣкъ передъ смертью становится равнодушнымъ ко всему земному; когда отецъ Петра Маркыча почувствовалъ близость разлуки съ здѣшнимъ міромъ, онъ позвалъ своихъ старшихъ сыновей, и спокойно приказалъ ѣхать въ поле, найти прямую и цѣлую сосну, и вырубить изъ нея сугунокъ для гроба; когда древесный обрубокъ былъ привезенъ изъ лѣсу и внесенъ въ избу, отецъ Петра Маркыча своими глазами освидѣтельствовалъ его безпорочность, и, чтобъ узнать, не укоротили ли ребята, при помощи ихъ спустился съ кровати, и протянулся возлѣ обрубка.

Матушка Петра Маркыча отличалась необыкновенной силой; она однажды держала пари съ цѣловальникомъ, что пронесетъ три мѣшка муки, отъ кабака до своей избы, за то, чтобъ эти самые мѣшки были ея призомъ, и выиграла его, положивъ два мѣшка на плеча, а третій позади шеи, на концы первыхъ двухъ мѣшковъ. — Эту силу въ особенности наслѣдовалъ старшій ея сынъ, Филимонъ Маркычъ, находившійся въ дружбѣ съ Петромъ, и всегда ходившій вмѣстѣ съ нимъ на соболиный промыселъ.

Нынѣ изъ Чарышской станицы никто не ходитъ соболевать; молодое поколѣніе обратилось къ болѣе спокойному и надежному земледѣлію и скоро типъ соболевщика исчезнетъ въ Алтаѣ. Эти завоеванія «рогаля» *), истребляютъ тотъ

---

*) *Рогалемъ* называется ручка сохи, посредствомъ которой дается направление сошнику. «Взяться за рогаль» значитъ принятыя за хлѣбопашество.

образъ жизни, который имѣеть для Сибири такое же значеніе, какъ казачество для южной Россіи; періодъ звѣрованья, теперь нами отживаемый, былъ чѣмъ-то въ родѣ среднихъ вѣковъ для Сибири; нужно было сибирскому народонаселенію укрѣпить свой духъ, что совершается всегда путемъ тревожной жизни; но столѣтія было достаточно, чтобъ совершенно усмирить обложенныхъ ясакомъ инородцевъ, и придти къ монотонной жизни великорусскихъ поселеній. Взамѣнъ войны, исторія дала сибиряку звѣроловную жизнь, полную подвиговъ, неудачъ, страстей и трудностей. Я смотрю на соболевщика не иначе, какъ на маленькаго рыцаря; то же пренебреженіе семейной жизни и промѣна ея на опасности, только не изъ-за принципа общественной пользы и безопасности, а изъ страсти къ личному обогащенію, что составляетъ самую важную особенность сибирскаго народнаго характера.

Впрочемъ не одни экономическіе расчеты увлекали звѣровщиковъ въ чернь, а также обаятельная свобода лѣсной жизни, то наслажденіе, которое и мы, горожане, испытываемъ, очутившись въ пустынномъ лѣсу, какъ на незнакомой необитаемой планетѣ. Мнѣ жены соболевщиковъ рассказывали, что онѣ часто видали своихъ мужей въ слезахъ отъ радости, при наступленіи времени соболинаго промысла; самъ Петръ Маркычъ сознавался, что онъ плакалъ передъ отправленіемъ на бѣлки. Неужели эти дѣтскія слезы у грубыхъ, сорокалѣтнихъ мужиковъ не свидѣтельствуютъ, что у нихъ «чувствованіе природы» (Гумбольдтъ) живѣе, чѣмъ у насъ?

Прежде соболиннй промыселъ производился на всѣхъ тѣхъ горахъ, которыя носятъ названіе бѣлковъ; такъ соболевали на Абишскомъ бѣлкѣ, по рѣчкамъ Чечулихѣ, Башалакѣ, Талицѣ и даже на извѣстной уже читателю Пльшиной горѣ; но нынѣ на послѣдней страннo было бы встрѣтить и одного соболя, потому-что граница обитанія этого звѣрка отодвинулась на югъ; впрочемъ и во времена лучшей охоты Петра Маркыча главный промыселъ производился на Убишскихъ бѣлкахъ, т. е. на тѣхъ, которые лежатъ на сѣверѣ отъ вершинъ Убы. Для этого чарышскіе соболевщики поднимались по долинѣ рѣчки Сентелека до вершинъ его, пере-

валивали черезъ Чарышскій хребетъ, идущій подъ названіемъ Чарышскихъ, Хапркумпрекскихъ и Коронскихъ бѣлковъ, спу- скались въ долину рѣки Ини и по ней вновь поднимались на Убинскіе бѣлки и располагались наконецъ на ихъ южной сторонѣ; передъ ними лежала внизу долина рѣки Убы, а за ней тянулся снѣжный Коровій хребетъ, идущій между рѣ- ками Ульбой и Бухтармой, и извѣстный у обитателей юж- ной своей стороны подъ названіемъ Листвянскаго хребта *).

Запасъ на нѣкоторое разстояніе завозили на лошадяхъ, для чего высѣкали въ снѣгу ступеньки, а далѣе тащили на себѣ, сложивши его на моралью шкуру, положенную шерстью внизъ. На горахъ соболевщики имѣли постоянныя избушки, и пришедши на промыселъ обзаводились полнымъ хозяй- ствомъ. Устройство ихъ избушекъ такъ просто, что невольно приводитъ къ сравненію жизни соболевщиковъ съ звѣроло- вною жизнью тѣхъ славянъ, которые занимали лѣса средней Россіи. Входъ въ избу запирался дверью, вертѣвшеюся на пятѣ; внутри ея, у стѣны была битая печь безъ чувала, потому что такая печь, по словамъ Петра Маркыча, жарче нагрѣваетъ избу и скорѣе сушить одежду, вымоченную на промыслѣ; для выхода дыма сдѣлана въ стѣнѣ отдушнина, затыкаемая травой; кромѣ того въ стѣнѣ прорубалось окно, или два, по числу артельщиковъ, чтобъ въ ненастье, когда бываетъ скучно, каждый могъ сидѣть у своего окна и смо- трѣть, по крайней мѣрѣ, на лѣсъ; для спанья около стѣны дѣлали нары; одинъ уголъ избы рубили надъ ключемъ, чтобъ можно было брать воду, не выходя изъ избы; это потому было необходимо дѣлать, что зимою ключи въ черни бы- ваютъ завалены глубокимъ снѣгомъ и текутъ подъ ледяной корою, и постоянно содержать прорубь было бы трудно. Избу звѣролововъ заносило снѣгомъ на нѣсколько сажень, и потому обитаемое мѣсто имѣло видъ снѣжной пустыни въ густомъ лѣсу; бѣдные признаки жизни усматривались только

---

*) Въ Алтаѣ часто одна гора у жителей деревни на сѣверной сторонѣ называется другимъ именемъ, чѣмъ у жителей южной стороны. Такъ около Чарышской станицы гора на лѣвомъ берегу Чарыша называется Чалин- ской; крестьяне же деревни Березовки, расположенной у ея южной по- дошвы, называютъ ее Сосновой.

въ рубленыхъ дровахъ и въ *сайвъ*, или амбарѣ, висѣвшемъ на вершинахъ нѣсколькихъ деревъ, какъ гнѣздо необыкновенной птицы. Посреди этой мертвой картины отвѣсная яма вела къ дверямъ звѣроловной избушки; снаружи только покатошь къ ямѣ съ обѣихъ сторонъ свидѣтельствовала о существованіи подъ снѣгомъ быстрого ключа, который журчалъ внутри избы.

Отдѣльно отъ избы рубили баню по черному, въ которую ходили каждую недѣлю, но бѣлья не перемѣняли и по восьми и девяти недѣль ходили въ одной рубахѣ, такъ что домой приносили только одни вороты; но не смотря на грязноту рубашки, они не могли жаловаться на зудъ.

Сѣстные запасы хранились въ *сайвъ*, которая устраивалась слѣдующимъ образомъ. На четыре близко стоящія другъ къ другу осоченные дерева клали двѣ слегы, и на нихъ настилали полати; сверху полати закрывались двускатной крышей съ забранными досками лбами; чтобъ достать что-нибудь изъ сайвы, приставляли къ ней лѣстницу, выдвигали снизу одну доску и просовывали голову и руки въ образовавшееся отверстіе; сайва устраивалась на высотѣ семи аршинъ надъ землей или поверхностью снѣга; хотя медвѣдь или росомаха и могутъ съ трудомъ залѣзть по осоченнымъ деревьямъ на эту высоту, но такъ какъ концы сайвы далеко пропущены въ стороны, то они не могутъ закинуть лапы, чтобъ перелѣзть на верхнюю сторону сайвы. Здѣсь дѣлали закромокъ для муки, и также хранили мясо моралье или убитую птицу, масло, лукъ и проч. Иногда здѣсь же хранился найденный въ черни медъ дикихъ пчелъ. Утварь звѣролововъ состояла изъ кадушекъ, квашенокъ для тѣста, сита, чугунокъ для щей, сковороды для жаркаго и горшка вмѣсто корчаги, въ которомъ заводили квасъ.

Снѣга въ черни бываютъ такъ глубоки, что промышленнику нельзя рукой зачерпнуть воды въ полыньяхъ Убы; стѣны полыньи были такъ высоки, что до поверхности воды можно было достать только концомъ шеста, который промышленники носили при себѣ для огребанья соболинаго пунтика; чтобъ напиться съ помощью этого орудія, они попеременно мочили конецъ его въ водѣ и втыкали въ снѣгъ,

пока на немъ не накопалъ значительный слой льда; тогда, обмакнутый въ воду, онъ удерживалъ на себѣ много капель, которыя скатывались въ подставленный ротъ звѣровщика. Весной, когда снѣга сходили, пни деревьевъ возлѣ звѣрловной избушки такъ высоко поднимались надъ землей, какъ будто были срублены съ помощью лѣстницъ. По увѣренію соболевщиковъ на бѣлкахъ зима гораздо теплѣе, чѣмъ въ долинахъ, и земля подъ снѣгомъ остается постоянно талою.

На соболинъй промыселъ отправлялись осенью по-голу, съ Воздвиженья (14-го сентября), на такъ называемый *путикъ*, и ловили соболей кулемникомъ; зимой же ходили на *гоны*, и промышляли капканами, разставляя ихъ на дорожкахъ соболей.

Дорожка соболя состоитъ изъ *колодцевъ* или ямокъ, на разстояніи длины тѣла соболя, въ которыя онъ, скача, ставитъ сначала обѣ переднія ножки, потомъ обѣ заднія; снѣгъ подъ колодцемъ вырѣзываютъ ножомъ, вдвигаютъ подъ колодецъ ловушку, подкладываютъ съ боку вѣтокъ, чтобъ снѣгъ необвалился, заравниваютъ яму и наконецъ заматаютъ свой слѣдъ, потому-что соболю имѣетъ острое чутье и угадываетъ опасность безъ этой мѣры. Тонкій слой снѣга, оставленный надъ ловушкой, обваливается подъ сободемъ и лапа послѣдняго ущемляется спущеной пружиной.

Кулема, другая обыкновенная ловушка на соболей, состоитъ изъ загородки, съ приманкой внутри и съ системой рычаговъ въ отверстіи, какъ у простой мышеловки. Онѣ устроятся около дерева; загородка состоитъ изъ досочекъ, стоймя вбитыхъ въ землю по двумъ полукругамъ, которыя съ одной стороны упираются въ пень дерева, а съ другой не смыкаются только на поларшина; сверху загородка закрывается накатцемъ и хвойными вѣтками; входъ въ кулему состоитъ изъ вереи, низъ между которыми забранъ въ видѣ порога, а на верху подвѣшены шестики, поддерживающіе *давокъ*, или большую тяжесть, которою и придавливается лапа соболя, когда онъ ползетъ внутрь кулемы за приманкой. Внутри кулемы, по серединѣ, втыкается въ землю колышекъ, поддерживающій на своей вершинѣ убитаго рябчика, тетерея или кошку-сѣноставку.

древесныхъ стволовъ, подобно тому, какъ послѣ дождя, уже на обсохшей почвѣ садовыхъ дорожекъ, появляются черныя сырыя пятнышки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся срѣзанные стволы травянистыхъ растений, служащіе въ этомъ случаѣ для нижнихъ слоевъ почвы естественнымъ дренажемъ. Пятдесятъ мораловъ было зарѣзано на мѣстѣ, и нарѣзали бы еще болѣе ста, еслибъ одинъ промышленникъ не вспомнилъ вѣроятно старинное установленіе промышленниковъ, предразсудочное, но не лишенное человѣчности: «Богъ непоказалъ мясо даромъ бросать, а вѣдь намъ всего мяса и теперь не убрать, для однихъ шкуръ рѣжемъ.» Эти слова остановили рѣзню. Разказъ вѣроятно достовѣрный, потому что переданъ мнѣ Петромъ Маркычемъ, какъ современное ему происшествіе.

Каждый разказъ, подробно передаваемый самимъ соболѣвщикомъ, есть маленькая поэма, возбуждающая подъ конецъ сильный интересъ въ слушатель. Притомъ увлекательно передавать ихъ умѣютъ только сами охотники; не надѣясь сохранить живость разказа Петра Маркыча объ одномъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ его охоты за моралами, я все таки думаю, что простая передача его ближе сведеть читателя съ дѣйствительностью. Вотъ разказъ Петра Маркыча:

«Несъ я на станъ пятнадцать ловушекъ желѣзныхъ на спинѣ; не далеко и до стану; снѣгъ идетъ, нога съ лыжами такъ и тонетъ по колѣно; вдругъ вижу подъ ногами *лунникъ*, т. е. свѣжій моралій слѣдъ; думаю — мораль близко. Поднялъ глаза, а онъ за колодой тутъ и есть; большущая пихта повалилась, а онъ за ней улегся, поднявъ голову, и смотритъ на меня, а рожки торчатъ вверхъ. Я къ нему, бросилъ и ловушки на дорогѣ; двѣ версты подался онъ въ гору, — я думалъ, что онъ пойдетъ на бѣлокъ, — а онъ вдругъ повертилъ внизъ, да моимъ же слѣдомъ въ лѣсъ и направился; я не отстаю, да и догнать не могу; сколько у него нога тонетъ въ снѣгу, столько и у меня; снѣгъ свѣжій, не держитъ. А я весь смокъ, задѣваю за лѣсъ, съ него и валится снѣгъ и таетъ. Онъ заложивъ свою *борону* на спину, и идетъ потихоньку. Вотъ вышли мы оба на чистое мѣсто. Я ужъ

зналъ тутъ, куда ему слѣдуетъ идти и на какое мѣсто выйдти, и пошелъ туда на прямикъ, а онъ идетъ обходомъ и сошлись,—въ двадцати саженьяхъ онъ прошелъ мимо меня впередъ. Рассмотрѣлъ я его близко,—языкъ длинный высу- нулъ, еле-еле шагаетъ, да и я не лучше. Тащимся другъ за другомъ. Вотъ онъ подъ гору, а круто; я тоже за нимъ подъ гору, такъ не ловко было спускаться; лыжи мои какъ- то уткнулись въ снѣгъ, я и полетѣлъ вверхъ ногами, и за- пугался. Пока я выкарабкивался, всталъ — мораль ужъ са- жень на пять ушелъ отъ меня. Я не знаю, что дѣлать. Го- ворю: «Николай Чудотворецъ! создай его моимъ.» Ужъ вереть двадцать я гонюсь за нимъ, солнце стало закатываться. Тутъ пришелъ мораль къ ключику; онъ только спустился и провалился въ снѣгъ; видно ключикъ былъ подъ-ярый; вотъ я тороплюсь къ нему; какъ подошелъ и упалъ на него, и обнялъ руками. Вскочилъ, сталъ ногой на горло, пластнулъ ножомъ и давай свѣжевать, а самъ думаю: «это смерть мнѣ Богъ послалъ; сумерки, усталъ, до стану далеко, приду ли на станъ живой.» Освѣживалъ я его и потащилъ было на себѣ моралину, да тяжела была, и его въ лѣсу мочило, самъ потной былъ, какъ я снялъ шкуру съ его, мокро-то на ней и застыло; бросилъ я ее и взялъ только одинъ *соколокъ* (грудную часть). А артельщикъ мой, Филимонъ Маркычъ, въ это время не надвигнется, куда дѣвался мужикъ, выйдетъ изъ избы, посмотритъ на всѣ стороны — не видать; опять уйдетъ въ избу, думаетъ — либо снѣгомъ завалило, либо за мораломъ извязался; не ложится спать, ждетъ утра. А я какъ вышелъ на свою лыжницу, подморочало на небѣ, тепло стало, иду по тихоньку, не тороплюсь, гдѣ и полежу. По- дошелъ я къ избушкѣ, снялъ лыжи и стукнулъ ими, артель- щикъ и выскочилъ; увидѣвъ соколокъ за поясомъ, и гово- ритъ: «ну я правду положилъ, что за моралами извязался.» Давай мы тутъ варить ужинъ, а на завтра пошли за мо- раломъ.

Охота за лосемъ, или сохатымъ, гораздо труднѣе охоты за мораломъ. Мораль всегда спасается отъ непріятели бѣг- ствомъ; лось, сознавая свое могущество, смѣло ожидаетъ на мѣстѣ нападенія; потому собаки могутъ остановить морала

только зимой, въ глубокихъ снѣгахъ, а осенью опъ всегда уходитъ отъ нихъ; напротивъ лось онѣ останавливаютъ и осенью; лось самъ вступаетъ въ борьбу, и отражаетъ нападенія собакъ, кусаясь какъ жеребецъ и лягая почти всѣми четырьмя ногами въ разъ такъ сильно, что если бой происходитъ въ тѣсномъ лѣсу, то кора черепьями слетаетъ съ окрестныхъ деревьевъ. Если бой происходитъ на рѣкѣ, и лось обратился въ бѣгство, то при первой полыньѣ его должно считать потеряннымъ, потому что онъ не упуститъ случая броситься въ нее; собаки преслѣдуютъ его на водѣ; но на другомъ концѣ полыни лось съ легкостью птицы выскакиваетъ изъ воды, тогда какъ собакъ течение удѣргиваетъ подъ ледъ. Туша сохатаго давала по 17 и 20 пудовъ мяса; студень изъ верхней губы собольницы считали вкуснѣйшимъ блюдомъ своей кухни.

Нерѣдко промышленникамъ угрожала на бѣлкахъ голодная смерть, когда запасъ выходилъ, а продолжительные бураны не позволяли своевременно спуститься въ долину. Такъ случилось однажды съ артелью, состоявшей изъ Петра Маркыча, Филимона Маркыча и еще одного промышленника, чужаго имъ. Только что они закончили запасъ, поднялся буранъ и дулъ десять дней сряду; всѣ крохи и корки, какія кой-гдѣ еще валялись, были съѣдены; главную пищу составляли маленькіе хлѣбцы, испеченные изъ отрубей, которыя лежали подъ лавкой; всѣ обглоданныя кости собрали и стали снова варить; но и этотъ запасъ сталъ истощаться; на десятый день остался на всѣхъ одинъ хлѣбецъ величиной въ два кулака; положеніе духа промышленниковъ было уже такое, что третій товарищъ сталъ опасаться за свою безопасность; «вы родные братья: при послѣдней крайности вы меня убьете и съѣдите», сказалъ онъ имъ, и отдѣлился отъ нихъ въ баню; но на слѣдующій день ясное морозное утро обрадовало ихъ; они взяли соболей, и въ тотъ же день спустились домой.

Такія происшествія укрѣпляли характеры собольницковъ. Другая артель также находилась въ положеніи, близкомъ къ голодной смерти; разстояніе до жилья было такъ велико, что они плохо надѣялись не умереть дорогой, — и спасеніемъ были обязаны спокойствію духа своего предводителя, кото-

рый говорилъ имъ: «миѣ бы только кости вынести домой, а о тѣлѣ не думаю, — наростеть.»

Случалось иногда, что одинъ изъ артельщиковъ дѣлался больнымъ; тогда артель оставляла ему припасы и спускалась въ долину, чтобъ дать знать его роднымъ о его болѣзни, и больной оставался одинъ въ черни, дожидаясь, когда за нимъ придутъ съ носилками. Однажды случилось это съ знакомымъ Петру Маркычу соболевщикомъ; два его товарища принесли извѣстіе объ немъ въ станицу, и родственники соболевщика наняли четырехъ молодыхъ промышленниковъ, подняться на бѣлокъ и вынести больного; они получили уже и задатокъ и, сдѣлавъ изъ моральей шкуры носилки, отправились въ дорогу; по условію, они должны были нести его на рукахъ, а не тащить по землѣ. Но когда они пришли на станъ, больной соболевщикъ выздоровѣлъ совершенно; не смотря на то, онъ по капризу не согласился уничтожить контракта, не принявъ обратно задатка и требовалъ, чтобъ наѣмщики несли его съ горъ, хотя онъ и здоровъ; договоры въ черни исполняются гораздо лучше, чѣмъ въ городахъ подъ надзоромъ полиціи; наѣмщики приняли его на носилки и на плечахъ спустили въ долину, не смотря на неудобство такого путешествія, потому что ноги ихъ не равномерно катились внизъ по скатамъ или безпрестанно запинались за колоды; особенно торжественно было прибытіе соболевщика въ свое село, въ этомъ сѣверномъ паланкинѣ.

Петръ Маркычъ выхаживалъ на лыжахъ по сту верстъ въ день; однажды онъ спустился въ одинъ день съ Убы на Чарышъ, таща на себѣ моралину, кромѣ соболей.

Петръ Маркычъ съ жалостью вспоминалъ то время, какъ прожитое счастье. Онъ говорилъ, что живо помнитъ всѣ мѣста, гдѣ онъ ставилъ кулѣмки, гдѣ что случилось, такъ что, когда онъ проходилъ въ воспоминаніяхъ свою собственную исторію, чернь возникала въ его воображеніи полной панорамой, каждое мѣсто которой оживлено было происшествіемъ. Онъ по прежнему усердно соболевалъ во снѣ, и я думаю, что для него не нужно было другихъ благъ рая, какъ возможности соболевать по прежнему. А если бы какія-нибудь неестественныя силы, перенесли Петра Маркыча на мѣста

его прежняго поприща — онъ не вынесъ бы этого счастья, онъ умеръ бы, какъ мать, черезъ двадцать лѣтъ увидѣвшая своихъ дѣтей.

Прелесть соболинаго промысла состояла во-первыхъ въ свободѣ отъ условій общественной жизни, во-вторыхъ въ легкости добычи и въ-третьихъ — въ молвѣ, предметомъ которой становился счастливый соболевицкъ. — Жизнь эта, сопряженная съ опасностями и затрудненіями и требовавшая болѣе твердости характера и безстрастія, чѣмъ ума, сдѣлала изъ Петра Маркыча суроваго семьянина. Жена, которую онъ любилъ за ея вѣрность, обиходливость и безоружность, должна была выносить безконечныя обиды и исполнять странныя прихоти Петра Маркыча. То онъ бранился, что ребенокъ не чистъ, и упрекалъ жену въ недостаткѣ привязанности къ дитяти, то съ бранью приказывалъ взять его прочь и говорилъ: «не люблю его кувяканья.» Этой безалаберностью онъ отличался конечно только въ своей избѣ, и внѣ ея смиренно подчинялся старшей власти. Ему было нужно, чтобъ жена любила его тогда только, когда хотѣлъ быть любимымъ; въ другое время она надоѣдала ему, и онъ превращался въ привязчиваго деспота. Самъ Петръ Маркычъ сознавался, что онъ много грѣшилъ въ своей жизни, и отъ такой жены смиренницы ходилъ по сторонѣ; «ты не смотри, какой я теперь смиренный, сказалъ онъ мнѣ однажды; я былъ звѣремъ. Доставалось отъ меня этой цыпущкѣ.» Это было сказано голосомъ раскаянія, и мнѣ казалось, что онъ самъ удивлялся безпутности и безнаказанности своего поведенія.

Жена его Палагея Ивановна сохранила болѣе него свѣжести. Она проворно стряпала, наблюдала за птицей, огородомъ и скотиной, ходила за водой, убирала въ избѣ и во дворѣ, и приговаривала: «не такая бы я еще была, если бъ не была столько бита». *) Она также убѣждала меня не судить о Петрѣ Маркычѣ по нынѣшнему его состоянію, и рассказывала, что она не знала замужемъ, какъ бабы выходятъ въ воскресенье на крыльцѣ сидѣть; Петръ Маркычъ отпускалъ ее съ работы только въ сумерки; на улицѣ хороводы ходятъ,

*) Эти слова я очень часто слышалъ отъ старушекъ въ Алтай.

а она, воротясь съ поля, бѣжитъ за зыбкой съ ребенкомъ на край станицы, гдѣ она нанимала одну старушку нянчить его; потомъ нужно было уговорить его или доить напередъ коровъ, держа его у себя въ колѣняхъ. Утромъ, до зари, она снова относила ребенка на край деревни и уходила съ мужемъ въ поле. Самъ Петръ Маркычъ работалъ безъ устали, не варивъ ни обѣда, ни ужина, чтобъ не тратить времени, и если была лунная ночь, то они на пролетъ метали стога. Такими усиленными трудами наживали они хозяйство. Впрочемъ Петръ Маркычъ считалъ себя въ правѣ сейчасъ же его спустить, не предполагая, что оно на половину принадлежитъ женѣ, и ей очень часто случалось видѣть подтвержденія этого образа мыслей Петра Маркыча; она должна была молча вынимать деньги изъ сундука, когда онъ гулялъ съ товарищами, сидѣть, не спать и дожидаться конца гулянки. Еще грустиѣе было ей, когда ея трудовая копейка шла на уборы чужой дѣвнцы; но это уже и самъ Петръ Маркычъ дѣлалъ скрытно.

Петръ Маркычъ обращался съ Палагей Ивановной очень круто; однажды оказалось очень мало пива, а онъ только что похвастался одному прїѣзжему гостю тѣмъ, что его жена варитъ лучшее въ деревнѣ пиво. Петръ Маркычъ вызвалъ жену черезъ заднее крыльцо на дворъ и, высѣкши ее безчеловѣчно, возвратился къ гостямъ совершенно спокойнымъ. Самъ онъ рассказывалъ мнѣ о другомъ своемъ грубомъ поступкѣ: когда его назначили на службу въ городъ за тысячу верстъ отъ Чарыша, онъ придумалъ средство отдѣлаться отъ этого назначенія, — назначались только тѣ, которые имѣли лошадей, — Петръ Маркычъ имѣлъ одну лошадь и долженъ былъ на ней отправиться въ путь; онъ пошелъ вмѣстѣ съ прочими, но въ третьей станицѣ отъ Чарыша лошадь его обезножила, такъ что его должны были отпустить домой и вмѣсто него назначить другаго. Онъ не пожалѣлъ бѣдной лошади и вколотилъ ей подъ копыто гвоздь.

Все это однакожь перемѣнилось, и сорокалѣтній Петръ Маркычъ нынѣшнему Петру Маркычу казался просто мальчишкой, шалуномъ. Палагея Ивановна вступила въ свои права (только на шестидесятомъ году!) и когда Петръ Маркычъ

шутя, божился, что онъ не позволитъ ей нынѣ ѣхать въ гости къ зятю, она говорила: «не мели понапрасну. Вѣдь ужъ отошла твоя-то лафа, теперь я стала старше».

Сынъ Петра Маркыча, Петръ Петровичъ, не могъ уже сдѣлаться соболевщикомъ, но начало его жизни было похоже на дѣтство соболевщика. Десяти лѣтъ, онъ, какъ и всѣ здѣшніе маленькіе горцы, занимался ловлею дикихъ кошечекъ или сусленниковъ и колонковъ, и продавалъ уже свою добычу за деньги проѣзжему купцу, а на деньги пріобрѣталъ какую-нибудь вещь для дома. Петръ Петровичъ наследовалъ характеръ своей матери, и былъ смиренный и послушный ребенокъ, потому, когда сталъ понимать себя; до этого онъ былъ больной, и потому плаксивый и капризный. Я не знаю, былъ ли обрадованъ Петръ Маркычъ первой добычей сына, но самъ сынъ былъ въ восхищеніи отъ первой шкурки колонка; онъ цѣлый вечеръ, лежа на полатяхъ, совѣтовался съ матерью, которая прядла на лавкѣ, — что купить бы на колонка.

— Мама! я куплю горшокъ?

— На что его?

— А ты утромъ говорила: «горшковъ много, а цѣлаго ни одного нѣтъ».

— Горшковъ и безъ того много.

— Нѣтъ, я куплю.

— Ну, да ужъ, купи.

— Или купить тебѣ платокъ?

— Чего и говорить, купилъ парень-то платокъ за колонка!

— Такъ что же бы купить, мама? Пстой, сѣрко нашъ ходитъ безъ ошейника.

— Еще чего лучше?

Такого рода разговоръ продолжался до самого ужина, и матери не было нисколько скучно вести его. Кончилось тѣмъ, что на другой день пришелъ въ избу вязниковецъ и вымѣ-

нялъ колонка на подносики, который сохранился до моего времени.

Другое занятіе десятилѣтнихъ горцевъ, въ которомъ также участвовалъ Петръ Петровичъ, было лученье по рѣчкамъ. Осенью нѣсколько мальчиковъ составляютъ артель и отправляются на ближайшія къ селу горныя рѣчки; они дѣлятся по-парно, одинъ идетъ берегомъ, неся въ одной рукѣ торбу для собиранія рыбы, а другой рукой поддерживаетъ на спинѣ связку двухъ-аршинныхъ сосновыхъ лучинъ; другой товарищъ его идетъ съ маленькой острожкой и пукомъ зажженныхъ лучинъ впереди его по рѣчкѣ вверхъ, чтобъ вода мутилась сзади, а не спереди, передъ глазами; освѣщая путь свой, онъ смотритъ на дно рѣчки, и увидавъ спящую внизъ хвостомъ рыбу, убиваетъ ее; на ноги, чтобъ не щекотило и не рѣзало голыхъ пятокъ, надѣваются чарки съ опушками. На этихъ дѣтскихъ забавахъ и пріучаются здѣшніе поселяне къ мѣткости при лученіи.

Не мало торжества Петру Петровичу доставилъ первый успѣхъ и на этомъ поприщѣ. Онъ сдѣлался наконецъ полезнымъ членомъ семейства, постоянно принося по торбѣ рыбы, такъ что, благодаря его усердію, Палагея Ивановна безпрестанно варила уху. Но особенно Петръ Петровичъ былъ счастливъ, когда онъ самъ сдѣлалъ мордочку, утвердилъ въ рѣчкѣ, и послѣ обѣда отправился осмотрѣть ее; въ ней сидѣлъ огромный тальмень; поддѣвши его за жабры, онъ взвалилъ его себѣ на спину и отправился домой; хвостъ висѣвшаго сзади тальменя почти касался пятокъ маленькаго Петра Петровича, когда онъ входилъ въ село, встрѣчаемый своими товарищами.

Скоро Петръ Маркычъ сталъ брать его съ собой на рыбалку и позволялъ бить рыбу настоящей острогой; Петръ Петровичъ пристрастился къ этому способу рыбной ловли и сдѣлался лучшимъ *лучельщикомъ* въ станицѣ. Это искусство составляло его главную славу; здѣсь каждый селянинъ имѣетъ за собой какое-нибудь занятіе, которымъ онъ извѣстенъ въ окрестности; одинъ лучше или болѣе всѣхъ ловитъ козловъ, профессію другаго составляетъ охота на медвѣдя, третьяго отыскиваніе дикаго меду въ лѣсу; въ ловляхъ рыбы остро-

гой Петръ Петровичъ не имѣлъ соперниковъ; но кромѣ того онъ успѣшно занимался другими родами охоты, такъ напри- мѣръ онъ съ избыткомъ ловилъ ямами козуль, въ каждую осень налавливалъ на своей пашнѣ до двѣсти тетеръ, умѣлъ налаживать сохи и лечилъ одну конскую болѣзнь — исплекъ, вся станция обращалась къ нему за пособіемъ отъ этой бо- лѣзни и для исправленія сохъ. Кромѣ того, онъ прекрасно вязалъ снопы, прочно и красиво, и лучше его никто не могъ завершить стога. Пашню Петра Петровича тотчасъ можно было отличить отъ прочихъ по красотѣ коническихъ суслоновъ, которая зависитъ отъ пропорціональной завязки верхняго сно- па, опрокинутаго внизъ колосьями и служащаго суслону кры- шей; если перевязка его сдѣлана слишкомъ далеко отъ жни- ва, суслонъ выйдетъ большеголовый, если слишкомъ близко — на оборотъ. Петръ Петровичъ удачно избѣгалъ обоихъ не- достатковъ и шейки всѣхъ суслоновъ приходились у него на одной высотѣ.

Лученье рыбы есть самый интересный, самый увлека- тельный образъ ловли. Онъ производится въ осеннія ночи, когда вода чиста и рыба глубоко видна на рѣчномъ днѣ; какъ только вода *обрѣжется*, т. е. войдетъ въ настоящіе берега, по всему пространству отъ Печоры до Шилки, впа- дающей въ Амуръ, по рѣкамъ плаваютъ ночью лодки съ го- рящимъ смольемъ въ жаровняхъ и съ людьми, которые дер- жать въ рукахъ желѣзныя остроги, орудіе, которымъ они поражаютъ спящую рыбу. Названіе этой рыбалки, кажется, происходитъ отъ употребленія огня, т. е. отъ слова *лучь*. Нѣкоторые не соглашаются съ этимъ мнѣніемъ и находятъ болѣе справедливымъ производить глаголь *лучить* отъ гла- гола *улучать*; но слѣдующія выраженія, которыя я слышалъ въ Алтаѣ, служатъ въ пользу перваго предположенія. Здѣсь спрашиваютъ: «поди съ лучемъ видѣли рыбу-то». Также го- ворятъ, что пять *лучей* т. е. пять лодокъ, на одномъ мѣстѣ рыбачили.

Огонь раскладывается на желѣзной рѣшеткѣ, утвержден- ной въ носъ лодки и называемой *козой*; на дрова въ Чарышѣ рубятъ сосновыя деревья, опаленныя весеннимъ пожаромъ, потому-что такія деревья оказываются смолисте. Дрова эти,

или *смолье*, какъ они обыкновенно называются, заготавливаются заблаговременно съ половины мая. Въ другихъ мѣстахъ, какъ на Иртышѣ и Оби (около Барнаула), для смолья вырываютъ сосновые корни. Острогой называется пяти-зубая желѣзная уда, насаженная на *ратовище*, семи аршинъ длины; для мелкой рыбы употребляется острога меньшихъ размѣровъ, называемая *хайрузовкой* въ отличіе отъ *тальменевки*, употребляемой для крупныхъ рыбъ.

Охота за тальменемъ требуетъ наиболѣе ловкости и смѣлости. Рыба эта между здѣшними обитателями водъ отличается тѣми же свойствами, какъ щука въ тихихъ рѣкахъ равнины. Онъ проворенъ, смѣлъ и обжорливъ. Рыболовы рассказываютъ о немъ интересные анекдоты; во всемъ Алтайѣ извѣстна уловка его, посредствомъ которой онъ освобождается изъ невода: онъ набираетъ въ ротъ дель, отделяется отъ стѣны и потомъ съ размаху кидается впередъ; если силы его значительны, онъ дѣлаетъ дыру въ неводѣ и уходитъ; если онъ слабъ, то засыпаетъ съ делью въ рту*). Иные стараются прорвать дель простымъ ударомъ или перескакиваютъ черезъ верхнюю тетиву невода. Запоръ въ рѣчкахъ, который сдѣлается для того, чтобы мѣшать ему приподниматься вверхъ, также не служитъ ему преградой, если не высокъ, также какъ и пороги этихъ рѣчекъ: онъ выскакиваетъ изъ воды на воздухъ и перелетаетъ черезъ преграду. Пища его разнообразна: въ его животѣ рыболовы находятъ хайрузовъ, мышей, крахалей, мелкихъ налимовъ, нельмъ и даже небольшихъ тальменей. Однажды на Зайсанѣ тянули неводъ, въ которомъ суетилось множество всякой рыбы; всѣ они искали спасительнаго выхода; тальмень, который попался вмѣстѣ съ ними, обольстился на такое обиліе пищи, и, не сообразившись съ величиной одной рыбы, проглотилъ ее; она не могла помѣститься въ его внутренности и хвостъ ея торчалъ изъ рта тальменя.

Тальмень смѣло подходитъ къ лодкѣ, и, укрываясь подъ носомъ, держится всѣхъ ея движеній, чтобы безнаказанно любоваться свѣтомъ *козы*.

---

*) Поэтому здѣшніе рыболовы сами плетутъ дель изъ толстой нитки; базарная, т. е. ирбитская дель тонка и не выдерживаетъ ударовъ тальменя.

Весной тальмень поднимается вверхъ по Чарышу и входитъ въ побочныя рѣчки, въ маѣ онъ выкатывается изъ нихъ въ Чарышъ, а осенью катится назадъ изъ Чарыша. — Весной, во время его хода вверхъ, его ловятъ мордами; онъ тогда бываетъ икряный и молочный; по замѣчаніямъ рыболововъ икряный тальмень (самка) бываетъ жирнѣе молочнаго; икра и молоки въ это время бываютъ такъ зрѣлы, что когда тальменей вынимаютъ изъ морды, эти вещества сами выкатываются изъ отверстій; поэтому рыболовы затыкаютъ травой отверстія икряныхъ тальменей. Когда они, выхолостившись, катятся изъ побочныхъ рѣчекъ въ Чарышъ, на нихъ ставятъ *сурны*; время это совпадаетъ съ временемъ цвѣтенія черемухи; сурной называется корзина, съ четырехугольнымъ устьемъ и съ постепенно-суживающимся глухимъ задомъ; недалеко отъ глухаго конца замѣтно небольшое разширеніе, она ставится въ протокъ, устьемъ вверхъ; открьлки, сдѣланныя изъ прутьевъ, по обѣимъ ея сторонамъ, перегораживаютъ протокъ и тальмень вносится въ сурпу теченіемъ воды и ущемляется въ узкомъ мѣстѣ при разширеніи, въ которомъ не можетъ уже повернуться; въ одну сурпу иногда завязаетъ по три тальменя; если попадается хайрузъ, то онъ не въ состояніи повернуться въ этой узкой ловушкѣ.

Время съ половины мая до Госпожинокъ тальмени проводятъ въ Чарышѣ. Днемъ они держатся на глубинѣ плеса, и не выходятъ на мель прежде, пока не зайдетъ за гору не только солнце, но и луна, хотя бы закатъ ихъ былъ морочный. Тогда онъ спускается на нижнюю изголовь шиверы, а если бываетъ испуганъ лучельщикомъ, то прячется въ волны верхней изголови. Въ эти-то ночи и отправляются лучельщики на свой промыселъ; если первая половина ночи лунная, то они ложатся дома спать, пока луна не спрячется за гору; иногда въ полночь они поднимаются съ своихъ постелей, выходятъ на берегъ и спускаются въ плесъ, въ которомъ днемъ еще замѣтили обиліе рыбы. Въ лодкѣ помѣщается лучельщикъ, пожилой рыболовъ, вооруженный острогой; въ кормѣ для управленія лодкой сидитъ съ весломъ или десятилѣтній мальчикъ, или шестидесятилѣтній старикъ: на козѣ разводятъ огонь, который освѣщаетъ воду на глу-

бинѣ трехъ или четырехъ аршинъ съ ея населеніемъ; въ это время рыболовы стараются не стучать весломъ, чтобъ не испугать рыбы; лодка тихо катится внизъ по плёсу, иногда на одномъ плёсѣ охотятся нѣсколько лодокъ и рѣка представляется иллюминированною. На днѣ ея видны темные хребты спящихъ вдоль теченія тальменей или приткнувшихся къ берегу подъ прямымъ угломъ налимовъ; иногда случается лучельщикамъ видѣть одно изъ замѣчательныхъ явленій этого міра — подъемъ вверхъ по рѣкѣ нельмы для метанія икры; по ихъ рассказамъ, онѣ идутъ парами, и всѣ однимъ путемъ, такъ что опытные лучельщики, убивъ двухъ нельмъ и поплававъ по плёсу, чтобъ отвлечь вниманіе неопытныхъ, возвращаются на то же мѣсто, ждутъ и всегда дождутся другой пары. Иногда икрная нельма бываетъ такъ грузна, что не въ состояніи идти сама вверхъ противъ теченія, и два самца поддерживаютъ ее съ боковъ, сдавивъ ее своими боками; если лучельщики встрѣтятъ такую группу, они кидаютъ острогу въ бокового, другой боковой конечно успѣваетъ спастись бѣгствомъ, но самка, оставленная ими, не въ состояніи скрыться и даже справиться съ теченіемъ — она переворачивается вверхъ брюхомъ, отдается на произволь теченія и, безъ сомнѣнія, дѣлается добычей лучельщика. Эта скромность заставляетъ рыболововъ питать родъ уваженія къ этой рыбѣ и рыболовы озера Зайсана считаютъ ее *священною*, и не принимаютъ чистить ее не умытыми руками.

Отъ удара нельма останавливается и не трогается нѣсколько времени, въ продолженіи котораго ее спѣшатъ ввалить въ лодку, иначе, очнувшись отъ удара, она станетъ биться и изрѣжетъ объ острогу свое мягкое тѣло. Эта же мягкость тѣла заставляетъ кидать острогу въ нельму, легче чѣмъ въ другую рыбу; сильный ударъ остроги перешибаетъ ея тѣло пополамъ; напротивъ, въ тальменя бьютъ съ размаху, потому-что онѣ имѣютъ крѣпкую кожу; въ налима же стараются попасть ближе къ головѣ, потому что онѣ покрыты слизью, и острога, кинутая въ хвостъ, соскользаетъ. Если рыба убѣгаетъ отъ лодки, то лучельщикъ выбрасываетъ острогу изъ рукъ, направивъ ее въ рыбу; удары эти не имѣютъ промаховъ у искуснаго лучельщика, какимъ былъ

Петръ Петровичъ; острога, воткнувшаяся въ рыбу, выносятся вмѣстѣ съ ней на поверхность по легкости ратовища; здѣсь ее ловятъ. Если тальмень, испуганный, успеетъ спрятаться въ гальки, а налимъ затянется подъ корягу, тогда лучельщикъ гремитъ острогой по каменистому ложу рѣки, держа ее за конецъ ратовища, и тѣмъ выгоняетъ рыбу изъ ея убѣжища. Тальмень любитъ быстрыя мѣста, и потому, на мелкомъ ли мѣстѣ онъ стоитъ, или на глубинѣ плёса, онъ всегда избираетъ стрѣжь, т. е. быстрину, потому одно изъ условій успешной ловли — умѣнье распознавать стрѣжь отъ второстепеннаго теченія. Поэзія этой ловли увлекаетъ лучельщиковъ заниматься ею по нѣсколько ночей сряду, что имѣетъ вредное вліяніе на глаза; по окончаніи промысла они болятъ у лучельщиковъ и покрываются краснотой. — Я самъ видѣлъ Петра Петровича съ глазами яблоками, красными какъ сургучъ. Возвращаются съ промысла уже на развѣтѣ; я помню эти возвращенія Петра Петровича съ своимъ отцемъ, который служилъ въ этихъ экскурсіяхъ кормчимъ: они снимали сырое отъ росы платье и развѣшивали на гвозди въ темномъ дворѣ; къ стѣнѣ приставлены остроги; къ нимъ во дворъ вышла семья осматривать добычу; въ плоскихъ бадьяхъ и въ торбахъ лежитъ раненная рыба, жена Петра Петровича перебираетъ ее рукой; Петръ Маркычъ рассказываетъ, что онъ начинаетъ замѣчать за собой уменьшеніе силы и что съ трудомъ поворотилъ лодку на валахъ, — въ это время самый младшій сынъ Петра Петровича, Алешка, который еще учился говорить, беретъ въ руки хайруза и обращается къ отцу съ вопросомъ:

— Тятя, это рыба?

— Рыба, отвѣчаетъ ему Петръ Петровичъ, продолжая разговаривать съ большими.

— Тятя, это удочка? спрашиваетъ Алешка, держа въ рукѣ удочку.

— Удочка.

И такъ далѣе.

Съ Госпожинокъ тальмень катится изъ Чарыша въ Обь, когда прибудетъ вода; въ продолженіи осени малѣйшій туманъ даетъ тальмену поводъ катиться; по чѣмъ морокъ

сильнѣе, тѣмъ сильнѣе бываетъ катъ, особенно, когда идетъ дождикъ и еще болѣе, когда по Чарышу гонитъ желтый листъ съ деревьевъ. Дѣйствительно ли онъ катится внизъ при этихъ обстоятельствахъ, или только *сдается на низъ* въ своемъ плѣсѣ, въ которомъ онъ жируетъ, неизвѣстно, только при нихъ тальменей много бываетъ на нижнихъ частяхъ плёсь. А если вода въ Госпожинки не прибудетъ и простоятъ въ берегахъ до сентября, какъ это случилось въ 1856 году, то тальмень вовсе не катится изъ Чарыша, хотя бы потомъ и пошли дожди и подняли воду. Когда начинаются забережники, здѣшніе рыбаки ловятъ рыбу неводами по курьямъ; на этихъ заливахъ ледъ прежде становится, потому что въ нихъ движеніе не значительное и забережники не ломаются, какъ въ Чарышѣ; въ это время рыба собирается подъ ледъ курей, особенно, когда онъ засыпанъ сверху снѣгомъ. Если льдину, покрывающую заливъ, сдвинуть, то и рыба идетъ вмѣстѣ съ нею; подъ эту льдину подкидываютъ неводъ и тянутъ, чтобъ собрать его на другомъ концѣ льдины, или *норятъ*, т. е. дѣлаютъ проруби въ льдинѣ, сквозь которыя управляютъ неводомъ. Такимъ образомъ добываютъ до двадцати и болѣе тальменей заразъ, и при томъ попадаются восьмичетвертные *). Въ это время, около 15-го октября, онъ уже бываетъ икряный.

Когда осенніе дожди взмутятъ воду, на рыбу ставятъ морды, въ которыя попадаютъ налимы и хайрузы, но тальменей уже не находятъ въ нихъ. Хайрузы также горная рыба, и отличается бойкостью и хитростью. Они также какъ и тальмени, бываютъ икряные уже осенью, а нерстятся весной; жирные хайрузы имѣютъ бѣлый цвѣтъ, тощіе или *нужиле* — черный, почему послѣдніе называются *синяками*; въ рѣкѣ Убѣ водятся только бѣлые жирные хайрузы, а въ Чарышѣ бѣлые рѣдко попадаютъ, и потому чарышскіе уступаютъ хайрузамъ рѣчекъ, въ него впадающихъ: Коксу, Ханръ, Кулшра, Ини и Тигирека; самыми же лучшими считаются убинскіе хайрузы.

Налимъ болѣе скромная рыба; уха изъ него считается

---

*) Въ 1856 году ловъ неводами по курьямъ начался 10 октября.

лучшею; особенно уважается *ксень*, т. е. печенка, которая у здѣшнихъ бываетъ величиной съ ладонь, а у обскихъ въ книгу in-8°; во время счастливой рыбалки, когда налимовъ налавливается много, рыбаки варятъ себѣ уху изъ однихъ ксений. Здѣшніе налимы вкуснѣе тѣхъ, которые водятся въ озерѣ Норъ-Зайсанѣ. Осенью дѣти ловятъ налимовъ по заберегамъ, ходятъ по ночамъ съ лучинами, и, увидѣвъ подъ свѣтлымъ льдомъ налима, бьютъ колотушкой по льду въ этомъ мѣстѣ; налимъ бываетъ оглушенъ ударомъ, ледъ разрубаютъ и вынимаютъ его. Здѣшніе рыболовы рассказываютъ какъ налимъ охотится на мелкую рыбу: онъ подходитъ къ утесу, прислоняется къ нему головой и широкимъ хвостомъ загребаетъ воду съ мелочью въ разинутый ротъ.

Нельма входитъ въ Чарышъ только осенью и дальше Чарышской станицы не проходитъ; рѣдко случается, что здѣсь набьютъ ее головъ до десяти въ осень; въ 1856 году убили двухъ нельмъ въ рѣкѣ Чарышѣ, противъ устья Кедровки, тридцать верстъ выше Чарышской станицы; это былъ случай, подобнаго которому Петръ Маркычъ не помнилъ. Въ это же время она спускается внизъ по рѣкѣ, такъ что приходитъ только, чтобъ выкидать икру, которая во множествѣ погибаетъ отъ хищныхъ хайрузовъ; во время нерста нельмы внутренности распластанныхъ хайрузовъ бывають набиты икрой этой рыбы.

Красная рыба, осетръ и стерлядь, начинаютъ попадаться въ обилии только ниже деревни Харловой; тутъ Чарышъ становится тише, и на немъ городятъ запоры, а еще ближе къ устью ставятъ самолоры. Въ нижній Чарышъ заходятъ изъ Оби, вмѣстѣ съ красной рыбой большія (по тридцати фунт.) щуки и большіе тальмени; послѣдніе въ Оби бывають въ три пуда, тогда какъ въ верхнемъ Чарышѣ рѣдко въ одинъ пудъ, и притомъ здѣсь онъ тоньше и называется *стрижникомъ*. Здѣсь семичетвертной тянетъ одинъ пудъ, а въ Оби аршинникъ имѣетъ столько же вѣса, а семичетвертной тянетъ уже два съ половиною пуда.

Въ горныхъ рѣчкахъ Алтая водятся еще двѣ рыбки небольшія: *гольянъ* и *писканъ* (пискаръ); первый называется такъ потому, что имѣетъ голую, безъ чешуи, кожу; онъ не

попадаетъ въ Чарышѣ, но распространенъ по всему небольшому бассейну рѣки Убы, а также въ рѣчкахъ, впадающихъ въ Чарышъ и берущихъ начало къ западу отъ Тигерека; эта рѣчка есть послѣдняя на востокъ, въ которой водится гольянъ *). Также попадаетъ рыба ускучь, но рѣдко; на сто другихъ крупныхъ приходится поймать одного ускуча; прежде ихъ было больше; причиною уменьшенія этой породы здѣшніе жители считаютъ крокость этой рыбы, отчего ее легче было убить острогой, чѣмъ другую. Ускучей привозятъ въ Чарышскую станицу изъ деревни Уйманъ, въ вершинахъ Катунн.

Объ составляется изъ двухъ рѣкъ Бин и Катунн: въ первой вода свѣтлая и темная, въ послѣдней мутная и бѣловатая; воды этихъ двухъ рѣкъ, соединившись въ одномъ ложѣ, сохраняютъ это различіе цвѣта на разстояніи четырехъ, пяти верстъ; черта, отдѣляющая темную воду Бин отъ бѣлой воды Катунн, называется *сулоемъ*; въ свѣтлой водѣ Бин видно бѣлую стѣну катунской воды, которая вливается клубьями въ воду Бин. На этомъ замѣчательномъ мѣстѣ особенно играетъ тальмень,— то онъ промчится на большое разстояніе сверхъ воды, едва касаясь ея своимъ брюхомъ; то отвѣсно вылетитъ изъ воды на воздухъ и снова упадетъ тутъ же. На сулоѣ употребляется для ловли тальменей снарядъ, называемый *блесной*; это большой крюкъ, облитый бѣлымъ оловомъ и украшенный кусочкомъ краснаго сукна; конецъ поводка, къ которому прикрѣплена блесна, рыболовъ беретъ въ ротъ, и плыветъ на-кось по рѣкѣ; если тальмень задергаетъ поводкомъ, то рыболовъ спѣшитъ выйти на берегъ по тому направленію, которое приметъ попавшійся тальмень; на большомъ поводѣ онъ такъ сильно дергаетъ, что выдергиваетъ человѣка изъ лодки; на оба берега ставятся по товарищу, которые помогаютъ тащить рыбу. Другая уда, похожая на блесну и отличающаяся отъ нея величиной, называется *дорожкой*; блесна имѣетъ одинъ вершокъ длины, дорожка — четверть; послѣдняя состоитъ изъ крюка, къ которому прикрѣплено желѣзко, зали-

---

*) Впрочемъ онъ встрѣчается въ р. Сентелекѣ, впадающей въ Чарышъ выше Чарышской станицы.

тое оловомъ, и красные лоскутки сукна, которые правятъ ее вверхъ крюкомъ; если дорожка идетъ неправильно, то на нее и рыбы не попадетъ; потому стараются посредствомъ обтачиванія поставить центръ тяжести уды такъ, чтобъ крюкъ держался вверхъ; рыболовъ, опустивъ дорожку въ воду, плаваетъ по рѣкѣ взадъ и впередъ; конецъ поводка онъ держитъ въ зубахъ, замотавъ его предварительно на ухо; дорожка играетъ въ водѣ, и сходство ея съ наружностью чебака привлекаетъ тальменя; когда послѣднй заклюеть ее, поводокъ слетаетъ съ уха долей, — это служитъ рыболову сигналомъ тащить дорожку изъ воды.

Для болѣе обширнаго рыболовства отправляются изъ Бйска, вверхъ по рѣкѣ верстъ тридцать, съ лошадьми, на одной изъ которыхъ находятся переметныя сумы съ запасомъ и приправами для уха. Лодку прикрѣпляютъ къ *волокушамъ* и завозятъ туда же: тамъ ее спускаютъ на воду и плывутъ внизъ по рѣкѣ въ продолженіи трехъ дней, луча дорогой и другимъ образомъ добывая рыбу.

Невода въ Бйскомъ округѣ вяжутся изъ домашней пряжи самими рыболовами; они не служатъ болѣе трехъ лѣтъ; на Катунн они бывають такъ велики, что для совладанія съ нимъ необходимо 15 человекъ; нѣкоторые невода дѣлаются съ мѣшкомъ, называемымъ *матней*, которая держится въ поднятомъ положеніи посредствомъ наплавка, прикрѣпленнаго къ *гузнышку*, т. е. концу мотни. Чтобы бродить въ водѣ при неводной рыбалкѣ, на ноги надѣваются *бродни* изъ сыромятной или вовсе невыдѣланной кожи, сшитой шерстью внутрь; бродни завязываются выше и ниже колѣна, доходятъ до лядвей и подвязываются къ поясу. Въ нихъ бродятъ и перелавливаютъ въ большихъ неводахъ рыбу, чтобъ облегчать вытаскиваніе невода на берегъ.

На Катунн неводятъ ночью; живутъ иногда по мѣсяцу на рѣкѣ, занимаясь рыбалкой; рыбу привозятъ домой и здѣсь всю солятъ въ тополевыхъ корытахъ, сначала два дня въ теплѣ, а потомъ въ погребѣ; на продажу въ Змѣиногорскъ или Барнаулъ она отвозится въ колодахъ.

Осенью употребляется жерлица, уда въ три вершка длиною, съ большою зазубриной, на которую наживляется рас-

пластанный четвертной хайрузъ; на нее попадается тальмень. Жерлицы въ числѣ 10—15 штукъ навязываются на одинъ поводокъ, занимая полторы сажени по его длинѣ; одинъ конецъ поводка загружается камнемъ въ воду, а другой поддерживается на верху плавающей сухой длинной лѣсиной. Когда этотъ наплавокъ станетъ дѣлать неправильныя движенія, рыболовы, сидящіе на яру, плывутъ въ лодкѣ къ лѣсинѣ, вынимаютъ жерлицы, снимаютъ тальменя и багромъ вваливаютъ въ лодку. Чтобъ онъ не бился и не повалилъ лодку, одинъ изъ рыбаковъ садится на него и убиваетъ ударомъ по лбу. Охотники жерлицей замѣтили, что тальмень попадается на эту уду болѣе во время новолунія, потому-что онъ въ это время сильно ѣсть чебаковъ и хайрузовъ, а въ послѣдней четверти ея, въ животахъ тальменей не находятъ ничего, кромѣ дресвы.

Другой промыселъ, въ которомъ отличался Петръ Петровичъ, была охота за козулями. Животное это, имѣющее телячью морду, вѣтвистые рога и кущій задъ, водится на всей сѣверной покатости Алтая, отъ Катуня до Иртыша. Онѣ каждую весну и осень дѣлаютъ переходъ изъ одной страны въ другую, смотря по удобствамъ зимовокъ. Козули Чарышской долины проводятъ лѣто въ равнинѣ, стелющейся на сѣверъ отъ Алтая, а въ августѣ поднимаются къ бѣлкамъ; въ этомъ онѣ совершенно противоположны козулямъ западной части Алтая, принадлежащей къ бассейну Иртыша, т. е. пасущимся известное время по рѣкамъ Убѣ, Ульбѣ и Бухтармѣ; эти послѣднія проводятъ лѣто подъ алтайскими бѣлками, а на зиму спускаются съ нихъ, переплываютъ Иртышъ и уходятъ въ Кокбектинскій округъ Киргизской степи; козули Кунгы-Алатау также лѣто проводятъ на горахъ, а на зиму спускаются съ его сѣверной покатости въ долину рѣки Или, въ камыши ея береговъ. Въ Алтаѣ, на оборотъ, козули проводятъ въ камышахъ лѣто, а не зиму. Онѣ распространяются довольно далеко на сѣверъ, и я слышалъ отъ крестьянина Касмалинской волости (около Барнаула), что въ ней даже козули и зимуютъ и лѣтуютъ въ сосновомъ бору; онѣ изрѣдка попадаются и около Семиполатинска. Миѣ кажется, что онѣ распространены по всему тому пространству,

которое занимаетъ песчаная полоса Томской губерніи, покрытая сосновыми лѣсами.

На зиму онѣ небольшими табунами поднимаются на горы вдоль рѣкъ, не переплывая ихъ и слѣдуя промежутками. Эти промежутки, выше города Бійска, деревни Моралихи и Змѣногорскаго рудника, заняты горами, прорѣзанными съ юга на сѣверъ большими рѣками Алтая Ануемъ, Чарышемъ и Убой. Горы между двумя рѣками образуютъ одну непрерывную продолговатую гриву, возвышенную по водораздѣлу и понижающуюся къ сѣверу; эти большія гривы въ обѣ стороны отъ своего хребта изрѣзаны крутыми логами, служащими ложемъ малыхъ или поперечныхъ рѣкъ и образующими между собой второстепенныя гривы; эти послѣднія только и называются здѣсь *гривами*, а гребни ихъ *рѣлками*; большія же гривы, происходящія отъ соединенія поперечныхъ и образующія водораздѣлъ между продольными рѣками, называются *ходовыми сопками*, потому-что ихъ рѣлками направляется главный ходъ табуновъ козуль. Такимъ образомъ тѣ козули, которыя паслись лѣтомъ у береговъ Оби, между устьями Чарыша и Ануя, идутъ по правому берегу Чарыша; козули, проводившіе лѣто въ Колыванскомъ бору, выше устья рѣчки Бѣлой, поднимаются ходовой сопкой между Чарышемъ и Бѣлой, и наконецъ тѣ, которые паслись въ займищахъ между средней Обью и среднимъ Иртышемъ, идутъ водораздѣломъ рѣчки Бѣлой и Убы. На равнинѣ есть еще мѣстности, гдѣ онѣ пересѣкаютъ рѣки: такъ напримѣръ, козули праваго берега Оби переходятъ на лѣвый и поднимаются въ вершины Чарыша; но въ горахъ онѣ держатся ходовыхъ сопокъ, и гдѣ послѣднія бываютъ сужены поперечными логами, всѣ пути козуль сходятся въ одну общую тропу; въ этихъ узкихъ мѣстахъ они избираютъ для своего прохода сѣдловины между двумя, хотя и не значительными возвышенностями; на этихъ-то мѣстахъ, во время хода козуль, здѣшніе промышленники прячутся за камни съ ружьями: поэтому мѣста эти называются *караульными сопками*. Съ сѣверной стороны караульная сопка представляетъ, какъ и всякая здѣшняя возвышенность, наибольшую покатость, покрытую хвойнымъ лѣсомъ; съ южной стороны она имѣетъ видъ

невысокаго каменстаго бугра; козули поднимаются лѣсомъ, и выходятъ на обнаженную южную сторону караульной сопки; передъ ними открывается маленькое сткрытое плато, черезъ которое онѣ должны перебѣжать, чтобъ достигъ до другихъ лѣсистыхъ возвышенностей, лежащихъ впереди; но на этой открытой мѣстности онѣ дѣлаются добычей охотниковъ, сидящихъ въ камняхъ южной стороны караульной сопки.

Осенью козули пасутся подъ самыми бѣлками; но когда выпадетъ первый снѣгъ, онѣ спускаются къ вершинамъ ключей, и, по мѣрѣ углубленія снѣговъ, спускаются все ниже и ниже. На этихъ переходахъ онѣ встрѣчаютъ изгороди, которыя тянутся иногда на нѣсколько верстъ; въ изгородахъ онѣ находятъ отверстія въ полтора аршина ширины, и устремляются въ нихъ, но впереди отверстій вырыты глубокія ямы, въ которыя онѣ падаютъ и живыми достаются охотникамъ. У казака Кудеярова, въ Тулатинской станицѣ, на двухъ верстахъ изгороди сдѣлано таккихъ семьдесятъ ямъ. Естественно, что тѣ промышленники, которые имѣютъ свои изгороди выше, начинаютъ промыслять козуль раньше прочихъ.

Козули не доходятъ до вершинъ Чарыша, и въ мѣстахъ, обитаемыхъ калмыками, по отзывамъ здѣшнихъ звѣролововъ, ихъ никогда не бываетъ. Во время перехода на горы, въ первыхъ числахъ августа, у козуль, какъ и у мораловъ и сохатыхъ, начинается *гонъ* (течка); табунами козулей предводительствуютъ самцы; въ сентябрѣ козули дѣлаются уже *яжны*, т. е. тяжелы, и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, линяютъ и перемѣняютъ красный цвѣтъ на сѣрый; осенній козлиный мѣхъ, прочный и синева-тосѣрый, называется борловымъ, дороже цѣнится (отъ 3 руб. асс. до 1 руб. сер.) и употребляется на сапоги и дахи; *хохлуиъ*, т. е. весенній красный мѣхъ, не держитъ шерсти, скоро оголяется при носкѣ, и потому употребляется только для выдѣлки замши. Осенью и мясо считается вкуснѣе, чѣмъ въ другое время.

Козуля приноситъ отъ одного до четырехъ *яглоковъ* заразъ; яглокомъ называется козленокъ, который бѣгаетъ еще за матерью, т. е. питается еще ея молокомъ. Охотники умѣютъ подражать крику яглоковъ, положивши въ ротъ сло-

женный вдвое лоскутокъ бересты; эти звуки привлекаютъ самокъ, вѣроятно лишившихся дѣтей по какой-нибудь причинѣ. Охотники убиваютъ ихъ изъ ружей.

Ружья алтайцы носятъ за спиной, на ремнѣ черезъ правое плечо, дуломъ внизъ; на другомъ ремнѣ, черезъ лѣвое плечо виситъ натруска; на прикладъ и казенникъ надѣвается *барсучье нагалице*.

Кромѣ этихъ способовъ, козуль промышляютъ петлями и капканами; послѣдніе ставятся въ озерахъ, находящихся на лугу Чарына, по которымъ онѣ любятъ бродить. Надъ дорожками, на двухъ кольяхъ навѣшиваются пеньковые петли, вымазанныя травой, называемой здѣсь медвѣжьей пучкой, чтобъ козуля не могла услышать человѣческаго запаха отъ веревки. Козули и моралы имѣютъ болѣе развитое обоняніе, чѣмъ зрѣніе; по-крайней-мѣрѣ онѣ стоятъ выпучивъ глаза, когда къ нимъ приближается человѣкъ со стороны вѣтра; но если вѣтерокъ нанесетъ мгновенно тонкій запахъ человѣка въ ноздри морала, онѣ опрометью бросается прочь.

Одинъ коль утверждёнъ въ землѣ крѣпче, другой, напротивъ, такъ слабо, что козуля можетъ его сронить; послѣдній отличается еще тѣмъ, что имѣетъ сучья, далеко обрубленные отъ ствола. Петля концомъ своимъ крѣпко привязывается къ суковатому колу и слегка поддѣвается на крѣпко утверждённый коль; другая половина петли виситъ надъ дорожкой; козуля, продѣвъ голову въ петлю, сдергиваетъ ее съ одного кола и тащитъ за собой другой коль, который бороздитъ по землѣ своими сучьями.

Кромѣ человѣка, козули дѣлаются добычей беркутовъ; гоняясь за козулей, беркутъ старается сѣсть ей на спину, уцѣпиться лапами въ шею и хвостъ, и потомъ выклевать или выбить крыльями глаза. Но козуля выкидываетъ заднія ноги выше спины, и такъ сильно бьетъ ими, что сшибаетъ орла долой; однажды въ долину, между Чарынской и Тулатинской станицами шелъ обозъ; обозные видѣли, какъ по косогору неслась козуля, преслѣдуемая беркутомъ; чувствуя, вѣроятно, что силы оставляютъ ее, она хотѣла спастись отъ него подъ покровительствомъ людей, что дѣлаютъ также жаворонки Киргизской стени, спасаясь отъ того же преслѣдо-

вателя; израненая козуля прибѣжала въ обозъ, но здѣсь обозные люди поймали ее и зарѣзали.

Кромѣ этихъ родовъ охоты, въ Алтаѣ есть еще охота на медвѣдей, на которыхъ ставятъ большія ловушки, пудовые капканы, подрѣзи и пасти, а также убиваютъ ихъ изъ ружей. Пудовые капканы ставятся и на мораловъ; они натягиваются воротомъ и бьютъ такъ сильно, что отскакиваютъ на поларшина отъ земли, и пересѣкаютъ ногу морала, а потому съ ними обращаются осторожно; на соболей употребляются тѣ же капканы, которые ставятся на волковъ, и рѣдко дѣлаются менѣе; третій сортъ капкановъ употребляется для выдръ и козудь и ставится въ воду. Подрѣзи устроиваются на дорогахъ медвѣдей и сохатыхъ; главную часть подрѣзи составляетъ шесть, или *очапъ*, имѣющій на концѣ обоюдоострый кривой ножъ; очапъ лежитъ на вилагѣ не центромъ тяжести, а такъ, что конецъ съ ножомъ легче и стремится кверху, но удерживается *сильшеми*, петлей, надѣтой на очапъ и задѣтой за зарубку на вколоченномъ въ землю колышкѣ; къ *сильшу* привязана *сима*, или веревка, другой конецъ которой обвязанъ около лѣсины, стоящей противъ вилагы. Сима перегораживаетъ звѣрю дорогу, и потому онъ, проходя, натягиваетъ ее; сима сдергиваетъ сильшь съ зарубки, и конецъ очана съ ножомъ вдругъ поднимается вверхъ; снарядъ этотъ устанавливается такъ, чтобъ ножъ наносилъ рану звѣрю въ полое мѣсто.

Медвѣдь самый сильный изъ здѣшнихъ звѣрей, и потому пользуется наибольшою извѣстностью. Характеръ его достаточно объясняется въ разказахъ простолюдиновъ, которые любятъ представлять его болѣе въ комическомъ положеніи. Анекдотъ объ охотѣ его за кабанамъ, извѣстенъ всей Сибири. Въ Алтаѣ онъ рассказывается чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Не рѣшаясь напасть на цѣлое стадо кабановъ, медвѣдь поднялся на скалу, подъ которой оно паслось, и хотѣлъ бросить въ середину его большое бревно. Чтобъ

---

*) Когда рѣжутъ живую козулю, добытую ямой, то придавливаютъ ногой одну заднюю ея ляшку, чтобъ она не брыкала, иначе она изорветъ копытами замшевые шаровары охотника.

вѣриѣе понасть, онъ положилъ бревно между заднихъ ногъ, и подвигалъ его передними; но когда центръ тяжести бревна перешелъ за гребень скалы, бревно полетѣло внизъ, и другимъ концомъ сбросило медвѣдя въ середину кабаньяго стада.

Медвѣдь отличается страстью къ артистическимъ удовольствіямъ, къ изысканнымъ блюдамъ, къ музыкѣ и, мнѣ кажется, въ охотѣ онъ не столько ищетъ добычи, сколько наслажденія побѣды. — Одинъ крестьянинъ, рубившій дрова въ лѣсу, былъ свидѣтелемъ другаго рода охоты медвѣдя за кабанями; медвѣдь кидаль въ непріятеля булыжникомъ, потомъ обращался въ бѣгство, всползалъ на пень, и помѣщался на огромной березовой губѣ, какъ на балконѣ; кабаны подбѣгали къ пню, но, видя непреступное положеніе медвѣдя, возвращались на пастбище; когда медвѣдь спустился съ губы для новаго нападенія, крестьянинъ подошелъ къ его крѣпости, и подрубилъ слегка губу: черезъ непродолжительное время медвѣдь спѣшилъ въ свою крѣпость спастись, влѣзъ на пень, и только соскочилъ на губу, какъ она оторвалась, онъ полетѣлъ вмѣстѣ съ нею, и былъ принятъ кабанями на клыки.

Первостепенная сила, наводящая страхъ на всѣхъ животныхъ, и совершенство инстинкта, дали право медвѣдю на уваженіе и людей. Иностранцы сибирскіе питають къ нему божеское почтеніе; это уваженіе замѣтно и въ русскомъ народѣ; оно усиливается еще тѣмъ, что ни одно изъ здѣшнихъ животныхъ, такъ не близко къ природѣ человѣка по наружнымъ признакамъ, какъ медвѣдь; нища, полумясная, полурастительная, умѣнье ходить на двухъ ногахъ и вооружаться камнемъ, и, наконецъ, нѣкоторое сходство формъ скелета, покрытаго мускулами, съ такимъ же скелетомъ человѣка, такъ сближаютъ медвѣдя съ человѣкомъ въ глазахъ народа, что послѣдній допускаетъ возможность половаго соединенія ихъ. Въ народѣ существуетъ разсказъ о женщинѣ, уведеной медвѣдемъ въ свою берлогу. Ласки его состояли въ томъ, что онъ лизалъ ей лицо; вмѣсто пищи давалъ ей сосать какой-то питательный камень; она такъ *обнатурилась* *) въ этой

*) Слово, употребленное разсказчикомъ.

странной жизни, что, когда была спасена и выведена изъ берлоги, то была уже найдена беременною. Разсказъ этотъ можно принять за остатки мифа о происхожденіи народа, заимствованный вѣроятно у финскихъ племенъ, потому-что я слышалъ его не только отъ крестьянъ Томской губерніи, но и отъ татарина Казанской губерніи, выдававшего его за происшествіе случившееся въ ихъ краѣ.

Медвѣдь въ здѣшнихъ лѣсахъ лакомится черемухой, малиной и кедровыми орѣхами, а осенью, когда нападеть снѣгъ, собираетъ калину; кромѣ того онъ дѣлаетъ опустошенія въ здѣшнихъ насѣкахъ; кажется, изъ той же гастрономической прихоти онъ не ѣстъ свѣжаго мяса, а закладываетъ его предварительно подъ хворостъ, и проквашиваетъ.

Кромѣ бурыхъ медвѣдей здѣсь встрѣчаются соловые, которые вѣроятно подали поводъ простому народу утверждать, что въ вершины Бухтармы, на бѣлки, заходитъ бѣлый медвѣдь Ледовитаго моря. Когда я доказывалъ, что бѣлый медвѣдь долженъ бы былъ пройти мимо нашихъ деревень, чтобъ попасть на бѣлки Бухтармы, потому-что онъ живетъ только на сѣверѣ, мнѣ простодушно отвѣчали, что вѣдь и въ вершинахъ Бухтармы такой же *сиверъ*, какъ и у устья Оби. Подъ сиверомъ въ Сибири разумѣютъ холодный климатъ съ вѣчнымъ снѣгомъ и холодными вѣтрами.

По размѣрамъ, здѣшніе медвѣди принадлежатъ къ самымъ большимъ. Въ станицѣ Ключи былъ найденъ мертвый медвѣдь, шкура котораго имѣла 17 четвертей длины; сала было снято 5 пудовъ. Этотъ медвѣдь, долго приводившій въ ужасъ станицы Ключи и Бѣлорѣцкую, переходя отъ одной къ другой, былъ жертвой увѣренности въ своей силѣ; онъ задавилъ двухъ лошадей, которыя были привязаны одна къ другой, что часто дѣлаютъ, когда одна изъ лошадей не отличается спокойнымъ характеромъ и съ трудомъ ловится. Медвѣдь воспользовался ремнемъ, который соединялъ трупы, перекинулъ его себѣ на шею и поволокъ лошадей въ лѣсъ; на пути ему представилась переправа черезъ небольшую рѣчку, поперекъ которой лежала унавшая толстая лѣсна; медвѣдь пошелъ по этому случайному мосту, а трупы потащилъ сзади его по обѣимъ сторонамъ моста; но, такъ

какъ рѣчка была довольно быстра, то трупъ, тащившійся выше моста, снесло и затерло подъ лѣсину, а медвѣдь былъ притиснуть къ ней ремнемъ и задушился. Разказы объ этомъ медвѣдѣ распространились на сотни верстъ вокругъ отъ Ключей и, кажется, будутъ жить вѣчно въ горахъ, и, межесть-быть, превратятся въ фантастическое преданіе.

При всемъ совершенствѣ инстинкта, у медвѣдя всегда достааетъ его, чтобъ удачно приводить въ исполненіе свои выдумки, и онъ чаще надѣется на свою силу, чѣмъ на смышленость. Если голова его попадетъ въ петлю, то онъ не старается снять ее съ шеи, а тянется изъ всей силы прочь, чтобъ порвать ее и затягиваетъ себѣ горло. Иногда на его дорогѣ кладутъ петлю съ тяжеловѣснымъ обрубокъ на концѣ; медвѣдь попадаетъ ланой въ петлю и обрубокъ начинаетъ мѣшать ему скоро ходить; онъ беретъ его въ ланы и старается отбросить какъ можно далѣе, но обрубокъ снова тащится сзади; медвѣдь повторяетъ тѣ же усилія до тѣхъ поръ, пока не измучится до смерти, а иногда поднимается на утесъ и кидаетъ обрубокъ въ долину, и самъ бываетъ увлеченъ туда же. Народъ также думаетъ, что одно изъ лучшихъ средствъ спасенія при встрѣчѣ съ медвѣдемъ безъ оружія—стать за толстую лѣсину; медвѣдь будетъ цѣлый день ходить въ одну сторону и не догадается пойти на встрѣчу.

Во время своихъ поисковъ въ насѣкахъ, онъ бываетъ чрезвычайно остороженъ, старается подкрасться совершенно незамѣтно, и, дѣйствительно, присутствіе его въ насѣкѣ только тогда обнаруживается, когда онъ стукнетъ колодкой; онъ старается ступать на землю какъ можно мягче, и каждую хворостинку обходить кругомъ, чтобъ не хрустнула подъ ногой; съ такой же осторожностью медвѣдь любитъ слѣдить иногда за человѣкомъ.

Кромѣ описанныхъ ловушекъ, на медвѣдя устрояютъ еще кулёмы, похожія устройствомъ на соболиныя, но отличающіяся размѣрами; онѣ также состоятъ изъ двухъ стѣнъ, врубленныхъ въ лѣсину; но стѣны эти состоятъ изъ заплотнока и имѣютъ два аршина высоты; спереди порогъ, надъ которымъ настораживается гнетикъ, но не палка, какъ въ

соболіной ловушкѣ, а цѣлая лѣсина, на которую навалено множество лѣсу; гнетикъ медвѣжьей кулёмы называется *стеной*. Внутри кулёмы для приманки кладется падалъ.

На зиму медвѣдь устраиваетъ берлогу, вырываетъ яму, закладываетъ сверху хворостомъ, подъ себя натаскиваетъ *тундры* (моху) и оставляетъ нору, чтобъ только самому вылѣзти. Замѣтивъ берлогу, охотники ждутъ времени, когда онъ совершенно уснетъ; тогда дѣлаютъ нѣсколько *островинъ*, жердей съ оставленными на нихъ сучьями длиною въ четверть, и толкаютъ ихъ одну за другою въ берлогу, комлями впередъ; разбуженный медвѣдь сначала самъ задергиваетъ ихъ къ себѣ, но потомъ начинаетъ толкать вонъ, но не можетъ вытолкать, потому-что торчащія сучья втыкаются въ стѣны отверстія; въ берлогу бросаютъ гнилушки, поджигаютъ ихъ, и медвѣдь задыхается отъ дыма. Но случается, что медвѣдь не задергиваетъ первую островину и вылѣзаетъ самъ наружу; охотники уже готовы къ такой встрѣчѣ и держатъ ружья надъ отверстиемъ.

Алтай бѣденъ водяными птицами, а потому птицеводство въ немъ не отличается большими размѣрами. Какъ лѣсистая страна, онъ изобилуетъ куриными породами; въ немъ водятся глухари, тетери и рябчики; больше всего ловятъ тетерь осенью; Петръ Петровичъ налавливалъ ихъ въ одну осень до 200 штукъ; для ловли тетерь устраиваютъ здѣсь *тынки, коши, шатры и падины*. Кошъ отличается отъ тынка тѣмъ, что можетъ переноситься, а тынокъ плетется на вбитыхъ въ землю кольяхъ; въ обѣихъ этихъ ловушкахъ птица обманывается вертящейся на оси крышкой, на которую она садится. Падины дѣлаются въ хлѣбныхъ кладяхъ; это просто углубленія, которыя оставляются въ кладяхъ во время кладки ихъ; сверху они закрываются слегка колосьями; птицеводъ, замѣтивши, что тетери начинаютъ нападать на хлѣбъ, садится въ яму и сдергиваетъ тетерь за ноги рукой или крючкомъ.

Иногда ловятъ здѣсь беркутовъ и ястребовъ, и продаютъ въ Семипалатинскѣ киргизамъ. Для этого небольшое пространство огораживается нѣсколькими кольями, на которые слабо набрасывается сѣть; въ середину кладется ку-

сокъ падали; беркутъ падаетъ на неѣ отвѣсно, тумаромъ, а поднимается на-косо, налетаетъ на сѣть и запутывается.

Глава эта, описывая ловецкую промышленность Чарышской станицы, въ то же время характеризуетъ дѣятельность отца и сына; успѣхи перваго зависѣли отъ его силы и терпѣнія; на соболиномъ промыслѣ отъ него только требовалось хладнокровіе передъ смертью, потому-что онъ могъ или замерзнуть, или умереть съ голоду, или встрѣтиться съ медвѣдемъ и быть съѣденнымъ, или погибнуть подъ снѣжной лавной. Сынъ силѣ противопоставилъ ловкость; онъ выбралъ тѣ роды охоты, которые не подвергали его лишениямъ и опасностямъ и зависѣли не отъ силы, а отъ совершенства глазъ.

Г. ПОТАНИНЪ.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ БЕЗБОРОДКО.

1859.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

ПОЛГОДА ВЪ АЛТАѢ.

II.

Въ Алтаѣ нѣтъ большихъ дорогъ; есть только проселочныя. Алтай — закоулокъ, или, какъ говорятъ сами жители, «украина». Потому домашняя жизнь отличается большею простотою и гостеприимствомъ, чѣмъ на равнинѣ; Алтай во всемъ, въ образованіи и культурѣ, идетъ позади окрестнаго міра; въ немъ дольше сохраняются прежнія черты, какъ напримѣръ великорусскій бытъ, недопускающій дѣлности семейства. Въ одной казачьей станицѣ, бобровской, я зналъ семейство, состоявшее изъ двадцати трехъ членовъ, жившихъ въ одномъ домѣ. Вся такая большая семья имѣетъ одну общую пашню и съобща производитъ работы; если въ домѣ находится три снохи, то онѣ чередуются въ своихъ домашнихъ занятіяхъ; когда одна сноха исполняетъ *стряпную*, другая *скотскую*, а третья находится въ *гульной*, т. е., ничѣмъ не занимается для общаго хозяйства и обыкновенно посвящаетъ это время своему индивидуальному хозяйству, тчетъ свой холстъ или шьетъ на своихъ дѣтей. Подобное устройство производитъ въ здѣшнихъ жителяхъ такую наклонность къ семейственности, что посторонній человѣкъ, какъ напримѣръ работникъ, весьма легко дѣлается членомъ семейства въ нравственномъ отношеніи. Не болѣе какъ черезъ недѣлю, я обратился въ настоящаго члена семейства Петра Маркыча; во мнѣ уже искали участія къ семейнымъ не-

удачамъ и повѣряли мнѣ тайны. Я подчинился внѣшнимъ условіямъ деревенской жизни; не клалъ хлѣба за обѣдомъ нижней коркой къ верху, потому что зналъ, что ему будетъ отъ этого тяжело; заходилъ за столъ не иначе, какъ по солнцу, потому что въ противномъ случаѣ у меня умерли бы всѣ мои крестники. Вставали мы обыкновенно въ четвертомъ часу; въ это время старушка Палагея Ивановна только что начинала затоплять печь; Петръ Петровичъ зажигалъ фонарь и уходилъ изъ деревни на мельницу, Петръ Маркычъ помѣщался на печкѣ и просиживалъ тамъ, пока разсвѣтетъ, разсказывая мнѣ о соболнномъ промыслѣ. До самаго восхода происходило стряпанье; къ этому времени возвращался Петръ Петровичъ, поднимались дѣти и всѣ члены семьи усаживались кругомъ стола пить чай *). Иногда, еще до чаю, Петръ Петровичъ съ женой, пятнадцатилѣтней дочерью и одиннадцатилѣтнимъ сыномъ, уходили на цѣлый день на ближайшій сѣнокосъ, Петръ Маркычъ уѣзжалъ на пасѣку, и въ цѣломъ домѣ оставалась одна Палагея Ивановна, потому что и я уходилъ или въ ближайшее ущелье или взбирался на ближайшую гору, съ которой можно было видѣть весь амфитеатръ горъ, окружающій долину; внизу зеленое дно долины, въ видѣ горизонтальной площади, на которой въ видѣ ломаной линіи тянется узкая полоса лѣса черемухъ и ивъ, которая означаетъ течение рѣки и покрываетъ ея берега и острова; самой рѣки не видно; только мѣстами, то подъ утесомъ на лѣвой

---

*) Чай въ сельскомъ населеніи въ Сибири болѣе распространенъ, чѣмъ въ Россіи, но не всѣ части Сибири одинаковы въ этомъ отношеніи. Такъ въ томской губерніи, въ частяхъ, прилегающихъ къ рѣкѣ Иртышу, всѣ пьютъ его до самыхъ бѣдныхъ семей, особенно у казаковъ, живущихъ по этой рѣкѣ. Самые бѣдные, за неимѣніемъ самоваровъ, варятъ чай въ мѣдныхъ, такъ-называемыхъ *черныхъ* чайникахъ; а въ деревняхъ долины рѣки Бухтармы эти чайники замѣняются глиняными кувшинами, въ видѣ чугуныхъ кувшиновъ, которые употребляются съ тою же цѣлью въ Киргизской степи и называются, какъ у киргизовъ, такъ и у крестьянъ, *кутанами*. Въ долинѣ Чарыша чай менѣе распространенъ, чѣмъ на равнинѣ, какъ и всѣ другіе продукты, которые распространяются только вмѣстѣ съ разширеніемъ торговыхъ сношеній. Однакожъ и въ чарышской станицѣ всѣ пьютъ чай если не настоящій, то мѣстные его суррогаты, особенно бадакъ, *Saxifraga crassifolia*, и бѣлоголовникъ, *Spirea Ulmaria*.

сторонѣ, то подѣ утесомъ на правой сторонѣ, сверкають небольшіе просвѣты воды. Влѣво, между рѣкой и горой въ долинѣ видна, какъ въ планѣ, станица, всего съ тремя прямыми улицами, отъ нея къ рѣкѣ тянутся огороды въ видѣ разнообразныхъ трапецій и сплетаются съ курьями или пересохшими рукавами рѣки. Кругомъ станицы, на зеленыхъ поляхъ, видно множество бѣлыхъ пятенъ, — это лежатъ табуны гусей. Безпрестанно снизу слышится громкій крикъ ихъ, но нельзя различить, изъ которой стаи онъ вырвался. Коровы бредутъ ниткой черезъ курью на островъ, медленно передвигая ноги въ водѣ; иногда загремитъ по каменной дорогѣ, выходящей подѣ самыми ногами, телѣга съ влящимъ мужикомъ; за ней долго можно слѣдить, какъ она потихоньку переѣзжаетъ небольшую рѣчку, поднимается на горку, вѣзжаетъ въ улицу и даже въ свой дворъ. Все такъ лѣнливо, безопасно, спокойно и счастливо снаружи!

За обѣдомъ въ дѣтнее время рѣдко бываетъ вся семья въ сборѣ, но иногда собирались все, отъ стариковъ до младшаго поколѣнія. При этомъ Петръ Маркычъ разсказывалъ своей семьѣ или о сходкѣ, которая была утромъ, или шутилъ надъ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей. Такъ, напримѣръ, особенно доставалось его одиннадцатилѣтнему внуку, который уже началъ пріучаться къ полевымъ работамъ.

— Не знаешь ли ты, — спрашивалъ меня Петръ Маркычъ, — чья это дѣвочка принесла намъ сегодня коромысло воды?

— Нѣтъ, не знаю! отвѣчалъ я.

— Вотъ добиваюсь цѣлый день, кто бы мнѣ сказалъ это.

При этомъ одинъ изъ молодыхъ членовъ семейства, сидѣвшихъ за столомъ, начиналъ краснѣть, и, наконецъ, когда насмѣшки Петра Маркыча доходили до крайности, сноха прерывала его: «Да полно ты дразнить ребенка! что за бѣда, что онъ принесъ коромысло воды. Это я ему велѣла, неужто матери не слушаться?»

О сельскомъ воспитаніи слѣдуетъ замѣтить, что оно начинается въ описываемой мною мѣстности не ранѣе, какъ съ пятнадцатилѣтняго возраста; тогда начинаются серьезные наставленія; до того же времени обязанность матерей

состоитъ только въ томъ, чтобъ унимать дѣтей отъ слезъ и мирить, если они ссорятся между собою, а отцы смотрятъ на нихъ, какъ на забаву; особенно меня поражало обращеніе Петра Петровича съ самымъ маленькимъ своимъ сыномъ, Алешкой, который только что начиналъ учиться говорить. Этотъ ребенокъ удивлялъ всѣхъ своимъ сильнымъ характеромъ; съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ для ребенка онъ переносилъ нѣсколько сильныхъ ударовъ ремнемъ по тѣлу, которые отсчитывалъ ему отецъ, чтобъ только показать этотъ фокусъ гостямъ, или, чаще, для собственной своей забавы, только такъ, какъ это дѣлаютъ охотники, поднимая за уши своихъ собакъ. Алешка даже улыбался послѣ перваго удара; затѣмъ, какъ будто задумывался, шутка ли это, и наконецъ уже падалъ на полъ и начиналъ кататься и кричать; но вскорѣ онъ снова поднимался и снова готовъ былъ съ улыбкой переносить удары. Петръ Маркычъ не позволялъ себѣ этихъ шалостей, но только вѣроятно потому, что не имѣлъ права, такъ какъ это былъ не его собственный сынъ; напротивъ Петръ Петровичъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ, и даже мать ограничивалась только легкимъ замѣчаніемъ, не смѣя рѣшительно отнять ребенка, какъ будто право отца на жизнь дѣтей осталось здѣсь въ прежней силѣ.

Иногда вся рабочая часть семьи уѣзжала на цѣлую недѣлю или на пашню, или на дальній сѣнокосъ; тогда дома оставалась только одна Палагея Ивановна съ младшей внучкой, Даркой. Иногда и Палагея Ивановна уѣзжала на пашку во время роенья; тогда дома оставалась одна десятилѣтняя Дарка, которая, не смотря на такой ранній возрастъ, сама приносила воды изъ колодца, кормила птицъ, когда онѣ возвращалась съ поля, доила коровъ и запирала ихъ, и, наконецъ, смотрѣла еще за своими маленькими братьями. — Приученіе къ работѣ и хозяйству здѣсь начинается весьма рано, особенно въ женскомъ полѣ. На сѣнокосахъ и пашняхъ употребляютъ уже такихъ мальчиковъ, что для того, чтобъ поднять ихъ съ постели, нужно прибѣгать къ какой-нибудь уловкѣ; на примѣръ, кладутъ ребенку въ головахъ два испеченныхъ яйца и говорятъ: «вставай, Петя, курочка въ головахъ тебѣ два яичка снесла».

Я провель въ семьѣ Петра Маркыча полгода, именно лѣто 1856 года, съ мая мѣсяца до ноября. Въ это время я успѣлъ, на сколько былъ въ состояніи, ознакомиться съ деревенскою жизнью въ Алтаѣ, описанію которой во внутреннемъ ея содержаніи хочу посвятить остальныя главы. Въ первое время жизни въ семьѣ Петра Маркыча я видѣлъ передъ собой только безконечную идиллію. Не смотря на грубость взаимнаго обращенія, казалось, что всѣ были довольны другъ другомъ и счастливы; старики часто отзывались кому-нибудь съ похвалою и даже удивленіемъ о покорности своего сына; сынъ и сноха часто говорили, что имъ съ своими стариками очень можно жить. Иногда старики высказывали неудовольствіе по какому-нибудь поводу, но всегда такъ мягко, что имъ свободно возражали, и общее согласіе не нарушалось.

Черезъ нѣсколько недѣль я долженъ былъ, по настоянію Петра Маркыча, познакомиться съ однимъ семействомъ, которое имѣло значеніе въ станицѣ. Это былъ домъ вахтера, смотрителя казеннаго хлѣбнаго магазина. Петръ Маркычъ говорилъ мнѣ: «это добрый мужикъ! Ты сходи къ нему, а то онъ обидится. И Трифонова у него тоже добрая баба.» Такимъ образомъ, по настоянію Петра Маркыча я принужденъ былъ отправиться къ вахтеру. Это былъ въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно скромный человѣкъ, и уважался потому, что принадлежалъ къ числу весьма немногихъ грамотныхъ людей въ околоткѣ. Аграфена Трифонова, напротивъ, была разбитная женщина и первая подала мнѣ руку, когда я вошелъ въ комнату. Не смотря на этотъ признакъ цивилизаціи, Аграфена Трифонова нисколько не отличалась отъ горныхъ крестьянокъ и не уступала имъ, разѣзжая верхомъ по окрестностямъ за малиной. *) Дѣтей у нихъ не было. Приходъ мой обрадовалъ ихъ, какъ будто это была эпоха въ ихъ жизни. Тотчасъ начали угощать меня всевоз-

---

*) Здѣшнія женщины также хорошо ѣздятъ верхомъ, какъ и мужчины, потому что прямыя дороги на сѣнокосы и пашни неудобны для телѣгъ. Здѣшнія дѣвушки скачутъ по горнымъ стремнинамъ, какъ лучшіе наѣзники, и сохраняютъ такую бодрость силъ до старости. Даже есть шести десятилѣтнія старухи, ѣздяція еще верхомъ въ горы за малиной.

можными средствами, и спрашивать, хорошо ли мнѣ здѣсь жить, доволенъ ли я семействомъ Петра Маркыча, и начали пересчитывать хорошіе дома въ станицѣ, въ которые я могъ бы перемѣститься. Я отвѣчалъ, что я не хочу перемѣнять дома, и что семейство Петра Маркыча мнѣ нравится, потому что счастливѣе его я не находилъ семейства въ мірѣ.

— Да о старикахъ нечего говорить, сказала Аграфена Трифоновна; это здѣсь первые люди. И сынъ у нихъ такая скромница! А вотъ сноха-то не совсѣмъ хороша.

— Я ничего не замѣтилъ.

— Да еще рано замѣтить. Она всю семью портитъ; вѣдь ужъ было стыда старикамъ изъ-за нея. Мы бы совѣтовали вамъ не оставлять свою шкатулку не запертою; мы говоримъ это вамъ, какъ новому человѣку; вамъ нужно побаваться. А стариковъ мы сами уважаемъ.

— Но я ни какой ссоры не слышалъ въ семействѣ.

— Да и не услышите. Эти старики не любятъ шумѣть; Петръ Маркычъ если осердится, то только молчитъ. Они теперь вѣрно сторожатъ ваши вещи отъ снохи болѣе, чѣмъ свои собственные. Они и сами не знаютъ, что дѣлать. Говорятъ будто, что они дожидаются только, когда подрастутъ дѣти, и хотятъ уѣхать къ одной изъ замужнихъ своихъ дочерей. Недавно была исторія. По старинной дружбѣ у Петра Маркыча остановился торгующій татаринъ; старики какъ-то сами просмотрѣли, татаринъ и поймалъ сноху съ узломъ—вишь, хотѣла перебросить его черезъ заборъ, а за заборомъ-то стояла мать ея. Вмѣстѣ съ матерью и воруютъ, сноха-то крадетъ у свекора, да таскаетъ къ матери; вотъ отчего и обѣднѣлъ Петръ Маркычъ. Не приведи Господь никому на такую жену наткнуться; правду говорятъ: мужъ хоть носи въ домъ мѣшками, жена выноситъ горшками.

Я ушелъ отъ Аграфены Трифоновны изумленный. Дѣйствительно, я сталъ потомъ замѣчать, что въ жизни этого семейства нѣтъ полной гармоніи. Палагея Ивановна стала проговариваться, что она не будетъ здѣсь долго жить; у снохи также вырывались выраженія, что старуха любитъ только своихъ дочерей и больше никого на свѣтѣ.—Съ те-

ченіемъ времени я совершенно узналъ секретную часть жизни этого семейства.

Въ Алтаѣ, какъ я уже сказалъ, семьи не дробятся, а дѣти мужескаго пола живутъ вмѣстѣ съ отцами, хотя уже женаты и имѣютъ дѣтей. Но это единство только внѣшнее; хотя семья старика и семья женатаго сына живутъ въ одной избѣ и пашутъ одну пашню; но въ то же время въ сокровенной глубинѣ ихъ отношеній уже таится стремленіе къ раздѣлу; это стремленіе не высказывается; даже можетъ быть, не сознается, и выражается только безсознательнымъ противодѣйствіемъ. Впрочемъ, всѣ статьи хозяйства, кромѣ хлѣба, уже ведутся обѣими семьями отдѣльно; такъ, на примѣръ, на одномъ дворѣ живутъ двѣ стаи гусей; одна принадлежитъ свекрови, другая снохѣ. Драка гусаковъ между собою часто ведетъ къ ссорѣ между свекровью и снохой. Сноха кидается изъ избы съ кочергой бить гусака, принадлежащаго свекрови; свекровь бѣжитъ бить сноху. Ленъ также воздѣлывается отдѣльно. Снохи обыкновенно имѣютъ общій ленъ съ своими матерями; мужъ ея сѣетъ ленъ, потомъ оба они дергаютъ и сушатъ, затѣмъ сноха треплетъ его и относитъ къ своей матери прясть; когда та нарядетъ пряжи, сноха начинаетъ ткать холстъ, изъ котораго она шьетъ рубашки на своего мужа, дѣтей, на свою мать и отца, такъ, что если у послѣднихъ есть также сынъ и сноха, то эти дѣлаютъ холстъ опять отдѣльно, въ соединеніи съ матерью снохи. Если у стариковъ дочери не замужемъ, то старикъ самъ сѣетъ свой ленъ, а обрабатываютъ его и ткутъ холстъ дочери, а нарядетъ старуха. Это-то обыкновеніе дочерей имѣть общій холстъ съ своими родителями и удерживаютъ онѣ, когда выходятъ замужъ. Иногда пересылка холста и пряжи дѣлается изъ одной станицы въ другую, на сто верстъ. Пчелы также отдѣляются; отецъ отсчитываетъ нѣсколько колодокъ въ наслѣдство сыну, отмѣчаетъ ихъ, но, впрочемъ, онѣ остаются въ той же пасѣкѣ, такъ что старикъ самъ ухаживаетъ за ними; это онъ обязывается дѣлать вѣроятно потому только, чтобъ имѣть пай въ пашнѣ, хотя самъ большаго участія уже не можетъ принять въ ея обработкѣ. Количество отдѣляемыхъ сыну коло-

докъ не бываетъ значительно; такъ, напримѣръ, Петръ Маркычъ отдѣлилъ Петру Петровичу только четырнадцать колодокъ (ульевъ) изъ четырехъ сотъ; это, конечно, не былъ окончательный раздѣлъ; передъ смертью Петръ Маркычъ вѣроятно еще отдѣлилъ бы ему часть насѣки. Пчеловодство остается единственной опорой стариковъ; оно дешево, прилично для нихъ, и даетъ имъ такія деньги, что они могутъ существовать независимо отъ семьи своихъ сыновей; на эти деньги они покупаютъ все то, въ чемъ не имѣютъ пая съ сыновьями, такъ, напримѣръ, старики, неимѣющіе дочерей, и слѣдовательно неимѣющіе своего льна, покупаютъ вмѣсто него ситецъ на рубашки. Но если пчеловодство стариковъ разстраивается, тогда положеніе ихъ часто дѣлается печальнымъ; они дѣлаются поневолѣ непродуцательными членами семьи своего сына, и нерѣдко бываютъ принуждены переносить безпрестанныя оскорбленія; а иногда и такъ бываетъ, что сынъ выгоняетъ отца изъ дома, который получилъ отъ него въ наслѣдство и который, можетъ быть, построенъ самимъ старикомъ. Такой случай рассказывали мнѣ въ сосновской станицѣ. Почему отецъ теряетъ право на домъ, который былъ прежде его собственнымъ, я не знаю; но только мнѣ кажется, что такое обыкновеніе принимается всѣми, потому что и Петръ Маркычъ хотѣлъ уѣхать на жительство къ одной изъ своихъ дочерей, безвозмездно оставляя свой домъ сыну. Здѣсь, какъ будто, не только общественная, но и семейная жизнь не получила еще полного развитія; это напоминаетъ то состояніе общества, когда отцы доставляли дѣтямъ жизнь, забывали ихъ, и одиноко оканчивали жизнь, всегда обезпеченные только своими собственными силами. Петръ Маркычъ, не смотря на лѣта, еще старался сколько-нибудь пожать или покосить, чтобъ и его часть была хлѣба или сѣна, чтобы, какъ онъ говорилъ, «все таки свой хлѣбъ ѣсть» *).

*) Кстати замѣтить здѣсь о правахъ на приданое. Если умретъ мужъ, то жена отходитъ къ отцу съ своимъ приданнымъ; если она имѣетъ дѣтей, то, съ согласія свекора, она беретъ съ собой и имущество своего мужа, которое было ему выдѣлено свекромъ при женитьбѣ; кромѣ того свекоръ нерѣдко еще сверхъ этого надѣляетъ отходящую сноху. Если сноха остается

Поэтому дочери дѣлаются подъ старость своихъ родителей ихъ пѣстунами, шьютъ на нихъ, моютъ ихъ бѣлье; естественно, что между ними и стариками завязывается любовь, которую онѣ сохраняютъ и во время замужней жизни. Напротивъ, семья сына тяготѣетъ болѣе къ тещѣ, а къ семьѣ дѣда питаетъ недовѣріе. Это объясненіе показываетъ, что семейное разъединеніе Петра Маркыча съ своимъ поколѣніемъ было весьма обыкновенно въ описываемой странѣ. Палагея Ивановна, какъ всякая здѣшняя старушка, болѣе любила своихъ дочерей и съ нетерпѣніемъ ждала времени переѣхать къ нимъ на постоянное житъе. На сноху и ея дочерей она смотрѣла безъ участья. Сноха, въ свою очередь, не любила Палагею Ивановну, обижалась ея хладнокровіемъ къ своимъ дочерямъ, старалась привязать ихъ болѣе къ бабушкѣ Шестачихѣ, т. е., къ своей матери, и смотрѣла на хозяйство свекора, какъ на совершенно чужое. Она исподволь старалась перетаскивать его къ своей матери, и такое передаванье меда было очень чувствительно для стариковъ. Объявить прямую войну старикамъ она не смѣла, потому-что отъ стариковъ зависѣло еще окончательно надѣлать ихъ пчелиными колодками.

Затѣмъ я сдѣлался даже самъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ сценъ. Однажды я сидѣлъ въ одной комнатѣ со снохой; въ комнату вошла младшая дочь ея, и сказала, что тетка какая-то ждетъ ее на дворѣ и проситъ чашку меду. Старики держали свой медъ въ амбарѣ и ключъ носили съ собой, но медъ собранный съ собственныхъ колодокъ Петра Петровича стоялъ въ подвалѣ подъ той самой комнатой, въ которой мы сидѣли. Сноха взяла большую чашку, спустилась въ подвалъ и наложила въ нее своего меду; но она не смѣла передать еѣ пришедшей теткѣ, потому-что во дворѣ въ это время была Палагея Ивановна и разговаривала съ гостьей. Нужно замѣтить, что старики строго слѣдили, чтобъ сноха не раздавала своей матери и своимъ подругамъ свой соб-

---

дома, то надѣлать еще увеличивается. Если умерла жена и бездѣтною, то тещѣ возвращаетъ себѣ ея приданое, отбираетъ всю скотину, иногда ящикъ съ вещами, но постель никогда не имѣетъ права возвратить.

ственный медъ и ленъ, такъ что она не могла даже нанять себѣ помощницы трепать ленъ или прясть; но здѣшнему, хозяйка всегда должна сама обрабатывать весь свой ленъ, не прибѣгая къ найму; наемъ работницъ объяснялся только лѣнностью и разсматривался какъ вредный городской элементъ, какъ стремленіе сдѣлаться бѣлоручкой. Я уже говорилъ прежде, что домъ Петра Маркыча принадлежалъ, по свойству хозяйства, къ чисто сельскимъ. Чтобъ передать медъ пришедшей бабѣ, сноха употребила такую уловку: младшая дочь должна была вынести медъ на улицу черезъ дверь, прямо ведущую изъ комнаты; а сама мать вышла черезъ дворъ сказать гостѣ, что у самихъ былъ нынче худой сборъ, потомъ проводила ее до воротъ *), и, отворяя ей ворота, послала её къ тому мѣсту, гдѣ ждала ее съ чашкой маленькая дочь.

Въ другой разъ мы были съ Петромъ Маркычемъ въ огородѣ, гдѣ въ это время сноха съ дочерями собирала капусту; съ наполненной вилками телѣгой мы отправились домой, а сноха съ дѣтьми осталась въ огородѣ. Когда мы проѣзжали мимо избы бабушки Шестачихи, она вышла на крыльцо и покивала мнѣ пальцемъ. Я подошелъ.

— Милый сынъ! сказала она мнѣ. (Такъ всегда здѣшнія старухи обращаются къ молодымъ). Когда придетъ сноха домой, скажи ей, милый сынъ, что я ей принесла полный подоль картофеля и ссынала подъ крыльцомъ. Да смотри, не Расскажи старнику; это не нужно ему знать. Самый крупный картофель отобрала для нея.

Я обѣщалъ исполнить ея просьбу, но далъ себѣ слово молчать. Мы приѣхали къ своей избѣ, Петръ Маркычъ сталъ искать въ щеляхъ крыльца ключъ отъ двери и увидѣлъ подъ крыльцомъ кучу крупнаго картофеля. Онъ не утерпѣлъ и подтолкнулъ меня.

— Смотри, смотри! прошепталъ онъ. — Вѣдь это теща натащила нашей снохѣ. Что будешь дѣлать? у своей снохи

---

*) Здѣсь существуетъ обыкновеніе провожать каждаго гостя до воротъ, знакомаго и незнакомаго. Мужчинъ провожаютъ мужчины, а женщинъ женщины.

воруетъ и къ намъ таскаетъ, а наша опять у насъ воруетъ да къ ней носитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, теща и сноха занимались такимъ мелкимъ воровствомъ; впрочемъ этому воровству не слѣдуетъ придавать значенія большаго преступленія. Старики старались изолировать свою семью въ экономическомъ отношеніи, ограничить ея потребности только собственными ея произведеніями; такимъ образомъ, если въ ихъ домѣ не родилась рѣпа или картофель, то уже не слѣдовало ни мѣнять своихъ произведеній на рѣпу или картофель, ни покупать, а жить до будущаго урожая безъ этихъ продуктовъ; исключеніе дѣлалось только въ пользу гороха, который никто не сѣялъ для запаса и всѣ покупали на зиму у сосѣднихъ крестьянъ. Поэтому старики не позволили бы никакого обмѣна между своимъ домомъ и домомъ старухи Шестачихи; воровство послѣдней и ея дочери было преимущественно только тайнымъ обмѣномъ, запрещеннымъ торгомъ, контрабандой. Это была борьба новаго порядка съ старымъ, стремленіе къ свободному обмѣну произведеній, которое, при абсолютизмѣ стариковъ, должно было проявиться въ видѣ злоупотребленія.

Въ горахъ, при неудобствѣ сообщеній, разъединенность сельскихъ капиталовъ сохраняется долѣе; но такіе характеры, какъ бабушка Шестачиха и ея дочь, съ врожденнымъ духомъ спекуляціи, не могутъ не стараться замѣнить медвѣжье усердіе, на которомъ основано сельское хозяйство, изворотливостью сношеній. О Шестачихѣ Палагея Ивановна отзывалась, что эта старуха смолоду не вила гнѣзда, и теперь не вьетъ, а развѣзжаетъ верхомъ за малиной, не смотря на свою сѣдину. Свиванье гнѣзда было главной задачей жизни стариковъ; а основано оно было на стараніи какъ можно больше производить, ничего не покупать, а излишекъ своихъ произведеній продавать. Впрочемъ, въ продажу позволялось обращать только предметы, получаемые отъ вспомогательныхъ производствъ: ичеловодства, звѣроловства и собранія дикихъ плодовъ; продукты же земледѣлія должны потребляться въ хозяйствѣ, которое должно производить все то, что можетъ производить. Поэтому старики на сборъ кедровыхъ орѣховъ и малины смотрятъ неприязненно; но ихъ

понятію, всё рабочія руки и рабочіе дни должны быть употреблены на пашню; на сборъ же орѣховъ и маины позволяется употребить только тѣ дни, которые остаются лишними отъ полевыхъ работъ. И дѣйствительно за орѣхами и маинной парни и бабы ѣздятъ по воскресеньямъ; добываніе этихъ двухъ продуктовъ для продажи считается невѣрнымъ, и старки позволяютъ собирать ихъ только для своего употребленія; имъ было бы стыдно, еслибъ пришлось изъ-за орѣховъ прикупить хлѣба для дома. Здѣсь съ презрѣніемъ смотрятъ на условія жизни въ тѣхъ деревняхъ, которыя находятся на большихъ дорогахъ, и въ которыхъ жители несутъ на продажу такія мелочи, за которыя бы здѣшній крестьянинъ ни за что не взялъ бы платы; туесъ картофеля, корчага яицъ, крынка молока — все это тамъ экономно скопляется для продажи; еще болѣе страннымъ кажется для здѣшняго крестьянина предназначать въ продажу свой лучшій холстъ и самую бѣлую муку, а себѣ оставлять истребы и охвостину. Напротивъ, здѣшній крестьянинъ самое лучшее оставляетъ себѣ и продаетъ только то, что себѣ не нужно. Дѣлать долги, и задавать впередъ за работу, какъ дѣлала украдкой сноха Петра Маркыча, по мнѣнію стариковъ, значило подвергать хозяйство непредвидимымъ случайностямъ, и такое веденіе хозяйства считали либеральнымъ и крайне опаснымъ. А между тѣмъ духъ спекуляціи распространяется вмѣстѣ съ другими городскими предметами и по всюду видны слѣды этого вторженія. Такъ, напримѣръ, въ той же чарышской станицѣ былъ богатый казакъ, который занимался торговлей и снабжалъ весь околотокъ рыночными предметами. Этотъ торговецъ, какъ мнѣ говорили, началъ развитіе своего капитала съ очень страннаго промысла: вытапливанія и продажи листовичной сѣры. Замѣчательно, что этотъ купецъ былъ родной братъ снохи Петра Маркыча. Онъ оставилъ всё другіе сельскіе промыслы и сталъ въ большихъ размѣрахъ топить сѣру изъ листовичной коры; можетъ быть это казалось сначала всѣмъ деревенскимъ рутинерамъ забавнымъ, однакожь результаты оказались очень удачными. Это былъ въ своемъ родѣ революціонеръ; онъ не остановился не только передъ общимъ убѣжденіемъ, но

и на своемъ первомъ изобрѣтеніи, и укрѣпивши свой капиталъ, оставилъ приготовленіе листовничной сѣры, пустился въ другія предпріятія — и теперь онъ главный скупщикъ меду, воску и масла въ чарышской долинѣ, и служить пока единственнымъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ этой долины съ Ирбитью. Такимъ образомъ проникають городскіе элементы въ сельскій Алтай.

Надѣюсь, что если мои рассказы, о домашней жизни, одной алтайской семьи не богаты романтическимъ элементомъ, то не лишены всякаго интереса. Жизнь въ Алтай такъ скромна, безцвѣтна, что въ ней трудно найти что-нибудь необыкновенное; съ перваго взгляда она отличается безконечно-идиллическимъ характеромъ, и начинающему наблюдателю кажется, что онъ попалъ въ рай, гдѣ нѣтъ противорѣчій, гдѣ интересы одного всегда согласны съ интересами другаго; и только, когда онъ присмотрится къ жизни одного какого-нибудь семейства, первоначальное впечатлѣніе мало-по-малу исчезаетъ и оказывается, что у каждаго семейства есть что-нибудь такое, что сталкиваетъ разнородныя силы и производитъ броженіе въ сельской жизни.

Въ городѣ экономическія отношенія представляютъ такую взаимную связь, что ошибка одного распространяется на многихъ; въ деревнѣ ошибки не имѣютъ обширныхъ послѣдствій; онѣ падаютъ на отдѣльныя хозяйства, потому-что каждое семейство имѣетъ свой неприкосновенный капиталъ — нашу, на который никакія экономическія бури не имѣютъ вліянія; притомъ, каждое хозяйство существуетъ уединенно, потому ненормальныя явленія и отражаются только въ его собственной жизни, и если бываютъ они, то легко исправляются. Если умерла мать, тотчасъ же выеиваются другую; банкротство, неурожай, неуровъ — все это только на годъ; черезъ годъ хозяйство снова такое же. Эта невозможность деревенской жизни усильно дѣйствуетъ на душу; въ то время, какъ въ городской жизни все случайности, жизнь измѣнчива, времена года сглаживаются, въ деревнѣ жизнь каждый годъ возвращается къ однимъ и тѣмъ же формамъ; каждую весну крестьянинъ налаживаетъ свою соху точно также, какъ и во всѣ прошлыя. Это постоянство

формы проникаетъ всѣ стороны сельской жизни, и даже производитъ вліяніе на языкъ. Фраза однажды созданная не теряется, потому что вскорѣ встрѣчается опять то же явленіе, которое произвело ее, и она снова употребляется. Оттого въ сельской жизни сохраняется много пословицъ, а еще болѣе стереотипныхъ фразъ. Разговоръ двухъ крестьянъ какъ будто сочиненъ заблаговременно, потому что онъ весь составленъ изъ выраженій, сложенныхъ еще прежде и составляющихъ общее достояніе. Эти избранныя выраженія придаютъ разговору крестьянъ, особенно женщинъ, изящную отдѣлку, но онъ не кажется отъ этого искусственнымъ, потому что трудно съ перваго раза отличать оригинальныя выраженія отъ стереотипныхъ. У нѣкоторыхъ здѣшнихъ женщинъ, какъ напримѣръ, у Палагеи Ивановны, я замѣтилъ даже способность говорить съ рифмами и очень долго считалъ это за ея индивидуальную способность. Но потомъ я оставилъ это предположеніе. Собирать эти выраженія нѣтъ возможности, потому, во-первыхъ, что они рѣзко не отграничены отъ оригинальныхъ, а во-вторыхъ потому, что существованіе ихъ ограничивается иногда не только одной деревней, но даже однимъ семействомъ и можетъ быть только немногими генерациями. Изъ этихъ-то выраженій создается народная пѣсня; человѣку, хранящему въ своей памяти множество отборныхъ выраженій, стоитъ только увлечься, чтобъ произнести цѣлый монологъ, исполненный изящества и силы. Потому и импровизація, такъ часто встрѣчаемая на низшихъ ступеняхъ культуры человѣческаго рода, можетъ быть объяснена постоянствомъ формъ домашней жизни.

Я провелъ въ Алтайѣ только лѣто, и слѣдовательно, не видѣлъ алтайскихъ жителей въ зимнее время, а зимнее время здѣсь особенно не походитъ на лѣто. Я уже сказалъ, что въ сельской жизни, сильно подчиненной природѣ, времена года рѣзко разграничены въ образѣ жизни поселянъ. Я остался подъ одностороннимъ впечатлѣніемъ алтайскаго лѣта; всѣ семьи заняты въ это время полевыми работами, уходомъ

и уборкой хлѣба, сѣна, овощей и пчель, припасаніемъ дровъ, рыбной и отчасти звѣриной и птичей ловлями; въ короткое алтайское лѣто некогда совершать праздненства; притомъ дождливый климатъ, такъ благопріятный для земледѣлія, не благопріятствуетъ отправленію праздниковъ; изрѣдка на улицѣ составитъ хороводъ и то не иначе, какъ по случаю чьей-нибудь помочи; со всѣмъ не то, напримѣръ, въ бухтарминской долині; эта долина лежитъ въ западной части Алтая, и открывается своимъ устьемъ почти на югъ; горы безлѣсны, состоятъ изъ гранитныхъ скалъ, климатъ имѣетъ болѣе общаго съ сухимъ климатомъ монгольской степи; здѣсь я также провелъ нѣсколько недѣль; каждое воскресенье здѣсь составляется нѣсколько хороводовъ, и притомъ безъ всякаго другаго повода, кромѣ того, что день праздничный; а мѣстомъ для хоровода служитъ обыкновенно улица у воротъ той дѣвушки, которая царицей въ хороводѣ. Праздникъ Пасхи также вяло празднуется въ чарышской станицѣ; кажется все ограничивается тѣмъ, что женщины, одѣтыя въ лучшее платье, взбираются на ближайшія, только что зазелѣвшіяся, горы, и бродятъ по нимъ. Съ осени начинается молотьба хлѣба, которая производится такъ дѣятельно, что къ Рождеству весь снятый хлѣбъ бываетъ вымолоченъ. Молотятъ съ ранняго утра, задолго до восхода солнца, такъ что можно справедливо сказать, что работаютъ въ это время день и ночь; ночью подъ навѣсомъ, которымъ прикрыта доль, разводятъ огонь изъ смоляныхъ полѣньевъ, положенныхъ на широкую каменную плиту. До Рождества вся семья поголовно занята работой; отъ Рождества до Пасхи однѣ только женщины ткуть холсты; въ это время наступаютъ праздники, святки и масляница, которые проводятся въ Алтаѣ, если не шумнѣе, то, по крайней мѣрѣ, съ неменьшимъ шумомъ, какъ въ остальной Сибири. На масляницѣ по станицѣ разъѣзжаетъ лодка съ гребцами, стрѣльцами и другими комедіантами, и въ этой процессіи участвуетъ почти вся станица. Въ это время, вѣроятно, восполняется въ жизни здѣшнихъ поселянъ тотъ недостатокъ увлеченій, который чувствуется въ продолженіе лѣта. Впрочемъ, я не видѣлъ чарышской станицы въ такое время.

Впродолженіе лѣта алтайскія деревни почти пусты; пашни не близки, и потому семейства уѣзжаютъ въ поле на цѣлые мѣсяцы, возвращаясь только по воскресеньямъ; тѣ семейства, которыя не имѣютъ стариковъ, даже запираютъ свои избы, а куръ увозятъ съ собою на пашню. Это сближаетъ ихъ съ полукочевымъ образомъ жизни башкировъ, которые имѣютъ зимнія и лѣтнія жилища. Пашня для простолюдина, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ звѣроловства уже нѣтъ, такая школа, въ которой онъ изучаетъ природу. Цѣлые мѣсяцы проводитъ онъ подъ открытымъ воздухомъ и ни одно явленіе, отъ пробужденія птицъ до свертыванія цвѣтовъ, отъ вывода птенцовъ до отлета птицъ на югъ, не проходитъ незамѣченнымъ. Здѣсь еще онъ продолжаетъ наблюдать за звѣздами, какъ наблюдалъ во время пастушеской жизни. Если мы встрѣчаемъ въ крестьянинѣ знакомство съ правами разныхъ мелкихъ звѣрковъ и птичекъ, такое знакомство съ свойствами и формами множества дикихъ растеній, что онъ въ горсти хлѣбныхъ зеренъ отличаетъ сорныя сѣмена, которыя изъ нихъ принадлежатъ жабрею, которыя куколю или, наконецъ, рыжку; то всѣ эти свѣдѣнія приобрѣтаются на пашнѣ.

Алтай, въ отношеніи къ почвѣ, можно раздѣлять на двѣ части; чертой дѣленія можетъ служить рѣка Иня, впадающая слѣва въ Чарышъ. Къ западу отъ нея почва глинистая, къ востоку черноземная; это дѣленіе, какъ увидимъ, имѣетъ большое значеніе въ способѣ обработки полей *); черноземъ въ чарышской станицѣ называется *кроторойникомъ*, потому что осенью скаты горъ покрываются кучами свѣжаго чернозема, выкиданнаго изъ норъ маленькими звѣрками, которые называются въ Алтаѣ *кроторойникомъ* **). Изъ этихъ кучъ берутъ черноземъ здѣшнія цвѣточницы въ свои банки. Онъ

*) Въ западной части, въ глинистомъ грунтѣ водится червякъ, который называется здѣсь *шуромъ*; это, кажется, обыкновенный дождевой червь; по рассказамъ жителей, въ ненастное время шуры высеиваются изъ норъ одни задніе концы и соединяются по два, но никогда не оставляютъ своихъ норъ совершенно.

**) Это обыкновенные хомяки.

отличается пріятнымъ, мягкимъ чернымъ цвѣтомъ и такою вязкостью, что послѣ дождя свертывается на поверхности въ небольшіе комки. Кроторойниковыхъ кучъ не видно въ западной части Алтая; впрочемъ, въ большей или меньшей степени, черноземъ распространенъ по всему Алтаю. Называютъ черноземъ также *материчной землей*; слово же «черноземъ» здѣсь не употребляется. Какъ та, такъ и другая часть Алтая рѣзко отличаются по силѣ своей растительности отъ прилегающей къ подошвѣ равнины; въ Алтаѣ есть черноземъ, но за то нѣтъ солонцовъ; потому, какъ говоритъ народъ, здѣсь «пресныя травы», «большетравье», «листовникъ». Всѣми этими словами народъ старается характеризовать свою однолѣтнюю флору; дѣйствительно, здѣшнія травы отличаются отъ равнинныхъ ростомъ и густотой, сочностью, разнообразіемъ листа и соединеніемъ многихъ породъ на одномъ полѣ; травы, которыя служатъ лучшимъ кормомъ здѣшняго скота принадлежатъ къ разнымъ ботаническимъ семействамъ, къ сложноцвѣтнымъ, бобовымъ и другимъ. На равнинѣ, напротивъ, скотскіе корма исключительно состоятъ изъ злаковъ съ пустымъ стволемъ, всегда узкимъ листомъ, рѣдкимъ и при томъ однороднымъ засѣвомъ. Эти травы простой народъ называетъ солеными, собственно потому, что они любятъ почву, проникнутую солью. — Для обработки поля въ Алтаѣ употребляютъ соху и плугъ; во всей восточной части, и на равнинѣ, вѣ Алтая, употребляютъ соху; въ западной, начиная съ небольшой рѣки Бѣлой, впадающей въ Иню, нашествуютъ плугомъ; такимъ образомъ границы употребленія плуга и сохи совпадаютъ съ сдѣланнымъ нами разграниченіемъ Алтая на черноземный и глинистый. Область употребленія плуга примыкаетъ къ рѣкѣ Иртышу и распространяется по ней до устья рѣки Убы, а на югѣ до китайской границы. Въ бухтарминской долинѣ, входящей въ эту область, по рассказамъ жителей, первый сталъ употреблять плугъ коммандантъ Брандтъ. Можетъ быть плугъ распространился отсюда на сѣверъ до Убы и Бѣлой; замѣчательно, что плугъ, также, какъ другое позднѣйшее нововведеніе въ Алтаѣ, пчеловодство, основаніе котораго приписывается полковнику Аршеневскому, составляютъ неотъемлемую принадлежность особенной коло-

низации Алтая, известной под именемъ *поляковъ* *). Поляки непременно пашутъ плугомъ, даже распространили его и на равнинѣ, и ни у кого въ Алтай нѣтъ такихъ большихъ насаѣкъ, какъ у нихъ. Я даже думаю, не они ли первые принесли въ Алтай плугъ и улей.

Земледѣльческія орудія алтайскихъ жителей, какъ и все остальное, находятся на болѣе низкой степени совершенства, чѣмъ у жителей равнины. Недавно только введена въ употребленіе въ Алтай литовка, то есть, прямая коса съ длинной рукояткой, посредствомъ которой можно косить стоя. До нея же косили траву горбушей, кривой косой съ короткой рукояткой, которой можно было дѣйствовать только согнувшись. Замѣненіе горбуши литовкой было чрезвычайно выгодно, потому что меньше стало нужно луговъ для сѣнокосовъ, такъ какъ литовкой можно косить и короткую траву, которая прежде оставалась некошеною; потому литовка быстро распространилась по Алтаю. Впрочемъ, и до настоящаго времени еще есть старики, которые продолжаютъ косить горбушей. Соха здѣшняя простаго устройства, состоитъ изъ двухъ половинокъ, изъ которыхъ одна половинка, съ загнутымъ краемъ, называется *мужичкомъ*, другая прямая *женкой*. Они насаживаются на нижній конецъ криваго бруса, на верхнемъ концѣ котораго устроена рукоятка, или *рогаль*. Этотъ брусъ, называемый *разсохой*, посредствомъ двухъ брусевъ — *тяги* и *стрѣлы* прикрѣпляется къ колесной оси. На разсохѣ, надъ сошниками, прикрѣплена для отвала на сторону подрѣзаннаго пласта доска, которая называется *шабалой*.

На высокихъ мѣстностяхъ Алтая земледѣліе не можетъ быть очень успѣшно; подъ пашню нужно очищать лѣсъ, да и тогда, послѣ усиленныхъ трудовъ, пріобрѣтается земля на

---

*) Поляками въ томской губерніи называются колонисты изъ Бѣлоруссіи, переведенные сюда при Екатеринѣ. Они доселѣ сохраняютъ въ обычаяхъ и языкѣ черты польшуконъ. Къ сожалѣнію, о числѣ ихъ и нынѣшнемъ состояніи ничего не извѣстно, равно какъ о другой, тоже незначительной, но также интересной колонизации *каменьщиковъ* въ верхнихъ частяхъ бухтарминской долины. Поляки живутъ въ нѣсколькихъ деревняхъ около змѣиногорскаго рудника, а именно: въ Секисовской, Бобровской, Бидструхѣ и Убинкѣ.

половину состоящая изъ каменистой почвы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на примѣръ въ бѣлорѣцкой станицѣ, главное вниманіе земледѣльцевъ обращено на картофель, служащій основою ихъ пищи, а хлѣбъ покупается въ болѣе низкихъ мѣстностяхъ. Нѣкоторыя семейства снимаютъ до сто пудовъ. Здѣшніе жители съ насмѣшкой отзываются о своемъ земледѣліи и говорятъ, что они пахутъ «кукишкой».

Породы хлѣбовъ, которые засѣваются на поляхъ, слѣдующія: рожь, ячмень, и алая пшеница. Рожь уважается за ея постоянство; она менѣе другихъ хлѣбовъ подвергается неурожаямъ и потому алтайцы говорятъ: «рожь не ложь». Здѣшняя пшеница, красноватаго цвѣта *), рѣзко отличается отъ пшеницъ, которыя сѣются въ песчаной равнинѣ, лежащей къ сѣверу отъ Алтая. Пшеницы этой песчаной полосы извѣстны подъ названіемъ *дорошкы*; онѣ всѣ средне-азиатскаго происхожденія, отличаются крупнымъ зерномъ, бѣлой мукой и большимъ урожаемъ, но хлѣбы изъ этой муки скоро черствѣютъ. Напротивъ у алыхъ пшеницъ зерна не такъ крупны, колосья не такъ многозернисты, и мука не такъ бѣла, но за ея свойство долго удерживать въ себѣ влажность, мука ея на змѣиногорскомъ рынкѣ предпочитается мукѣ изъ дорогой пшеницы, и продается двадцатью процентами дороже. Дорогія пшеницы свойственны только степямъ; онѣ не поспѣваютъ на высотахъ Алтая; нѣкоторые здѣшніе хозяева пробовали засѣвать ими свои поля; но дорогія пшеницы, любящія жаркое и сухое лѣто, тянулись отъ алтайскихъ дождей все въ вышину и, достигши до необыкновеннаго роста, не успѣвали созрѣть до перваго инея. По простонародной классификаціи, эти пшеницы слѣдуетъ отнести къ разряду соленыхъ травъ.

Впрочемъ, съ недавняго времени, съ востока, отъ города Бійска, начинается вторгаться въ Алтай особенная порода, отличающаяся отсутствіемъ ости; эта порода называется *красно-туркой*. Она, кажется, прямо вывезена изъ Россіи въ бійскій

---

*) Когда пшеница поспѣваетъ, она начинаетъ измѣнять блѣдножелт цвѣтъ на красносѣрый; объ этомъ обыкновенно говорятъ: «къ пшеницѣ начинается краска прилипать.»

округъ новыми колонистами, которые стали засѣвать ее на равнинѣ. По своимъ свойствамъ, краснотурка приближается къ степнымъ породамъ, потому-что протаиваетъ на корнѣ незрѣлою болѣе, чѣмъ алая пшеница, но все-таки поспѣваетъ до шеевъ, слѣдовательно удовлетворяетъ двумъ требованіямъ разомъ: урожайности и краткости срока созрѣванія. Она видимо подвигается по Алтаю на востокъ параллельно по его подошвѣ, и достигла уже въ настоящее время яровской станицы (между рѣками Чарышемъ и Иней). Ярица, то есть, яровая рожь *) сѣется только въ самыхъ нижнихъ частяхъ Алтая; такъ, на примѣръ, со стороны города Бійска, по дорогѣ изъ этого города, проходящей по Алтаю параллельно его подошвѣ, самая дальняя станция, въ которой сѣютъ ярицу — Моральи Рожки; выше — ярицы уже нѣтъ во всемъ Алтаѣ вплоть до Иртыша, и уже тамъ, не ближе, какъ отъ устья рѣки Убы, снова начинается воздѣлываніе ярицы, а рожь исчезаетъ. Прежде рожь не спускалась и на востокъ, и за Моральими Рожками на равнинѣ воздѣлывали одну ярицу, но въ последнее время рожь, по неизвѣстной причинѣ, стали воздѣлывать и ниже Рожекъ, такъ что въ настоящее время рожь распространилась не только до Бійска, но и до Кузнецка. Къ сѣверу отъ Алтая, на песчаной полосѣ, перерѣзанной сосновыми борами, воздѣлывается исключительно ярица и дорогія пшеницы, а за нею, на самомъ сѣверѣ томской губерніи, опять ярица и русскія пшеницы. Изученіе неправильной линіи, представляющей это новое столкновеніе и ея передвиженіе, было бы поучительно для тѣхъ, кто занимается географіей растений.

Все здѣшнія пашни расположены на высокихъ мѣстахъ, особенно тѣ, на которыхъ сѣютъ пшеницу, такъ что онѣ находятся при самомъ основаніи каменстаго, обрывстаго обнаженія, которымъ завершается почти всякая значительная возвышенность. Эти мѣста подвержены постоянному теченію воздуха, и потому возвышенныя мѣста менѣе осаждаютъ паровъ, чѣмъ долины рѣчекъ; поэтому теченіе это здѣшніе жители называютъ *сухорогомъ*; мѣста, подверженные сухо-

*) Подъ словомъ «рожь» здѣшніе жители разумѣютъ только озимую рожь.

росу и обращенныя къ югу, обыкновенно выбираются подъ посѣвъ пшеницы, чтобъ обезпечить ее отъ вымерзанія; мѣста эти всегда бываютъ покрыты растеніемъ *морковникъ*, почему и называются *морковными*. Въ низинахъ же, по которымъ текутъ рѣчки, растительность скорѣе подвергается опасности быть захваченой морозомъ, потому что температура постоянно понижается вліяніемъ протекающей по низинѣ рѣчки, росы бываютъ чаще, чѣмъ на возвышенности, и потому иней падаетъ на нихъ раньше. Напротивъ, рожь на морковныхъ мѣстахъ не можетъ успѣвать, потому что въ зимнее время они подвергаются выдувамъ, и потому рожь можетъ быть обнажена изъ-подъ снѣга; подъ рожь употребляются сѣверныя покатоности горъ, занесенныя глубокими снѣгами, и если еще съ осени была гололедица, такъ что озими покрыты ледяной покрывкой, то урожаи совершенно обезпечены; въ противномъ случаѣ, когда глубокіе снѣга долго лежатъ весной на протаявшей почвѣ, рожь подопрѣваетъ.

На пашняхъ также сѣютъ ленъ, коноплю, макъ, картофель, рѣдку, морковь, рѣпу и горохъ. Впрочемъ, послѣдній сѣется не для запаса на зиму, а весь сѣдается во время лѣта, пока семьи живутъ на пашняхъ; для запаса же горохъ всегда покупается у окрестныхъ крестьянъ. Потому горохъ рветъ всякій, кто только ѣдетъ мимо, не спрашивая, чей онъ. Точно также смотрять и на хрѣнъ, который такъ хорошо растетъ здѣсь, что превратился въ сорную траву здѣшнихъ огородовъ; его никто не разводитъ, а роютъ его осенью въ томъ огородѣ, въ которомъ онъ самъ выросъ, не спрашивая хозяина.

Для уборки хлѣба приходятъ наниматься киргизы изъ-за Иртыша; этотъ народъ расходится осенью почти по всей томской губерніи и состояніе земледѣлія этой губерніи находится въ большой зависимости отъ степени личной свободы этихъ людей. По мѣрѣ удаленія отъ Иртыша рабочія руки становятся все болѣе и болѣе дороже; такъ на самомъ Иртышѣ, около города Семиполатинска, за сжатые десятины платятъ семь, восемь и девять рублей ассигнаціями; внутри страны, въ крестьянскихъ деревняхъ, эта цѣна уже воз-

вышается до десяти и двѣнадцати рублей; а въ чарышской долинѣ жнутъ по два рубля овинъ, то есть, по шестнадцати и двадцати рублей за десятину пшеницы. Кромѣ поденщины, хлѣбъ убирается и посредствомъ помочей, которыя дѣлаются или «въ ручь», то есть, съ уплатой въ тотъ же день, или въ долгъ, съ отсрочкой на нѣкоторое время. Уплата, какъ и вездѣ, состоитъ изъ пирушки, сопровождаемой скрипкой, пѣснями, ужиномъ, пивомъ и дракой. Такія же помочи, только подъ особенными названіями, существуютъ и для уборки другихъ продуктовъ; помочь для рубки капусты называется *капусткой*; для мятья льна *копотухой*; для пряденья — *супрядками*.

Пчеловодство составляетъ одинъ изъ самыхъ главныхъ промысловъ южной части томской губерніи; географическіе предѣлы его опредѣляются характеромъ флоры, и именно оно требуетъ той флоры, которую здѣшніе жители отличаютъ подъ именемъ «большетравья» или «чернотравья». На Иртышѣ пчеловодство не распространяется къ сѣверу далѣе убинской станицы (51° широты), находящейся при впадѣніи р. Убы въ Иртышъ; напротивъ, на востокъ томской губерніи, на Оби, оно существуетъ въ окрестностяхъ Барнаула (53° широты), а на Томи достигаетъ до города Томска (56° широты). Это неравенство распредѣленія происходитъ оттого, что сѣверо-востокъ томской губерніи возвышенъ, потому климатъ въ этой части болѣе влаженъ и обуславливаетъ разнообразную флору, необходимую для пчелинаго взятка. На югѣ развитіе этого промысла ограничивается предѣлами русской колонизаціи, которая поднимается въ алтайскія долины до горизонтали хвойныхъ лѣсовъ, или, по здѣшнему, черни. По долинѣ рѣки Убы, въ которой колонизація проникла далѣе чѣмъ въ долину Чарыша, пчеловодство распространилось еще прежде колонизаціи. Въ прибрежныхъ ущельяхъ этой рѣки, никѣмъ необитаемыхъ, находится много пасѣкъ, принадлежащихъ обитателямъ чарышской станицы, такъ что хозяева этихъ пасѣкъ сами живутъ въ восьмидесяти верстахъ отъ своихъ заведеній; они завозятъ туда съ осени сухарей, и закрываютъ пчелъ на всю зиму до весны, а весной, когда еще снѣга не сошли съ горъ,

но пчелъ уже начинаютъ выставлять, они на лыжахъ, безъ всякой ноши, спѣшать на Убу и проводятъ тамъ первое время лѣта. Эти отдаленныя пасѣки основываются случайно. Долина Убы для жителей чарышской долины представляетъ какую-то общественную поземельную собственность; сюда изъ чарышской долины ѣздятъ на звѣриный промыселъ и каждый чарышскій крестьянинъ знаетъ убинскую долину, какъ окрестности своей деревни. Во время этихъ посѣщеній случается найти въ лѣсу до десяти дуплъ съ дикимъ медомъ, это и служитъ основаніемъ пасѣки; на слѣдующій годъ десять колодокъ даютъ новые рои и число колодокъ удваивается. — Кромѣ того хозяинъ умножаетъ ихъ колодками, вновь находимыми въ лѣсу; въ лѣсахъ Алтая въ настоящее время водится множество дикихъ пчелъ; нѣкоторые крестьяне сдѣлали даже особенный родъ промысла изъ отыскиванія дикаго меда; дикія пчелы живутъ въ естественныхъ дуплахъ исключительно листовничныхъ стволовъ; рѣдко дупла эти бываютъ уютны; по большей части жилище пчелъ со всѣхъ сторонъ дыривато и подвержено дѣйствию вѣтровъ; но обиліе меда позволяетъ имъ развивать въ себѣ такую животную теплоту, что онѣ легко перезимовываютъ. Запасы меда у дикихъ пчелъ бываютъ такъ велики, что изъ одного дупла промышленники нарѣзываютъ сполна обѣ половины вьючныхъ переметныхъ сумъ, т. е., около четырехъ пудовъ. Отыскиваніе пчелъ производится или ранней весной, когда только что разцвѣлъ кандыкъ, на который они тогда слѣтаются, или во время полного взятка. Въ послѣднемъ случаѣ промышленникъ запасается туесомъ съ соленою жидкостью, которую онъ разливаетъ гдѣ-нибудь въ лѣсу; это быстро привлекаетъ дикихъ пчелъ; нагрузившись, онѣ летятъ такъ тихо въ свое дупло, что ихъ легко можно слѣдить глазами; найденное дупло затыкаютъ, обрубаятъ сверху и снизу, везутъ въ пасѣку и тамъ пересыпаютъ пчелъ въ искусственную колодку.

Появленіе пчелы въ Алтаѣ относятъ къ концу прошлаго столѣтія; именно, рассказываютъ, что полковникъ Аршеневскій первый основалъ пасѣку около Усть-Каменогорска. Такимъ образомъ перенесеніе пчелы приписывается культурѣ;

но Словцовъ говоритъ, что мысль къ заведенію пасѣки подали Аршеневскому дикія пчелы, прилетавшія въ окрестности русскихъ поселеній; слѣдовательно, пчелы уже были въ Алтай; притомъ, въ одномъ историческомъ документѣ семнадцатаго столѣтія, найденномъ мною въ областномъ архивѣ въ Омскѣ, именно въ одномъ монгольскомъ письмѣ Зайсанга чарышскихъ калмыковъ Онбо къ ближайшимъ русскимъ начальникамъ, заключается просьба запретить русскимъ промышленникамъ ходить въ Алтай на соболиный промыселъ, а позволить собирать только дикій медъ. Впрочемъ, древнему существованію пчелы противорѣчитъ отсутствіе въ языкѣ алтайскихъ инородцевъ собственнаго слова «пчела», потому что они называютъ пасѣкомое очевидно заимствованнымъ изъ русскаго языка словомъ: «бечеля». При томъ распространеніе дикой пчелы въ лѣсахъ Алтая продолжается еще доселѣ; въ тайгѣ, къ югу отъ города Кузнецка, она распространилась не болѣе, какъ лѣтъ сорокъ назадъ.

Въ двухъ округахъ томской губерніи бійскомъ и кузнецкомъ считалось, въ 1851 году, по оффиціальнымъ даннымъ до 190,000 ульевъ, или колодокъ. Въ этомъ числѣ еще не считаются ульи, принадлежащіе казакамъ девятаго и восьмага полковъ, которые также находятся внутри этихъ округовъ. Кромѣ того, есть еще значительная часть пасѣкъ въ барнаульскомъ и томскомъ округахъ; въ послѣднемъ онѣ распространены даже къ востоку отъ города Томска, по крайней мѣрѣ, до села Кольона *), сколько мнѣ извѣстно. Въ остальныхъ частяхъ Сибири пчеловодства или нѣтъ, или оно появляется только въ видѣ временныхъ попытокъ; такъ, напримѣръ, къ югу отъ города Омска, въ семипадной станицѣ, одинъ поселянинъ имѣлъ незначительную пасѣку; производились также опыты основанія пчеловодства въ русской колоніи въ Киргизской степи, въ каркаралинской станицѣ. Въ городѣ Тарѣ также было когда-то пчеловодство, обязанное своимъ началомъ купцу Пяткову; послѣдніе результаты этихъ попытокъ мнѣ неизвѣстны **).

*) Въ ста верстахъ отъ Томска на востокъ, по большой дорогѣ въ Иркутскъ.

**) Я слышала, что пчеловодство заведено въ вершинахъ рѣки Тартаса,

Уходъ за пчелами здѣсь самый несовершенный. Все искусство и обязанность пчеловода заключаются въ томъ, чтобъ во время роенія поймать новый рой и покорить его, т. е., приучить къ улью. Во всей губерніи вѣтъ ни одной пасѣки съ усовершенствованными ульями *); простая колода изъ лиственничнаго, березоваго или тополеваго дерева, выбранная внутри, служитъ лѣтнимъ жилищемъ для пчелъ; въ послѣднее время, вмѣсто рациональнаго усовершенствованія, пчеловоды чарышской долины какъ будто отступили еще назадъ, и струганныя колодки замѣнили естественными дуплами лиственницъ, которыя они находятъ въ лѣсу, вырубая и очищая рукой отъ гнилой внутренности; это нововведеніе сдѣлано изъ подражанія природѣ, потому-что въ дикомъ состояніи пчелы живутъ въ утлыхъ дуплахъ съ незакупоренными отверстіями. На этомъ основаніи здѣшніе пчеловоды даже стали дѣлать колодки безъ дна, затыкая ихъ только снизу соломой. Такимъ образомъ жизнь домашнихъ пчелъ не многимъ лучше, чѣмъ жизнь дикихъ пчелъ; пасѣчникамъ неизвѣсны мѣры исправленія или устраненія разныхъ несчастій пчелиныхъ семействъ; промыслъ поддерживается единственно богатствомъ флоры, благопріятнымъ климатомъ и патриархальнымъ бытомъ крестьянъ, позволяющимъ, при недѣлимости семействъ, старшему уединяться на все лѣто на пасѣкѣ. Пчелы берутъ взятку съ дикихъ растений, летая иногда за семь верстъ отъ пасѣки, потому-что искусственнаго разведенія медоносныхъ растений въ Алтаѣ не существуетъ; потому и вкусъ меда бываетъ различенъ, смотря по господству растительныхъ видовъ; медоносная флора лучшихъ мѣстностей состоитъ изъ кипрея, дягиля, осота, медунки и бѣлоголовника. Двѣ мѣстности считаются самыми лучшими по качеству меда: долина Бухтармы и долина Чарыша; онѣ даютъ благовошный и бѣлый медъ, который съ теченіемъ времени

выдающаго въ Омѣ, и начинаетъ распространяться въ этой пустынной и отдаленной странѣ, но не знаю, вѣрить ли этому.

*) Недавно только одинъ горный чиновникъ устроилъ въ вершинахъ Томи пасѣку изъ многэтажныхъ ульевъ, которые роздалъ потомъ крестьянамъ; неизвѣстно, распространится ли это усовершенствованіе по губерніи; ближайшіе крестьяне приняли его съ большою охотой.

сгущается до такой плотности, что его можно откалывать кусками; въ остальныхъ мѣстностяхъ меда болѣе или менѣе отзываются смолой хвойныхъ деревъ, особенно пихты, желтымъ цвѣтомъ, жидки и иногда совсѣмъ не имѣютъ способности сгущаться. По теченію рѣки Чарыша бѣлые меда получаютъ только съ той части, которая лежитъ вверхъ по рѣкѣ отъ деревни Харловой; ниже меда уже бываютъ красные.

Состояніе погоды оказываетъ большое вліяніе на пчеловодство; медовыя росы, которыя составляютъ главное условіе для обилія пчелинаго взятка, бываютъ въ долинахъ Алтая въ такое лѣто, когда дожди умѣренны, а на равнинѣ, на оборотъ, когда лѣто отличается дождливостью. А такъ какъ умѣренность дождей въ Алтаѣ или, какъ здѣсь говорятъ, въ «камню», соотвѣтствуетъ засухѣ въ равнинѣ, то и бываетъ, что если лѣто сухое, то на равнинѣ мало медовъ, а въ Алтаѣ въ это время урожай; если же лѣто мокрое, то на равнинѣ урожай, а въ Алтаѣ дурной сборъ меда. Кромѣ того, ненастная погода не позволяетъ пчеламъ своевременно отроиться, дни самаго обильнаго цвѣтенія бываютъ пропущены за уходомъ дѣтвы, сборъ меда начинается тогда, когда цвѣтеніе уже кончится, и пчелы и пчеловодъ остаются на зиму безъ меда. Лѣто 1856 года было чрезвычайно дождливо; изъ ста семидесяти восьми сутокъ, съ 1-го мая по 8-е октября, было шестьдесятъ дождливыхъ дней, двадцать восемь пасмурныхъ и шестьдесятъ четыре ясныхъ. Матки заплѣли было въ колодкахъ весьма рано, но внезапно наступило ненастье и матки были высѣчены, такъ что роенье было недѣлей позже, чѣмъ бываетъ оно обыкновенно *) и продолжалось до поздней осени, такъ что въ концѣ августа еще плѣли въ нѣкоторыхъ колодкахъ молодыя матки. Пасѣнки располагаются по мелькимъ рѣчкамъ, въ мѣстахъ, поросшихъ высокими кустарниками черемухъ и ивъ; по срединѣ пасѣнки ставится погребъ, или «омшаникъ», въ который складываютъ

*) Роенье въ чарышской станицѣ совпадаетъ съ цвѣтеніемъ гороховника, *Robinia sagana*; въ 1856 году гороховникъ зацвѣлъ 24-го мая, а роенье началось 30-го.

ся колодки на зиму; на одной сторонѣ его дверь, или лучше, дыра, въ которую можно только пролѣзть; надъ этой лицевой стороной омшанка дѣлается навѣсъ, подъ которымъ можно работать въ жаркѣй день; щели и пазы этой стороны утыканы множествомъ маточниковъ и чумашекъ, орудій, употребляемыхъ при роеніи. Тутъ же нерѣдко воткнута бываетъ прялка съ куделью, если пасѣчникомъ старуха, что нерѣдко бываетъ, и виситъ мѣдный образокъ. Внутри омшаника непременно поселилось на лѣто для вывода дѣтей нѣсколько ласточекъ. Вокругъ омшаника, въ густой травѣ, стоятъ, подпертыя палками, деревянные колодки, прикрытыя сверху отъ дождя лоскутомъ бересты, который придавливаетъ камнемъ. Впрочемъ не во всѣхъ частяхъ Алтая колодки располагаются стоймя; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ большемъ обыкновеніи лѣжаки. Пасѣка считается священнымъ мѣстомъ; въ нее нельзя войти нечистымъ **). Сама пчела отличается отъ другихъ насѣкомыхъ; всѣ насѣкомые: комарь, муха, оводъ называются здѣсь *гнусомъ*, но пчела не причисляется къ нимъ, потому что это насѣкомое не только служитъ человѣку, но даже и Богу, потому-что изъ воска дѣлаются церковныя свѣчи. Потому и говорить о смерти всякаго насѣкомаго слѣдуетъ: «пропало», а о пчелѣ: «умерла».

Хотя здѣшніе пчеловоды и употребляютъ выраженія: «боровыя пчелы», «каменные пчелы», но не разумѣютъ подъ этимъ особенныхъ породъ. Можетъ быть, столѣтняя культура пчелы уже успѣла образовать породы въ томской губерніи, но я не могъ получить никакихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ кромѣ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пчелы отличаются большею плодливостью, чѣмъ въ другихъ. Въ чарышской долинѣ одна колодка даетъ до семи роевъ, изъ которыхъ самый первый даетъ еще рой, называющійся *яровымъ*; въ Усть-Каменогорскѣ больше двухъ новыхъ матокъ изъ одной колодки не бываетъ, и рассказы о семи рояхъ считаются басней.

*) Сибиряки сохранили обыкновеніе обливаться водой послѣ часовъ, проведенныхъ въ любви; во время свадьбы этотъ обычай составляетъ часть обряда; необлившійся считается нечистымъ и не можетъ входить въ пасѣку.

При ежегодномъ возвышеніи цѣнъ на всѣ предметы и при стояніи пчеловодства на одной степени, равновѣсіе доходовъ пчеловода съ его расходами нарушается; а такъ какъ пчеловодъ не можетъ произвольно возвысить цѣну своего продукта, потому что она зависитъ отъ запроса, то пчеловоды, чтобъ покрыть свои расходы, стараются какъ можно болѣе нарѣзать меду, все болѣе и болѣе ограничиваютъ зимній запасъ въ ульяхъ, что производитъ сильную смертность между пчелами. Это уже признаки упадка промысла, который, къ счастью, еще не достигъ до безнравственнаго обычая умерщвлять пчелъ осенью, какъ это дѣлается въ Малороссіи. Впрочемъ, нѣкоторые пчеловоды обратились къ наукѣ. Въ краснорѣчинскомъ селѣ, государственный крестьянинъ Иванъ Латышевъ, съ успѣхомъ занимается пчеловодствомъ по научной системѣ и образовываетъ даже учениковъ. Также около Бійска въ селѣ Тырышкиномъ какая-то печатная книжка произвела въ одномъ семействѣ измѣненіе въ образѣ ухода за пчелами. Это свидѣтельствуется о восприимчивости нашего народа; чтобъ распространить въ немъ науку, не достаетъ только удешевленія руководствъ и облегченія способа покупки ихъ, потому-что пока выписыванье книгъ изъ столицъ соединено для крестьянина съ большими трудами и рискомъ. Знакомство же съ научными системами пчеловодства произвело бы большую народную экономію; оно единственное средство отъ упадка пчеловодства, потому-что послѣднее растранивается оттого собственно, что пчеловоды не разсматриваютъ своего хозяйства, какъ многолѣтнее, которое дастъ прибыльныя вознагражденія только черезъ нѣсколько лѣтъ, а хотятъ, чтобъ каждый годъ давалъ непременно столько, сколько нужно для содержанія семьи.

Медъ изъ томской губерніи отправляется на ирбитскую ярмарку по различнымъ путямъ; медъ бухтарминской и соединенныхъ съ нею долинъ сплавляется по Иртышу осенью до Омска, а также и гужомъ отвозится по дорогѣ, идущей по правому берегу Иртыша; медъ чарынской долины идетъ гужемъ черезъ Баркаулъ и Каинскъ. Бадьи, въ которыхъ медъ отвозится на ярмарку, дѣлаются въ сорокъ пять пудовъ; онѣ дѣлаются изъ сосноваго дерева; медъ вѣшаютъ

въ бадьяхъ и вѣсъ дерева не вычитаютъ изъ вѣса меда съ бадьей; прежде, напротивъ, вычитали и платили за одинъ медъ столько, сколько нынче платятъ за медъ съ деревомъ. Слѣдовательно медъ подорожалъ на процентъ дерева. При продажѣ бываютъ злоупотребленія, впрочемъ, только въ мѣстностяхъ съ красными медами; къ меду подмѣшиваютъ муку, чтобъ придать ему болѣе бѣлизны и густоты. Цѣны бываютъ различны; въ сентябрѣ 1856 года въ чарышской станицѣ медъ стоилъ одиннадцать рублей ассигнаціями пудъ, воскъ сорокъ два рубли ассигнаціями, а въ городѣ Барнауль, въ тоже время, пудъ меду двѣнадцать рублей ассигнаціями, пудъ воску сорокъ пять рублей ассигнаціями. Въ Усть-Каменогорскѣ, въ окрестностяхъ котораго тогда былъ урожай и чрезъ который проходитъ медъ бухтарминской долины, какъ чрезъ Барнауль проходитъ медъ чарышской долины, — медъ былъ дешевле, по восьми рублей ассигнаціями.

Самые главные продукты, которые отправляетъ чарышская долина на ирбитскую ярмарку, имѣютъ начало, хотя и посредственное, въ ея «чернотравьи». Эти продукты — воскъ, медъ и масло. Первые два производятся чрезъ пчелу, послѣдній чрезъ корову. Пчела и корова, это двѣ реторты, посредствомъ которыхъ «чернотравье» превращается въ питательные для человѣка продукты. Кромѣ того изъ Алтая вывозятъ кедровые орѣхи, бѣлскъ, отчасти соболей и скотскія кожи. Воскъ и масло отправляются въ видѣ чалпановъ, т. е., въ видѣ кусковъ, которые имѣютъ форму посуды, въ которой они были заморожены; для приготовления восковыхъ чалпановъ употребляется въ Чарышѣ плоская глиняная посуда, которая называется *колыванкой*, а чалпаны масла замораживаются просто въ кадушкахъ. Оба эти продукта завертываются въ обозѣ въ сырыя кожи, которыя, по раскупоркѣ, также продаются въ Ирбити, откуда онѣ идутъ на кожевенные заводы, которыхъ особенно много въ тюменскомъ округѣ. Масло просто завертывается въ кожи и обвязывается веревками, а воскъ, какъ болѣе цѣнный товаръ, сначала завязывается въ холщевые мѣшки и потомъ уже укупоривается въ кожи. Кожи для укупорки употребляются

еще влажные, или нарочно размоченныя, и застываютъ уже на морозѣ, такъ что представляютъ для товара безопасный ящикъ; впрочемъ, это обыкновеніе не хозяйственно по той причинѣ, что много кожъ портится и къ концу дороги оказывается много негодныхъ къ продажѣ. Точно также закупоривается въ кожи сало, которое въ большомъ количествѣ отправляется изъ окрестностей Бійска въ Барнаулъ; здѣсь сало и не продается иначе, какъ вмѣстѣ съ кожей, и одинъ пудъ сала и кожа называются въ торговлѣ *пѣрами*.

Бѣлки и соболи чарышской долины скупаются преимущественно торговымъ казакомъ Шестаковымъ; онъ ежегодно вывозитъ въ Ирбитъ около 5,000 бѣлокъ и до двадцати соболей.

Кромѣ этихъ произведеній Алтая, идущихъ за предѣлы томской губерніи, есть такія, которыми снабжается только равнина томской губерніи, именно чагырскій чай и чеснокъ. Подъ первымъ разумѣется приготовленное растение *Saxifraga crassifolia*, которое замѣняетъ на всемъ югѣ томской губерніи китайскій чай. Онъ растетъ на сѣверныхъ каменистыхъ обрывахъ по всему Алтаю, отъ Иртыша до Ануя; нерѣдко горы, на которыхъ это растеніе встрѣчается въ особенномъ изобиліи, носятъ названія *чайныхъ сопокъ*; такъ, на примѣръ, чайная сопка находится близъ антоньевской станицы надъ рѣкой Ануемъ, также у тулатинской станицы, у тигерецкой и Феклистовской; кромѣ того, онъ растетъ и въ нарымскомъ хребтѣ, къ югу отъ рѣки Бухтармы; на югѣ отъ Иртыша онъ встрѣчается еще въ калбинскомъ хребтѣ и его западныхъ отрогахъ, находящихся внутри киргизской степи, именно на возвышеннѣйшихъ частяхъ горъ Аркатъ; но это уже его южная предѣльная линія. Далѣе онъ, кажется, не встрѣчается*). Растеніе это извѣстно у здѣшняго на-

---

*) На Аркатѣ его иногда собираютъ мимоходомъ татарскіе караваны, идущіе изъ китайскаго города Кульджи въ Семиполатинскъ. У киргизъ есть опять свой суррогатъ чая, — это небольшая, степная, похожая на тминъ, травка, которая растетъ въ семирѣчинскомъ краѣ и называется тамъ *макрушка*. Этотъ суррогатъ извѣстенъ и у татаръ казанской губерніи подъ тѣмъ же именемъ, какъ и у киргизъ, а названіе его указываетъ на

рода подъ названіемъ *чаыра*, *бадана* и просто *широкаго листа* *). Оно растеть сплошными засѣвами и притомъ чрезвычайно густо, такъ что въ нѣсколько слоевъ закрываетъ почву своими круглыми листьями; собираютъ его трехгодовалымъ, когда онъ приметъ черный цвѣтъ; въ первую зиму его сочные листья сохраняютъ подъ снѣгомъ зеленый цвѣтъ, въ слѣдующее лѣто они начинаютъ краснѣть, и уже во вторую зиму чернѣютъ; только что сойдутъ снѣга послѣ этой зимы, женщины алтайскія отправляются на горы и собираютъ его цѣлыми мѣшками; потомъ собранные листья моютъ, размачиваютъ каждый листъ отдѣльно, прессуютъ его въ кулакѣ, пока онъ не сдѣлается мягкимъ, и расправивъ, кладутъ на подносъ или картузную бумагу и сушатъ въ печи; просушивши, снова вспрыскиваютъ водой и дѣлаютъ листья мягкими, рѣжутъ, какъ лапшу, даютъ испариться, и складываютъ въ мѣшки уже для продажи. Въ началѣ мая собираютъ цвѣты этого растенія, замариваютъ ихъ, т. е., даютъ на печи подвянуть, потомъ кладутъ въ горшокъ, завязываютъ сверху бумагой и ставятъ въ печь; когда они совершенно просохнутъ, ихъ вываливаютъ въ блюдо, и заваривъ въ чайникѣ самага крѣпкаго китайскаго чаю, обливаютъ цвѣты бадана, мѣшая ихъ до-тѣхъ-поръ, пока цвѣты не впитаютъ въ себя всего вылитаго на нихъ настоя. Послѣ этого ихъ сыпаютъ въ банку, которую завязываютъ бумагой и ставятъ на печь; по временамъ ее перевертываютъ вверхъ дномъ, чтобъ броженіе распредѣлялось равномерно, и наконецъ сушатъ ихъ окончательно на вольномъ воздухѣ. Чай изъ цвѣтовъ чагыра считается выше кирпичнаго, но онъ не готовится для продажи; чай же изъ листьевъ,

---

русское происхожденіе его. Капорскій чай, извѣстный также подъ именемъ Иванъ-чай, не употребляется нигдѣ въ томской губерніи, хотя самое растеніе подъ разными именами, то кипрея, то коневника, распространено по всемъ влажнымъ мѣстностямъ томской губерніи.

*) Первое названіе, кажется, заимствовано изъ языка чарышскихъ калмыковъ, отъ которыхъ вѣроятно алтайскіе жители приняли и самое употребленіе его вмѣсто чая; у нихъ же, по всей вѣроятности, заимствовано употребленіе другихъ растений вмѣстѣ съ названіями, какъ напримѣръ *калбы* (чеснока) и *кандыка*.

несмотря на длинную процедуру, еще сохраняет столько въ себѣ наркотическихъ веществъ, что нужно два раза сливать настой его, и уже третій только можно пить, какъ чай; первые же два бываютъ очень горьки. При завариваніи ба- дана, въ чайникъ опускаютъ иногда кусокъ *пакли* или *березовой губы*, что сообщаетъ алтайскому доморощеному чаю аромать, котораго у него не достаетъ. Подъ паклей, или березовой губой, разумѣютъ здѣсь березовую камедь, т. е., кристаллизовавшійся во внутреннихъ щеляхъ березы богатый съ сахаромъ сокъ, извѣстный весной подъ именемъ березовки. Пакля весьма рѣдко попадаетъся.

Употребленіе чагыра не ограничивается одной его родиной, а распространяется и на равнинѣ, по Иртышу до Семиполатинска, а по Оби до Барнаула. Купцы, скупающіе въ Алтаѣ меда, берутъ также и этотъ продуктъ; весной 1855 года чагыръ продавался въ Семиполатинскѣ по три копейки серебромъ фунтъ, а когда вздорожалъ кирпичный чай, то и чагыръ поднялся въ цѣнѣ до шести копеекъ серебромъ, или до двадцати копеекъ ассигнаціями. Въ чарышской долині, въ 1855 году, чагыръ продавался по одному рублю ассигнаціями пудъ, а въ Барнаулѣ въ тоже время скупщики продавали по одному рублю серебромъ пудъ. О количествѣ всего вывоза чагыра изъ Алтая мнѣ неизвѣстно, но цифра эта была бы очень любопытна. Можетъ быть, современемъ наука въ состояніи будетъ еще улучшить приготовленіе этого чая, и тѣмъ доставитъ возможность бѣдному населенію томской губерніи удовлетворять своей потребности съ меньшими расходами. Бѣдное населеніе постоянно стремится здѣсь замѣнить китайскій чай другимъ, болѣе дешевымъ продуктомъ: такимъ образомъ, въ степныхъ мѣстахъ около Иртыша пьютъ настой шалфея, жерновника, лабазника и другихъ. Въ Алтаѣ лабазникъ, или бѣлоголовникъ, также употребляются вмѣсто чая, что также замѣтено у калмыковъ. Последніе, отправляясь на соболинскій промыселъ, всегда запасаются сушеными листьями бѣлоголовника. Русскіе въ Алтаѣ готовятъ его очень просто: когда мечутъ на дугахъ стога сѣна, то внутрь ихъ закладываютъ узелки изъ трипцы съ свежими листьями бѣлоголовника; зимой, когда сѣно

станутъ вывозить съ луговъ въ деревню, ищутъ эти узелки, развязываютъ и получаютъ готовый чай. Нѣкоторые считаютъ чай изъ бѣлоголовника пріятнѣе, чѣмъ изъ чагыра, но онъ не пользуется популярностью послѣдняго и въ продажѣ его нѣтъ, можетъ быть и потому, что онъ растетъ повсюду. Иногда въ Алтаѣ вмѣсто чая пьютъ еще ревенный борщъ, т. е.!, кислый наваръ изъ стеблей алтайскаго ревеня.

Чеснокъ растетъ повсемѣстно въ долинахъ Чарыша и Ануя. Барнаульское мѣстное начальство посылаетъ въ Алтай мастеровыхъ съ казенныхъ заводовъ для собиранія этого чеснока въ запасъ для барнаульскаго лазарета; крестьяне изъ окрестностей Барнаула также отправляются въ Алтай, покупаютъ у тамошнихъ жителей чеснокъ гуртами, вывозятъ въ свои деревни и продаютъ сосѣдямъ въ продолженіе зимы врозницу. Такъ, напримѣръ, въ 1858 году, я встрѣтилъ крестьянина деревни Наумовой, къ сѣверу отъ Барнаула, который вывезъ на парѣ лошадей цѣлый возъ чеснока изъ алтайской деревни Улавы, счетомъ 13,500 пучковъ, или связокъ, купивши его на мѣстѣ отъ одного рубля двадцати копеекъ до рубля пятидесяти копеекъ за тысячу. Въ Алтаѣ собранный чеснокъ сначала мочатъ и замариваютъ въ корчагѣ въ печи, потомъ крошатъ и сушатъ. Кромѣ того, алтайскіе жители собираютъ по мочагамъ въ черни другую породу чеснока, извѣстнаго подъ именемъ *калбы*, или черемши; этотъ продуктъ заквашиваютъ здѣсь въ кадкахъ, какъ капусту, и берегутъ до Великаго Поста, когда соленая калба составляетъ основную пищу здѣшнихъ жителей.

Зимой, по застывшимъ рѣкамъ, изъ долинъ Алтая вывозятъ излишекъ хлѣба, но вѣроятно не въ значительномъ количествѣ.

Въ свою очередь, Алтай, кромѣ мануфактурныхъ издѣлій, привозимыхъ съ ирбитской ярмарки, получаетъ нѣкоторыя сельскія произведенія равнины, которыхъ не имѣетъ самъ, какъ, напримѣръ, мыло, табакъ, соль и сальныя свѣчки. Мыло и свѣчки въ Алтай привозятъ изъ Семиполатинска, гдѣ производится значительная торговля киргизскимъ скотомъ и

многіе татары занимаются домашнимъ приготовленіемъ мыла и свѣчь. Алтайскій скоть не бываетъ жиренъ; овцы у русскихъ въ Алтаѣ не курдючной, а русской породы, притомъ меньше, чѣмъ овцы той же породы у подошвы Алтая, и даютъ очень не много внутренностнаго сала. Табакъ вовсе не растетъ въ Алтаѣ, и потому алтайскіе жители по большей части не употребляютъ его *); только въ настоящее время онъ начинаетъ исподоволь распространяться, и между молодежью рѣдкіе не курятъ. У самой подошвы Алтая разводится лучшій табакъ въ томской губерніи; именно въ западномъ Алтаѣ, при выходѣ изъ него Иртыша, около города Усть-Каменогорска, особенно занимаются разведеніемъ табака станицы барашенская, убинская и пьяноярская; по имени первой и табакъ называется *барашенскимъ*; здѣсь также воздѣлываютъ и виргинскій табакъ подъ именемъ *ахтырскаго*. Отсюда табакъ расходится внизъ по Иртышу и вверхъ по Алтаю, даже до калмыковъ, которые спускаются за нимъ съ вершинъ Чарыша въ Змѣевъ и Кольвань. Въ восточномъ Алтаѣ, при выходѣ Катунн, всѣ окрестности города Бійска заняты воздѣлываніемъ табака, который также идетъ въ вершины алтайскихъ рѣкъ Чарыша и Ануя, къ калмыкамъ.

Соль также привозится въ Алтай съ равнины, потому что въ Алтаѣ нѣтъ ни соленыхъ озеръ, ни солонцовъ. Въ томской губерніи двѣ мѣстности доставляютъ соль: Коряковское озеро, лежащее въ тридцати верстахъ отъ Иртыша, и Бурлинскія озера, находящіяся къ югу отъ города Каинска. Первое снабжаетъ сѣверозападную часть томской губерніи и всю тобольскую губернію; соль послѣднихъ, известная въ продажѣ подъ названіемъ *идоловской*, расходится по восточной части губерніи; а южная часть, т. е., Алтай, снабжается солью преимущественно изъ озера Карабаша, которое лежитъ въ пятидесяти верстахъ отъ рѣки Иртыша,

---

*) Неупотребленіе табака можно было бы приписывать раскольниковству, но казаки въ Алтаѣ не раскольники. Обыкновеніе это имѣетъ своимъ основаніемъ тотъ экономическій принципъ, о которомъ я уже говорилъ: не потреблять того, чего не производитъ свое хозяйство.

въ киргизской степи, противъ долонской станицы. За солью спускаются въ чарышскую долину ясачные крестьяне изъ деревни Уймонъ, которая находится въ вершинахъ рѣки Катуня.

На югъ изъ Алтая идетъ одна торговая дорога въ вершины рѣки Чуи, куда русскіе купцы возятъ желѣзные ловушки, топоры и проч., а оттуда вывозятъ китайскіе товары и въ томъ числѣ *чуйскіе кирпичи*, которые длиннѣе и толще семиполатинскихъ, такъ что въ первыхъ бываетъ четыре съ половиною фунта чаю, а во вторыхъ одинъ съ четвертью фунта, рѣдко два. Первые, въ 1856 году, продавались въ Чарышѣ по два рубля серебромъ, вторые по одному рублю серебромъ. Изрѣдка привозятъ съ Чуи и *столбовый чай*, который въ Кульджѣ извѣстенъ подъ татарскимъ названіемъ *атбашъ* *), а у русскихъ приказчиковъ получилъ прозвище *бревенно-чая*. Это также кирпичи, но только величиной съ полѣно. Кромѣ этихъ чаевъ, привозятъ изъ Семиполатинска въ алтайскія деревни бахчевый чай, обыкновенный кирпичный и фу-чай. Впородолженіе лѣта разѣзжаютъ по здѣшнимъ деревнямъ татары изъ Семиполатинска съ чаемъ, дабами (хлопчато-бумажными матеріями изъ средней Азіи) и армяками; дабы покупаются только тѣми, у которыхъ выбило градомъ ленъ и они не могутъ имѣть въ тотъ годъ своего холста. Армяками называется верхнее платье, которое готовится въ киргизской степи изъ верблюжьей шерсти; они въ большомъ количествѣ идутъ изъ степи и почти вся губернія одѣвается въ нихъ, предпочитая своедѣльнымъ *шабурамъ*, которые ткуются изъ овечьей шерсти на половину съ ниткой, отчего они называются также *пошитками* **).

Торговля и промышленность Алтая нуждаются въ важныхъ улучшеніяхъ. Во-первыхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на дороги; алтайскія дороги не проведены, а только протоптаны; лѣтомъ онѣ представляютъ богатый матеріалъ для живо-

*) Т. е., лошадиная голова.

**) Употребленіе армяковъ распространилось въ позднѣйшее время; это — начало вліянія киргизскаго народа на хозяйство томской губерніи, которое, вѣроятно, будетъ постоянно возрастать.

нисца; березы, образующія своими вершинами куполь надъ дорогой, развалившійся на половину мостикъ, спускающаяся съ горы телѣга, которую мужикъ подпираетъ плечомъ, чтобъ она не скатилась подъ косогоръ — въ такомъ ансамблѣ рисуется алтайская дорога тому, кто проѣхалъ по ней лѣтомъ въ ясную погоду; но во время дождя на дорогѣ течетъ цѣлый ручей воды, мягкій грунтъ превращается въ болото, и грязь наматывается на колеса, особенно безъ желѣзныхъ шинъ, а телѣги мѣстныхъ жителей по преимуществу съ неокрѣпленными колесами. Еще хуже дороги бываютъ зимой; снѣга въ горахъ бываютъ такъ высоки, что нѣкоторыя деревни заноситъ снѣгомъ выше крышъ; деревня, такимъ образомъ занесенная, представляетъ самую неправильную смѣсь снѣжныхъ бугровъ, которые соотвѣтствуютъ улицамъ, и глубокимъ ямъ, въ которыхъ находятся избы, очищаемыя отъ снѣга послѣ каждаго паденія его. При такомъ глубокомъ снѣгѣ дороги не могутъ быть широки и ровны; онѣ узки и глубоки, въ видѣ корыта; сани всегда катятся по нимъ бокомъ, одинъ полозъ по дну корыта, а другой поверху; отъ этого положеніе человѣческаго тѣла въ саняхъ бываетъ не вертикально, а наклонно, и потому ѣзда по здѣшнимъ зимнимъ дорогамъ чрезвычайно утомительна; къ этому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ присоединяются опасности отъ *оплывинъ*, или снѣжныхъ лавинъ, которыя скатываются съ горъ послѣ бурановъ и перегораживаютъ узкія ущелья высокими баррикадами, а иногда погребаютъ подъ собою путниковъ; такія оплывины бываютъ особенно часты въ ущельѣ рѣчки Пихтовки, по дорогѣ изъ Усть-Каменогорска въ Бухтарму; въ зиму съ 1855 на 1856 годъ здѣсь скатилось въ одну ночь на пяти верстахъ семнадцать оплывинокъ.

Нѣкоторыя дороги исправляются по распоряженію начальства, но только тѣ, которыя имѣютъ спеціальное административное значеніе, какъ на примѣръ, дорога, по которой провозится руда изъ ридерскаго рудника въ Змѣиногорскъ, или дорога, соединяющая казачьи станицы 9-го полка. Дорога, по которой отправляется медь и другія произведенія Алтая, не слишкомъ пряма; она идетъ сначала на Каинскъ, и потомъ уже на Иртышъ; по прямой же линіи отъ Чарыша

къ переправѣ чрезъ Иртышъ лежать еще необитаемые и даже неизвѣстные пески, сосновые боры и займища; разумѣется, не навсегда же оставаться этой мѣстности пустынею; когда-нибудь она будетъ населена, и тогда дорога изъ Алтая на Омскъ можетъ быть выпрямлена.

Другое условіе, имѣвшее до настоящаго времени большое вліяніе на развитіе промышленности въ Алтай, заключается въ томъ, что онъ принадлежитъ къ большому округу крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ серебряннымъ заводамъ; все русское народонаселеніе Алтая, за исключеніемъ немногочисленныхъ *каменьщиковъ* и *малолѣтковъ* *), принадлежитъ къ несвободному состоянію; сложность раскладки повинностей произвела много ненормальныхъ явленій общественной жизни, которыя разстроиваютъ гармонію въ естественномъ порядкѣ промышленныхъ отправленій страны.

Впрочемъ, при всѣхъ измѣненіяхъ къ лучшему, главные успѣхи будутъ принадлежать по преимуществу той части томской губерніи, которая прилегаетъ къ Алтаю; самъ же Алтай всегда будетъ оставаться скромнымъ участникомъ общей торговли и общественной жизни. Онъ всегда будетъ сравнительно болѣе сельскимъ, чѣмъ другія части томской губерніи, всегда будетъ служить стѣнами для защиты и сохраненія этого элемента и всегда будетъ вести упорную борьбу съ хозяйственными и социальными революціями, которыя будутъ вторгаться къ нему изъ городовъ и равнины.

Алтай, по свойству своей природы, долженъ снабжать томскую губернію медомъ, коровьимъ масломъ, сыромъ,

---

*) *Каменьщиками*, или *ясашными* крестьянами, называются русскіе колонисты верховьевъ Бухтармы; они живутъ въ деревняхъ Сѣнной, Бѣлой, Язовой, Печехъ, Кѣробихѣ, Фыкалкѣ, Большенарымской и Мяконькой. Последнія двѣ приписаны къ заводамъ. Кромѣ того, ясашные живутъ по нѣсколько дворовъ въ подзаводскихъ деревняхъ, какъ, напримѣръ, въ Огневой, Солоновкѣ и Кайтаракѣ. Въ вершинахъ Катуня есть еще двѣ ясашныя деревни: Кокса и Уймаонъ. Каменьщики удалились сюда около половины прошлаго столѣтія, жили нѣсколько времени независимою общиною, потомъ прибѣгли подъ покровительство китайскаго императора, не были приняты, и въ 1791 году снова обратились въ подданство Россіи и были обложены ясакомъ наравнѣ съ инородцами, почему и называются ясашными.

овечьей шерстью, льномъ, пенькой, льнянымъ масломъ и сельдью. Скотоводство въ Алтаѣ и теперь уже отличается отъ скотоводства на равнинѣ тѣмъ, что здѣсь рассчитываютъ получать отъ рогатой скотины болѣе молока, чѣмъ мяса; здѣшній скотъ не великъ сравнительно съ степнымъ, киргизскимъ, но киргизская корова мало даетъ молока сравнительно съ здѣшной. По мнѣнію здѣшнихъ жителей, въ долинахъ рогатый скотъ и не можетъ быть жиренъ, потому-что нѣтъ солонцовъ, которые для этого необходимы. Почва здѣшнихъ дворовъ и улицъ, получая въ себя соли отъ организмовъ вмѣстѣ съ ихъ экскрементами, представляетъ единственную солесодержащую землю въ Алтаѣ, такъ что скотъ съ жадностью грызетъ ее, когда приходитъ съ поля въ деревню. Рогатый скотъ пасется здѣсь на волѣ, не стѣсняемый присмотромъ пастуха; чтобъ онъ не проходилъ на пашни, окрестности деревни верстъ на шесть обгорожены *поскотинной*; по мнѣнію здѣшнихъ жителей, при такой свободѣ въ выборѣ мѣста для своей пастбы, молоко коровъ бываетъ гуще, и даетъ больше масла. Молочные скопы, какъ мы уже видѣли, такъ значительны, что составляютъ, въ видѣ масла, отдѣльную вѣтвь торговли Алтая; къ этому, впоследствии, можно будетъ присоединить приготовленіе сыра. Что касается до овцеводства, то я не знаю, можно ли улучшить ту породу, которую разводятъ русскіе колонисты, и какія могутъ произойти оттого выгоды; та же порода, которая водится на вершинахъ Алтая у калмыковъ, при хорошемъ воспитаніи, могла бы давать шерсть высокаго достоинства.

Признакомъ здороваго развитія хозяйства могутъ служить видъ крестьянской телѣги и крынки. Чѣмъ хлѣбопашество ниже, тѣмъ хуже у крестьянина телѣга; нѣмъ ниже скотоводство, тѣмъ хуже молочная посуда. У тѣхъ киргизъ, которые вовсе не занимаются хлѣбопашествомъ, вовсе нѣтъ никакихъ экипажей; у киргизъ, живущихъ около Семиполатинска и Усть-Каменогорска есть хлѣбопашество и потому есть уже экипажъ, но весьма еще несовершенный; онъ состоитъ изъ двухъ жердей, въ передніе концы которыхъ впрягается лошадь, а задніе тащутся по землѣ; къ срединѣ жердей привязывается грузъ; этотъ экипажъ называется

сюирютки; русскіе называютъ его *волокушами*; онъ употребляется для переноса тяжестей во время лѣта на всѣхъ сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, и также въ вятской губерніи у вотяковъ, у которыхъ хлѣбопашество и во многомъ другомъ напоминаетъ его младенческое состояніе.

За этимъ экипажемъ слѣдуетъ *таратайка*, киргизская двухколесная *арба*; этотъ экипажъ повсемѣстенъ въ китайской имперіи. Наконецъ наша телѣга съ четырьмя колесами и съ свободнымъ движеніемъ на передней оси. Послѣднія телѣги могутъ еще представлять множество степеней различной прочности и легкости; на Иртышѣ, наиримѣръ, гдѣ хлѣбопашество ничтожно, или даже его вовсе нѣтъ, телѣги дѣлаются такія непрочныя, что сами жители называютъ ихъ таратайками и тѣмъ, какъ будто, низводятъ ихъ на степень двухколесныхъ киргизскихъ телѣгъ; всѣ скрѣпленія ихъ сдѣланы изъ прутьевъ, вмѣсто желѣза; къ югу телѣга улучшается, и въ Семиполатинскѣ встрѣчаются даже обитыя снизу желѣзомъ; въ окрестностяхъ этого города производится лучшее хлѣбопашество. Въ Алтаѣ, гдѣ хлѣбопашество хотя и составляетъ непремѣнный промыселъ каждой семьи, ко тѣмъ не менѣе стоитъ ниже семиполатинскаго, — телѣги опять болѣе приближаются къ низшей степени культуры.

Такую же постепенность, хотя и съ меньшимъ разнообразіемъ формъ, можно замѣтить и надъ молочной посудой, которая, какъ мы сказали, опредѣляетъ состояніе скотоводства. У киргизъ, у которыхъ скотоводство находится на самой первоначальной степени развитія и скорѣе предоставлено самой природѣ, посуда — кожаная; шкура ягненка, снятая въ видѣ мѣшка и зашита съ одного конца, представляетъ самый первоначальный типъ этой утвари; затѣмъ слѣдуетъ шитая кожанная посуда; всѣ ея сорта отличаются нечистотой, и въ складкахъ нерѣдко встрѣчаются черви. У лѣсныхъ народовъ выдѣлка посуды начинается съ деревянной и потомъ переходитъ къ глиняной; прочная и гибкая березовая кора, или береста, имѣетъ большое значеніе въ подѣлкахъ сѣверныхъ и восточныхъ сибирскихъ инородцевъ; ею покрывается на сѣверѣ лѣтнее жилище остяка; ею обтягивается остовъ

лодки на Енисеѣ и Амурѣ; изъ бересты жители Амура дѣлають даже свои шляпы; она же послужила первымъ матеріаломъ для посуды. Первоначальный типъ берестяной посуды есть *чумань*, т. е., такая чашка, которую можно приготовить изъ бересты простыми руками въ одну минуту; для этого на ровномъ листѣ бересты дѣлается складка, такъ что всѣ остальные края его заворачиваются внутрь и представляютъ коническій сосудъ *). Затѣмъ мы встрѣчаемъ болѣе замысловатую, плетеную изъ бересты, но все еще грубую, посуду для молочныхъ скоповъ у инородцевъ, которые живутъ по берегамъ лѣсистой рѣки Чулыма, къ сѣверу отъ городовъ Томска и Ачинска, и которые разводять уже рогатый скотъ, но въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ; берестяной туесъ (буракъ), оставшійся у русскихъ свидѣтелемъ отдаленнаго состоянія ихъ культуры, есть только усовершенствованная чулымская крынка. Потомъ слѣдуетъ точеная деревянная посуда, которая господствуетъ въ Сибири и въ настоящее время, и наконецъ глиняная. Русскіе, вѣроятно со времени

---

*) Слово *чумань* представляетъ весьма интересныя явленія для филолога. Первоначальное его значеніе — описанный выше коническій сосудъ изъ бересты; его можно всегда сдѣлать въ лѣсу, если только можно найти бересту; рыбаки въ Алтаѣ обыкновенно въ такихъ берестяныхъ чашкахъ скопляютъ икру во время самой рыбалки, если не взято съ собой деревянной посуды. Въ такихъ чуманяхъ алтайскіе звѣроловы иногда готовятъ супъ, если нѣтъ съ собой котелка; они наливають въ чумань воды и спускають въ нее накаленные камни до-тѣхъ-поръ, пока вода не вскипитъ; потомъ опускають въ нее мясо и приправы, соль и дикій лукъ, который можно найти въ Алтаѣ на каждомъ шагу. Если чумань сдѣлать небольшой и ущемить его въ разщепленную палку, — то получится ложка, которая обыкновенно у звѣровщиковъ замѣняетъ въ черни деревянную крашеную ложку. Такія ложки прошиваются для большей крѣпости и употребляются пчеловодами для пересыпанья пчель изъ рояльни въ улей; въ такомъ видѣ чумань получаетъ названіе *чумашки*. Отсюда вѣроятно произошла *чумашка*, уполовникъ въ приволжскихъ губерніяхъ. У киргизъ уполовникъ также носитъ близкое названіе: *чумыш*. *Чумакомъ* называется инструментъ, состоящій изъ берестянаго чумана и стержня; такимъ орудіемъ всегда бываетъ вооруженъ одинъ изъ участниковъ масляничной процессіи, которая бываетъ по деревнямъ, и посредствомъ его онъ бросаетъ въ народъ довольно мѣтко комки сѣнга. Лѣтній шалашикъ остяка, имѣющій видъ обороченнаго внизъ основаніемъ конуса, и обшитый берестяными пластинами, слѣдовательно представляющій опрокинутый чумань, называется *чумъ*.

водворенія своего въ Сибири, стали уже готовить глиняную посуду; но глазированная глиняная посуда употребляется только городскими молочницами; въ деревняхъ же повсюду встрѣчаются только черныя, кривыя, часто однобокія крынки, особенно въ Алтаѣ, который, кажется, самъ ихъ не дѣлаетъ, а получаетъ съ равнины.

Усовершенствованія сельскаго хозяйства могутъ проходить въ Сибирь двумя путями: посредствомъ миграцій земледѣльческаго класса изъ Россіи и чрезъ земледѣльческіе города. Дѣйствительно, миграціи имѣютъ важное значеніе для промышленности Сибири; къ сожалѣнію южная половина томской губерніи, самая богатая въ ней, исключена отъ свободной колонизаціи, которая проходитъ только черезъ сѣверную часть губерніи. Миграціи, напримѣръ, принесли въ томскую губернію новый родъ пшеницы, краснотурку, о которой я уже говорилъ, кошеніе хлѣба, которое укоренилось даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Алтая; около Бійска новоселамъ обязано своимъ началомъ бахчеводство, которое быстро распространяется тутъ. Если новоселы отличаются отъ старожиловъ неопрятностью, несовершенствомъ своихъ избъ и пищи, за то ихъ хозяйство отличается отчетливостью, системой, которой у сибирскаго крестьянина нѣтъ, какъ мы уже показали, описывая пчеловодство. Деревни новоселовъ отличаются отъ деревень старожиловъ присутствіемъ хлѣбныхъ кладей, стоящихъ по нѣсколько лѣтъ нетронутыми. Это происходитъ оттого, что сибиряки распродаютъ свой урожай въ ту же зиму; русскій крестьянинъ, напротивъ, не продаетъ своихъ излишковъ до-тѣхъ-поръ, пока не наступитъ особенная дороговизна хлѣба; эта черта рѣзко различаетъ оба хозяйства. Впрочемъ, сибиряки заимствуютъ у новоселовъ только техническія улучшенія; что же касается до образа веденія хозяйства, то сибирское возрѣніе на него, отличающееся быстротой и поспѣшностью операціи и отсутствіемъ осторожности, беретъ перевѣсъ надъ «расейскимъ».

Другой путь, которымъ приходятъ въ сибирское хозяйство улучшенія, достигнутыя въ Россіи, какъ я сказалъ, хозяйство земледѣльческихъ городовъ. Города въ Сибири

еще въ началѣ своего существованія дѣлились на хлѣбные и нехлѣбные, то есть на такіе, которые производили свой хлѣбъ, и такіе, которые только потребляли доставленный изъ хлѣбныхъ городовъ. Въ настоящее время большая часть городовъ томской губерніи занимается производствомъ хлѣба; особенно южные города ея: Семиполатинскъ, Усть-Каменогорскъ, Бійскъ и Кузнецкъ скорѣе можно назвать обширными селами, чѣмъ городами. Осенью въ Семиполатинскѣ нерѣдко случается видѣть, по срединѣ главной площади или въ улицахъ, на застывшихъ лужахъ, какъ вѣютъ хлѣбъ. Нѣкоторые семиполатинскіе купцы, особенно татары, распахиваютъ до ста десятинъ. Впрочемъ, есть и въ Томскѣ купцы, которые занимаются хлѣбопашествомъ на земляхъ, принадлежащихъ селамъ. Эти производители также оказываютъ вліяніе на развитіе земледѣлія; особенною охотой къ улучшеніямъ отличаются семиполатинскіе татары. У нихъ введена англійская упряжь и встрѣчаются попытки замѣнить ручное сѣяніе машиннымъ. Главная роль этого проводника въ будущемъ, когда истинное образованіе проникнетъ и въ массу народа, и въ классъ богатыхъ земледѣльцевъ; въ настоящее же время, какъ тѣ, такъ и другіе, съ недоумѣніемъ смотрятъ на науку и сомнѣваются, чтобъ въ книгѣ можно было найти помощь и замѣну собственнаго опыта.

Итакъ, улучшеніе хозяйства будетъ зависѣть отъ развитія грамотности и образованія; средства, которыми для этого владѣетъ теперь томская губернія, чрезвычайно несовершенны. Семиполатинскіе татары, то есть, передовые земледѣльцы томской губерніи, получаютъ образованіе въ двухъ или трехъ частныхъ школахъ, находящихся при мечетяхъ, гдѣ они научаются только читать и писать. Устройство большаго учебнаго заведенія для татаръ въ Семиполатинскѣ, мнѣ кажется, должно быть въ настоящее время для мѣстнаго населенія вопросомъ первой важности; вмѣсто этого, семиполатинскіе татары болѣе всего заинтересованы постройкой каменной мечети въ этомъ городѣ. Сельское населеніе томской губерніи не имѣетъ никакихъ школъ; въ этой губерніи, можетъ быть, болѣе школъ, чѣмъ въ какой-либо другой, но всѣ они имѣютъ одностороннюю цѣль; такъ,

напримѣръ, большая школа въ городѣ Барнаулѣ предназначена исключительно къ приготовленію горныхъ урядниковъ; школы при заводахъ, а также въ станицахъ сибирскаго казачьяго войска — къ образованію писарей и другихъ низшихъ должностныхъ лицъ. Были когда-то заведены школы и для крестьянъ, но и тѣ съ исключительною цѣлью образованія волостныхъ писарей. Этихъ школъ уже нѣтъ болѣе.

Впрочемъ, умноженіе школъ еще не составляетъ полнаго рѣшенія задачи народнаго образованія; надобно, чтобъ послѣднее соотвѣтствовало своему великому назначенію совершенствованія человѣчества. До настоящаго времени учили только для того, чтобъ дать должность; потому народъ смотрѣлъ на науку, какъ на ремесло чиновниковъ; вмѣшательство послѣднихъ въ частное хозяйство произвело въ немъ даже ненависть ко всякимъ нововведеніямъ; сближеніе науки съ жизнью должно быть непременно принято въ соображеніе при основаніи сельскихъ школъ; въ нихъ необходимо развивать любовь и довѣріе къ наукѣ, и тѣмъ возвратить послѣдней право быть единственной покровительницей людей.

Въ недавнее время, для облегченія торговыхъ сношеній алтайскихъ жителей учреждено въ южной части томской губерніи нѣсколько ярмарокъ; двѣ изъ нихъ, въ станицѣ Антошевской и деревнѣ Притышной, бывають осенью; оба эти селенія находятся на рѣкѣ Ануѣ, на равнинѣ, при подошвѣ Алтая, изъ котораго сюда свозятся медь и другіе продукты. Такъ какъ эти селенія очень близки одно къ другому, то было бы удобнѣе одну ярмарку перенести въ деревню Бѣлоглазову, на рѣкѣ Чарышѣ, потому что эта деревня служитъ узломъ нѣсколькихъ дорогъ, выходящихъ изъ Алтая; черезъ нее проходятъ обозы изъ чарышской долины въ Каинскъ; сюда также съѣзжаются купцы нанимать возчиковъ для этихъ обозовъ; однимъ словомъ, эта деревня лежитъ въ центрѣ торговаго округа. Впрочемъ, ярмарка самое капризное явленіе; она всегда тамъ развивается, гдѣ нѣтъ условій для развитія торговыхъ сношеній; такъ, напримѣръ, городъ Тюмень стоитъ внутри самаго промышленнаго округа тобольской губерніи, на сухопутной

дорогъ изъ Сибири и при началѣ водянаго пути — и между-тѣмъ тюменская ярмарка ничтожна, а Ирбитъ, въ которомъ ярмарочный оборотъ простирается до тридцати милліоновъ, или Ишимъ, ярмарка котораго ежегодно увеличивается вдвое, находятся въ сторонѣ отъ торговыхъ дорогъ. Положеніе ярмарки зависитъ болѣе отъ сельскихъ производителей; слѣдовательно алтайскія ярмарки должны быть расположены такъ, чтобъ каждая долина могла удобно принять участіе въ нихъ; поэтому, при выходѣ чарышской долины (въ Колывани) и на Алеѣ также должны быть основаны ярмарки, и начинаться почти одновременно, тотчасъ послѣ уборки медовъ.

Еще чего можно желать — это, открытія южныхъ воротъ Алтая, то есть, выходовъ изъ него въ Китай. Двѣ дороги ведутъ изъ Алтая въ Китай, или въ Монголію; одна черезъ долину Бухтармы, другая черезъ долину Чун. На послѣдней прежде существовала безошлинная торговля. На вершинахъ, какъ той, такъ и другой, существуетъ и теперь еще обмѣнъ русскихъ издѣлій на китайскія; но послѣднія состоятъ изъ тѣхъ только предметовъ, которые составляютъ жалованье окрестныхъ военныхъ поселянъ, а именно, изъ кирпичнаго чая и бумажныхъ матерій. Въ вершинахъ Бухтармы каменьщики мѣняютъ желѣзные капканы, топоры, ножи, юфти, соль и муку на кирпичный чай, дабы, нанку, иногда фанзы, и на монгольскій скоть. Можетъ быть эта торговля по неудобству сообщеній, — такъ какъ на сѣвѣрѣ лежитъ Алтай, а на югѣ пустынная степь, — никогда не получить большаго развитія; но она можетъ имѣть мѣстное значеніе, какъ обмѣнъ произведеній русскаго Алтая на произведенія монгольской степи. Монгольскій скоть можно бы было выводить въ большомъ количествѣ на сѣверную равнину, и на оборотъ, русскій хлѣбъ могъ бы имѣть большой сбытъ въ Монголіи. Мѣрою же къ развитію этой торговли должно быть позволеніе русскимъ и китайскимъ подданнымъ безпренятственно, безъ особенныхъ формальностей, въѣзжать въ пределы сосѣдняго государства. Въ нижнихъ частяхъ бухтарминской долины прежде была также торговля съ китайскими подданными, которые размѣнивали свое жалованье въ городѣ Хобдѣ на дабы и привозили ихъ въ казачьи ста-

ницы для обмѣна на муку и барановъ; та часть Монголіи, которая прилегаетъ съ южной стороны къ Алтаю, бѣдна, обитаема народомъ Халха, неопытнымъ и стоящимъ на низшей степени образованія, такъ что русскія станицы были единственнымъ мѣстомъ, откуда они могли получать муку; но человеколюбивое китайское правительство запретило и эту торговлю. Въ бухтарминской долинѣ и теперь еще рассказываютъ объ ней и о китайскомъ купцѣ Долонтаѣ, превратная судьба котораго напоминаетъ патриархальность восточныхъ пастушескихъ народовъ. Долонтай шелъ изъ Пекина; онъ былъ человекъ бѣдный и его лошадь устала; онъ сѣлъ при дорогѣ на свой дорожный мѣшокъ. Въ это время мимо него ѣхалъ одинъ нойонъ и спросилъ его, куда онъ ѣдетъ? «Ѣду на границу искать пропитанія», отвѣчалъ Долонтай. Нойону понравилась такая предпріимчивость и онъ подарилъ Долонтаю три койтюяка, то есть, полтора фунта серебра. Съ этими деньгами Долонтай приѣхалъ на границу и сталъ торговать такъ, что по нѣсколько сотенъ гонялъ барановъ съ русской границы въ Хобду. Однажды гналъ онъ въ Хобду шестьсотъ барановъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ получилъ отъ нойона три койтюяка, встрѣтилъ того же самаго нойона. Нойонъ сидѣлъ усталый и бѣдный и не узналъ Долонтая. Но Долонтай подѣхалъ къ нему. «Кто ты такой?» спросилъ нойонъ. «Я тотъ самый китаецъ, которому ты далъ на этомъ самомъ мѣстѣ три койтюсяка», отвѣчалъ Долонтай. «Я вижу, что ты сталъ бѣденъ, а я послѣ того разбогатѣлъ; но богатство мое произошло отъ твоего подарка, потому ты можешь взять изъ него, сколько хочешь; теперь со мной ничего нѣтъ, кромѣ барановъ, а имѣнье мое въ Хобдѣ. Поѣдемъ въ Хобду». Такимъ образомъ Долонтай заплатилъ свой долгъ. Здѣсь, кажется, судьба нарочно раззоряетъ людей, чтобы только доставить случай другимъ подать милостыню. Впослѣдствіи Долонтай поссорился съ другимъ нойономъ, который сталъ его такъ притѣснять, что онъ долженъ былъ удалиться изъ этой части Монголіи и умеръ въ бѣдности. Теперь изъ бухтарминской долины ходятъ татары съ небольшими караванами въ китайскій городъ Чугучакъ, мимо озера Зайсана, чрезъ который протекаетъ Иртышъ.

Если Алтай заключаетъ въ себѣ условія, препятствующія легкому доступу въ него съ равнины, за то природа какъ будто обезпечила его независимость разнообразіемъ и плодородіемъ своихъ произведеній. Горный здоровый климатъ, часто очищаемый грозами, множество цѣлебныхъ травъ, употребляемыхъ простонародными лѣкарками, меда, овощи, разводимые въ большомъ количествѣ на пашняхъ, постоянный урожай (потому что какъ бы лѣто ни было засушливо, въ Алтай все таки бываетъ довольно дождей), множество дикихъ растений, особенно луковичныхъ, употребляемыхъ въ пищу, и дичи, какъ напримѣръ, козъ и тетеръ, замѣняющихъ убой скота и птицы *) — дѣлаютъ Алтай самымъ благодатнымъ краемъ томской губерніи. Въ маленькихъ избахъ алтайскихъ жителей живетъ такое довольство, какое болѣе нигдѣ не встрѣчается въ томской губерніи. Одинъ медъ вдвое улучшаетъ пищу здѣшняго крестьянина; медъ идетъ здѣсь всюду, и вмѣстѣ съ чаемъ, вмѣсто сахара, и даже вмѣстѣ съ квасомъ, вмѣсто отдѣльнаго кушанья. Если въ домѣ есть молодая дѣвушка, то на зиму непременно бываетъ набрано множество ягодъ и приготовлено варенье изъ черной и красной смородины, крыжовника, малины, клубники и лепестковъ розы. Кромѣ такого большаго присутствія сахара, пища алтайскаго крестьянина отличается еще обиліемъ растительной ея части. Не говоря объ овощахъ, груздяхъ и ягодахъ, здѣшніе жители впродолженіе цѣлаго лѣта что-нибудь приносятъ съ полей изъ съѣдобныхъ дикихъ растений; такъ, напримѣръ, весной прежде всего начинаютъ ѣсть сахаристыя луковичы кандыка, потомъ листья слизуна, также луковаго растенія: затѣмъ поспѣваютъ стебли дягиля и ревеня, а въ другихъ мѣстахъ шкырдовника; всѣ эти продукты истребляются сырые; впрочемъ, изъ кандыка можно дѣлать кашу, изъ слизуна дѣлаютъ щи, а стебли ревеня распариваются въ печи и съѣдаются съ медомъ, или идутъ въ начинку пироговъ, или варятся и даютъ ревенный борщъ; кромѣ того поспѣваетъ еще нѣсколько лу-

*) Мнѣ говорили, что, лѣтъ тридцать назадъ, здѣшніе жители ни одной скотины не убивали, а все питались мясомъ лосей, мораловъ и дикихъ козъ.

ковичныхъ: чеснокъ, калба, осиновый лукъ*), лукъ ботунъ**), горный лукъ ***) и сарана. Если сюда отнести еще настоя нѣкоторыхъ травъ, молотую черемуху, изъ которой дѣлаютъ въ Алтаѣ пироги, и масла маковое, кедровое и льняное, то ясно будетъ важное вліяніе на пищу туземцевъ, разнообразіа здѣшной флоры или, такъ называемаго, «большетравья».

VI.

Въ одинъ темный осенній вечеръ, когда вѣтеръ шумѣлъ на вершинахъ горъ, а въ долинѣ была мертвая тишина, мы уже легли спать, какъ въ концѣ улицы зазвенѣлъ маленькій колокольчикъ, который обыкновенно подвѣшиваютъ въ горныхъ деревьяхъ надъ шею осѣдланной лошади. Черезъ нѣсколько минутъ сталъ слышенъ конскій топотъ, и какой-то поѣздъ остановился у нашего дома. У крыльца зазвенѣло кольцо и кто-то закричалъ: отвори! Такъ какъ я былъ всѣхъ ближе къ крыльцу, то я всталъ и спросилъ: «кого нужно?»

---

*) Осиновый лукъ растетъ на бѣлакахъ, отличается голубоватымъ и высокимъ перомъ.

**) Лукъ ботунъ растетъ въ черни на мочагахъ вмѣстѣ съ калбой.

***) Горный лукъ самое оригинальное растеніе Алтая. Онъ растетъ на такихъ крутыхъ скалахъ, которыя обыкновенно называются *отстоями*, потому что на эти скалы собаки загоняютъ мараловъ во время охоты; звѣри боятся спрыгнуть со скалы, останавливаются и дѣлаются добычей охотниковъ. Чтобъ достать луковицы этого лука, нужно бываетъ иногда спускаться на веревкѣ. Впрочемъ, на Теплой горѣ, въ долинѣ Чарыша, и во многихъ мѣстахъ долины Убы этотъ лукъ растетъ на мѣстахъ, доступныхъ для проѣзда лошади. Онъ нисколько не отличается отъ домашняго, также какъ и алтайскій чеснокъ; онъ имѣетъ такую же толстую луковицу въ видѣ византійскаго купола, которая бываетъ ущемлена въ щель между камнями; перья внутри пустыя; среднее перо несетъ на своей вершинѣ зонтикъ цвѣтовъ; только перо его нѣсколько грубѣе и толще, и весь лукъ отличается гигантскими размѣрами; діаметръ пера бываетъ три линіи, а окружность одинъ дюймъ; вкусъ луковицы нисколько не отличается отъ домашняго, такъ что соболєвщики никогда не брали съ собой домашняго луку; они находили возлѣ своего стана дикій лукъ, рыли его и употребляли для приправы, а также дѣлали изъ него луковницу на коровьемъ маслѣ. Можно предполагать, что нашъ домашній лукъ произошелъ отъ этого, и что Алтай есть родина нашего лука.

— Маркычъ дома?

— Дома.

— Пусти ночевать!

Я разбудилъ Петра Маркыча и ночные гости, три крестьянина и молодая дѣвушка вошли въ избу; это была бѣглая свадьба изъ ближайшей деревни, пріѣхавшая въ чарышскую станицу вѣнчаться. Бѣглыя свадьбы весьма обыкновенное явленіе въ томской губерніи; я не могъ узнать, какія условія общественной жизни произвели и поддерживаютъ это явленіе, потому-что оно не ограничивается Алтаемъ, но распространено и въ равнинѣ, которую я мало знаю. Если только отецъ и мать не соглашаются отдать дочь за юношу, который за нее сватался, а сама дочь согласна выйти за него, то женихъ съ помощью своихъ родственниковъ воруетъ невѣсту; конечно при этомъ онъ лишается своей невѣсты, и еще сверхъ того съ своей стороны приплачивается, когда послѣ вѣнца станетъ мириться съ ея родными; впрочемъ, мировыя легко заключаются и вознагражденіе со стороны жениха не бываетъ велико: нѣсколькихъ ведеръ пива да новыхъ сапоговъ для брата невѣсты достаточно, чтобъ успокоить ея семью. Часто бываетъ такъ, что родные съ намѣреніемъ отказываютъ сватамъ, чтобъ не давать за невѣстой приданого.

Пріѣздъ гостей поднялъ весь домъ. Какъ оказалось, женихъ былъ дальній племянникъ какого-то знакомаго Петру Маркычу крестьянина, котораго Петръ Маркычъ раза два, не больше, видѣлъ во всю жизнь. Здѣсь достаточно посмотрѣть на человѣка, чтобъ потомъ ужъ на всегда считать себя знакомымъ съ нимъ и дѣлать рекомендаціи. Пока сноха ставила самоваръ, одинъ изъ провожатыхъ побѣжалъ къ священнику — свадьбу хотѣли въ эту же ночь кончить. Въ его отсутствіе разговорились о цѣнѣ за вѣнчанье и съ нетерпѣніемъ стали ждать, какъ разрѣшится этотъ вопросъ. Ворота стукнули.

— Кажись, бѣжить мужикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ избу вошелъ уходившій крестьянинъ.

— Ахти, бѣда! сказалъ онъ, сѣвши на лавку. Не вѣнчается. Говорить, что въ бумагѣ чего-то недостаетъ, и нужно сѣздить въ Калыванъ, къ благочинному. Отъ него, вишь, зависитъ. Надо сейчасъ ѣхать, не мѣшкаявши. Хорошо еще, что мы взяли съ собой побольше денегъ.

— Надо, однако, мнѣ торопиться, сказалъ крестьянинъ, стараясь скорѣе докончить чашку чаю. Гдѣ у васъ нынче брода черезъ Чарышъ? Все тамъ же, у Крутой рѣчки. Мы какъ-то давно переѣзжали тутъ еще съ покойнымъ батюшкой.

— Э, ужъ на пятомъ мѣстѣ съ-тѣхъ-поръ. Нынче мы ѣздимъ больше пониже Козлятина Быка; помнишь, за тальниками было прежде настругано голешника?

— Ну, будто помню.

— Такъ теперь булыжнику ужъ нѣтъ, все смыль Чарышъ. Такъ вотъ-тутъ сажень сто подашься ниже, да и ступай съ Богомъ; только все ниже держись, до самого конца.

— А глубокой бродъ?

— Да подъ потники. А есть другой, получше этого, такъ тебѣ большой крюкъ будетъ, и къ обѣду въ Калыванъ не приѣдешь. Это за Коровымъ....

— Ухъ, куда! Нѣтъ, ужъ я поѣду ближнимъ.

Напившись чаю, крестьянинъ сѣлъ на свою лошадь и въ бурную ночь поѣхалъ въ незнакомый путь черезъ рѣку, которую онъ разъ только переѣзжалъ можетъ быть десять лѣтъ назадъ.

Молодые остались у насъ ждать его возвращенія. На другой день, въ обѣдъ, мы узнали, что въ погоню за свадьбой приѣхалъ изъ деревни братъ невѣсты. Невѣста, какъ только узнала объ этомъ, объявила, что она хочетъ идти къ брату и воротиться съ нимъ къ матери. Ее стали уговаривать, но она упрячилась.

— Какъ же ты хочешь уйдти отъ насъ, голубушка, увѣщевалъ ее одинъ крестьянинъ. Вѣдь ты сама же согласилась чтобъ увезти, а теперь и трѣкаешься. Ино дѣло, кабы мы тебя силой принуждали на коня садиться. Сама взлѣзла.

— Потому и взлѣзла, что знала, что сама не сяду, такъ посадятъ.

— Мы, пожалуй, отпустимъ тебя. Для-че не отпустить? Только ты заплати намъ неустойку да и ступай. Вотъ теперь мужикъ убѣжалъ въ Калыванъ; одинъ конобой чего стоитъ.

— Что хочешь, то и дѣлай, а я не хочу прогнѣвить свою матушку.

— Можетъ быть ты думаешь, что мы тебя обманули, что обѣщали купить тебѣ на сарафанъ. Може ты сумнѣваешься въ этомъ, такъ пойдемъ, хоть сейчасъ, къ кунцу.

— Не надо мнѣ ничего твоего. Я къ брату пойду.

Между тѣмъ ся братъ, вбѣжавъ на нашъ дворъ, встрѣтился съ Петромъ Маркычемъ, и закричалъ на него, что онъ укрываетъ у себя воровъ. Дѣвушка быстро выпрыгнула изъ-за стола и проскользнула въ двери. На дворѣ поднялся шумъ; дѣвушка обняла своего брата, который потащилъ ее къ воротамъ, но мужики не допустили его и стали отнимать дѣвушку: одинъ сталъ держать руки брата, другой разнимать руки дѣвушки; борьба затянулась надолго; группа борющихся то приближалась къ воротамъ, то отодвигалась отъ нея; наконецъ братъ дотащилъ сестру до воротъ, ухватился за вереву и сталъ употреблять усилія, чтобъ отворить калитку; но женихъ и его товарищъ налегли на ворота своими спинами. Со всего селенья сбѣжался праздный народъ, старухи и дѣти, смотрѣть на эту сцену; дворъ набился полный, но всѣ проходили въ него черезъ сѣни, а не въ ворота, потому-что боялись нарушить равновѣсіе шансовъ въ борьбѣ, и такъ уважали права личности, что никто не позволялъ себѣ даже на словахъ вмѣшательства въ это произшествіе. А между тѣмъ почти всѣ съ жадностью слѣдили за каждымъ измѣненіемъ борьбы, всѣ внутренно раздѣлились на партіи. Въ избѣ, повидимому, спокойно занимались стряпачемъ, какъ будто на дворѣ ничего не было необыкновеннаго; иногда сноха пробиралась сквозь толпу въ ледникъ за капустой и снова возвращалась въ избу. Только дѣти безпрестанно шмыгали изъ избы и въ избу, и передавали

въ подробности положеніе борьбы; сноха принимала живое участіе въ женихѣ, и, изъ одного противорѣчія ей, Палагея Ивановна была на сторонѣ брата невесты. Наконецъ, кто-то вбѣжалъ изъ дѣтей и живо рассказалъ, что братъ усталъ и уже только изъ одного упрямства держится еще за скобку у воротъ. Сноха не утерпѣла, и сказала: «наша взяла»!

Палагея Ивановна молча надѣла на плечи коромысло, и хотя во все не нужно было воды, илц, по крайней мѣрѣ, можно было выйти на улицу черезъ сѣни, нарочно пошла черезъ ворота. «Пустите, пустите!» говорила она, проталкиваясь съ ведрами. Крестьяне, упиравшіеся въ ворота, отступили, братъ ускользнулъ вслѣдъ за Палагеей Ивановной и быстро сталъ увлекать всю группу и толпу зрителей вдоль по улицѣ. Такимъ образомъ Палагея Ивановна отомстила торжество снохи.

Впрочемъ, въ воротахъ квартиры брата встрѣтились опять запертыя ворота, и тутъ онъ совершенно изнемогъ, дѣвушку вынули изъ его объятій, и утащили, но уже не возвращались къ намъ. Поступкомъ Палагеи Ивановны были недовольны, и нашли гдѣ-то другую квартиру. Въ тотъ же день, одинъ изъ крестьянъ отправился къ брату договариваться о цѣнѣ за мировую; прѣніе о количествѣ пива и вина было не короче физической борьбы; наконецъ сошлись, кажется, на двухъ ведрахъ пива; въ тотъ же вечеръ видѣли жениха съ невестой въ лавкѣ, покупающихъ ситецъ, шаль и серьги, а потомъ крестьяне угощали брата виномъ, и въ свою очередь сами пошли къ нему въ гости. Къ вечеру пріѣхалъ третій крестьянинъ изъ Колывана; молодые были обвѣнчаны, и всѣ, впятеромъ, женихъ, невеста, братъ ея и трое провожатыхъ, верхомъ на лошадяхъ, съ звѣнящими колокольчиками, уѣхали въ горы.

Le malheur ne vient jamais seul.

То лѣто, которое я прожилъ въ домѣ Петра Маркыча, было изъ несчастнѣйшихъ въ его жизни; онъ вытерпѣлъ нѣ-

сколько неудачь разомъ. Исторія Іова безпрестанно повторяется. Семейство какъ будто давно уже носить внутри себя разрушеніе, и если оно въ одномъ мѣстѣ обнаружится, то вдругъ обнаруживается повсемѣстно; бѣда, какъ вода подь плотину, долго подрывается, облегчая себѣ побѣду, и потомъ въ одинъ годъ разноситъ все до основанія.

Сначала Петръ Маркычъ потерялъ свою лучшую лошадь. Лошадь для крестьянина составляетъ такой интересъ, что сосѣди знаютъ лошадей другъ у друга на перечетъ. При мнѣ всю чарышскую станицу занимала участь одной бѣдной лошади, принадлежавшей бѣдному и лѣнивому казаку. Онъ никогда не отпускалъ ее въ табунъ, а отгородилъ за станицей небольшое пространство земли и запералъ въ немъ, такъ-что лошади въ половинѣ лѣта нечего было тутъ ѣсть. Всѣ были обрадованы, когда онъ продалъ ее; «можетъ быть въ хорошія руки попадетъ, такъ бѣдной лучшее житье будетъ», говорили старушки. Когда пала лошадь у Петра Маркыча, извѣстіе объ этомъ распространилось по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, и я, возвращаясь въ то время въ чарышскую станицу, услышалъ объ этомъ за сто верстъ.

Съ этого начались неудачи Петра Маркыча. Къ неурожаю меда присоединилось то обстоятельство, что онъ потропился и слишкомъ дешево продалъ свой медъ. Потянулись козлы въ горы, всѣ стали постоянно привозить козлиныя туши, а Петръ Петровичъ, сколько не хлопоталъ, не могъ ни одной убить; прежде, въ осеннюю рыбалку, Петръ Петровичъ былъ всѣхъ богаче рыбой; а въ эту осень онъ едва наловилъ одну торбочку.

Но все это еще были только передовыя тучи. Выпалъ снѣгъ. Время стало приближаться къ филиповкамъ, самому тяжелому времени по увѣренію алтайскихъ жителей. Въ это время начинаются здѣсь горячки, отъ которыхъ многіе умираютъ. Какая причина этихъ повѣтрій, неизвѣстно. Можетъ быть это имѣетъ связь съ теченіемъ воздуха съ вершинъ Алтая, которое въ это время начинается. Именно, во время филиповокъ, начинаются южные вѣтры въ долину Тигерека, отличающіеся такой свирѣпостью, что въ тигерецкой станицѣ должны подвязывать крыши, или подвѣшивать къ нимъ

тяжести, чтобъ ихъ не снесло. Одна изъ дочерей Петра Петровича простудилась, простоявши съ бѣльемъ нѣсколько часовъ въ рѣкѣ босыми ногами; на другой день она слегла въ постель; хотя всѣ признавали простуду за главную причину болѣзни и припоминали при этомъ, что осенняя вода опаснѣе весенней, что весенняя только ноги ломить, а осенняя въ кости идетъ, но при всемъ томъ прибавляли, что все это ничего бы, если бъ какая-то баба, также полоскавшая бѣлье, не сказала заболѣвшей: какая ты здоровая и полная! Молодость однакожь побѣдила; черезъ недѣлю дѣвушка стала выздоравливать, но заболѣлъ отецъ, а черезъ нѣсколько дней мать; потомъ слегли всѣ дѣти; домъ сталъ походитъ на лазаретъ: на лавкахъ и на полу лежали больные, закутавшіеся въ шубы; принялись лѣчить, но лѣченіе было самое простое; больному только уменьшали боль прикладываніемъ ко лбу капустныхъ листовъ, намоченныхъ въ теплой гущѣ или въ квасу; кромѣ того, для очищенія воздуха, курили вересковой хвоей и порохомъ. Для этого изъ пороху дѣлали тѣсто, слѣпивали пирамидку и зажигали ее сверху; влажный порохъ не вспыхивалъ разомъ, а сыпался вверхъ искрами въ видѣ маленькаго фейерверка. Въ простомъ народѣ есть замѣчательныя лѣкарки, вылечивающія грыжу, глазную болѣзнь и другія болѣзни, но онѣ рѣдки; ихъ нужно доставать за сто или болѣе верстъ; въ Чарышѣ не было тогда ни одной серьезной лѣкарки, но всякая приходившая баба давала какой-нибудь совѣтъ.

— А пробовали вы голубиную соль давать? спрашивала одна.

— Нѣтъ.

— А она шибко пользительна. Вы бы, право, достали; у тетки Сидорихи она есть.

Тотчасъ посылали къ теткѣ Сидорихѣ за голубиной солью; больную заставляли принимать лѣкарство; но приходила другая баба и совѣтовала какую-то траву, которую въ прошломъ году пила ей племянница отъ какой-то болѣзни и выздоровѣла; «попробовать бы, говорили они, не будетъ-ли легче». Она сама и траву приносила. Голубиную соль оста-

вляли, и начинали пить больную неизвѣстной травой; раза два больная принимала, потомъ говорила, что ей нисколько не становится легче, и это лѣкарство также клали въ ящикъ, пока не придетъ случай въ свою очередь предложить ее кому-нибудь отъ какой-нибудь болѣзни.

Такимъ образомъ ящикъ превращается со временемъ въ цѣлую аптеку; разнообразную коллекцію лѣкарственныхъ снадобій, можно найти въ каждомъ домѣ; тутъ находятся: камфора, иногда сулема, деревянное масло, ртуть, морская пѣна, голубиная соль, кровавикъ, росный ладанъ, калганъ, инбирь, иногда даже мамонтовъ зубъ и какой-то камешекъ, который попадается въ чайныхъ кирпичахъ. Почти всѣ эти припасы покупаются въ лавкѣ; кровавикъ привозится съ рѣки Чуи. Кромѣ того, тутъ находится запасъ разныхъ цѣлебныхъ травъ, которыя самъ Алтай производитъ въ большомъ количествѣ. Лѣчение въ Алтай состоитъ изъ смѣси суевѣрныхъ обрядовъ съ дѣйствительнымъ знаніемъ таинственныхъ силъ природы. Отъ всѣхъ болѣзней живота пьютъ всякую траву, которая не вредна; лихорадку лѣчатъ такими лѣкарствами, которыя противны для больного; такъ, налримѣръ, варятъ медь съ сѣменными коробками мака, изъ чего составляется очень приторное лѣкарство, или вѣшаютъ на грудь больного сушеную летучую мышь. Нѣкоторыя лѣкарства употребляются, кажется, только по созвучію; такъ, напримѣръ, печьячмень лѣчится ячменемъ, золотуха — водой съ золота, лошадиная болѣзнь молосникъ — молокомъ, лошадиная же болѣзнь покотъ (извѣстный въ Россіи подъ названіемъ чемера) ногтемъ, перелой, т. е., дѣтскій поносъ болотной травой перелойкой, надсада, или срываніе съ пупа, — пупникомъ (скабіозой). Кромѣ того, употребляется множество наговоровъ и суевѣрныхъ обрядовъ; то обливаютъ больного по три раза въ хлѣвъ подъ куринымъ сѣдаломъ, то кладутъ его на порогъ избы животомъ внизъ, а на спину кладутъ вѣникъ и рубятъ его слегка топоромъ. Нѣкоторыя болѣзни, какъ лихорадка и сибирская язва, олицетворяются; послѣдняя представляется въ видѣ огромнаго, покрытаго шерстью, челоуѣка съ конскими копытами, который живетъ въ алтайскихъ горахъ и выходитъ изъ нихъ,

когда его гдѣ-нибудь позовутъ, т. е., гдѣ ругаются: язвы — те, трафи — те, пятнай — те. Это самая обыкновенная брань въ Сибири; она именно заключаетъ въ себѣ желаніе противнику получить тѣ признаки, которыми отличается сибирская язва, т. е., пятна или язвы. Также думаютъ, что она приходитъ на свистъ; чтобъ не впустить ее въ свое селеніе, жители стрѣляютъ въ поле изъ ружей, и однажды даже было отъ начальства отпущено пороху для отстрѣливанья отъ нея и оффициально было запрещено по станицамъ свистѣть.

О лихорадкахъ Петръ Маркычъ передалъ мнѣ слѣдующій рассказъ: всѣхъ ихъ двѣнадцать тетокъ; двѣнадцатая, *нутренняя*, которая давитъ сердце, самая опасная. Всѣ онѣ сидятъ на цѣпи и весною срываются, по соизволенію Божію. Однажды, онѣ шли въ городъ полемъ, на которомъ пахалъ мужикъ, и разговаривали между собою. Одна говорила: въ городѣ есть купецъ; я нападу на него, немножко помучу да и оставлю. А злая, внутренняя отвѣчала ей: а я такъ сдѣлаюсь мухой, постараюсь упасть въ кашу, и когда онъ проглотитъ меня, я задавлю его. Мужикъ тотчасъ же побѣжалъ въ городъ, къ купцу, къ которому шли лихорадки, и рассказалъ ему, что слышалъ. Купецъ сѣлъ обѣдать; только онъ зачерпнулъ каши, въ ложку ему упала муха. Онъ тотчасъ же завернулъ ее вмѣстѣ съ кашей въ тряпку, завязалъ узелкомъ и повѣсилъ надъ «дымникомъ». Тогда еще «дымники» были, а печей не было. На другой годъ тотъ же мужикъ и на томъ же полѣ опять пахалъ и увидѣлъ лихорадокъ. Онѣ шли и разговаривали. Одна говорила: я немножко помучу и оставлю; меня за это будутъ любить и кормить. А внутренняя отвѣчала: нѣтъ я въ этотъ городъ и не зайду; вишь какъ тутъ меня самое измучили; одинъ только «чаръ» остался.

Обѣ эти болѣзни мало свойственны Алтаю. Сибирская язва не проникла еще въ Алтай далѣе города Усть-Каменогорска; лихорадки сдѣлались часты, по увѣренію жителей, только въ послѣднее время; прежде, вмѣсто ихъ, въ Алтай свирѣпствовали кори и сыпи *).

---

*) Алтай подвергается вторженію изъ равнины лихорадки, табаку, корсуги и краснотурки. Можетъ быть, эти вторженія могутъ быть объясняемы

которая не встрѣчается на равнинѣ — это *кличукъ*, нарывъ въ родѣ вереда, на спинныхъ позвонкахъ, который набивается у охотниковъ отъ ношенія ружья за спиной. Другія болѣзни, какъ, напримѣръ, лошадиная болѣзнь чильчаги, бываетъ на равнинѣ, но не встрѣчается въ Алтаѣ, по крайней мѣрѣ въ чарышской долинѣ.

Наши больные всѣ стали подниматься, исключая матери; ея положеніе становилось все хуже и хуже. Петръ Маркычъ спросилъ однажды больную: «жаль тебѣ дѣтей?»

— Жаль, да не шибко, отвѣчала мать.

— Умереть! сказалъ тихо Петръ Маркычъ. Если больному опостыло земное, то ужъ это не жилецъ.

Къ этому присоединились другія предсказанія. Въ это время Петру Маркычу подарили собаку; она была привязана на дворѣ и со скуки постоянно выла. Это также приписывали тому, что она слышитъ покойника.

Наконецъ нельзя было сомнѣваться, что больная скоро умереть. Ее перенесли съ постели подъ образа на лавку, покрытую одной простыней. На перинѣ, здѣсь думаютъ, грѣшно умирать. Въ деревнѣ Чечулихѣ, къ югу отъ чарышской станицы, кончина бываетъ еще суровѣе; тамъ умирающаго для кончины выносятъ на дворъ, хотя бы это случилось зимой въ сильнѣйшій морозъ.

Вокругъ умирающей собралось нѣсколько старухъ; всѣ молчали или перешептывались потихоньку; одна держала подъ передникомъ ладанъ и курильницу съ горячими углями. Съ каждой минутой всѣ становились внимательнѣе; наконецъ одна произнесла: «умерла!» и начала кадить надъ ртомъ умершей. Всѣ остальные повернулись другъ къ другу лицомъ и заплакали навзрыдъ.

Въ похоронныхъ обычаяхъ простаго народа осталось еще столько языческаго, какъ, напримѣръ, это отчаянне родственниковъ, смѣняющееся иногда совершеннымъ спокой-

---

тѣмъ, что климатъ Алтая отъ вырубанія лѣсовъ измѣняется, дожди становятся скуднѣе, небо яснѣе, и эта ясность возвышаетъ температуру.

ствіемъ, что трудно не заподозрить участниковъ въ недостаткѣ чистосердечности. Но чувства сильны; только они заключены въ формы, которыя отнимаютъ у нихъ наружные признаки глубины. Въ извѣстные часы слѣдуетъ быть спокойнымъ, въ другіе допускается отчаяніе; это не мѣшаетъ отчаянью быть искреннимъ.

Послѣ этой сцены мнѣ стало грустно и я ушелъ къ Графенѣ Трифоновѣ.

— Да жаль, сказала она, услышавъ отъ меня о покойницѣ. Мы постоянно жили съ ней въ ладахъ. Бойкая была баба. Ну, я думаю Петръ Петровичъ женится къ великому посту. Какъ оставаться такому большому хозяйству безъ хозяйки; дочери небольшія, а Палагея Ивановна не захочетъ на себя взять домъ. Вѣдь столько дѣтей.

Потомъ въ заключеніе прибавила: «надо и мнѣ завтра побывать, посмотрѣть, какъ дочь плачетъ; вотъ съ годъ назадъ у нашихъ сосѣдей тоже умерла сноха, такъ дѣвушка голосила столь хорошо да жалобно, что такъ бы вотъ все стояла и плакала.»

Голосьба надъ умершей превращается здѣсь въ артистическое наслажденіе; посторонніе приходятъ не просто поглазѣть, а пострадать немножко, какъ въ городѣ ходятъ слушать трагедію. Поэтому голосьба дѣвушки получаетъ высокое значеніе; дѣвушка становится лирикомъ; ея обязанность своимъ пѣньемъ растрогать толпу, подмыть сердца, возбудить участіе къ судьбѣ своего семейства. Дочь Петра Петровича, сколько я помню, припѣвала такъ, обращаясь къ своей отсутствующей родственницѣ:

Родимая моя сестричка,
 Миленькая Оленька,
 Живешь ты отъ насъ далекошенько,
 Ничего не знаешь, не вѣдаешь.
 Улетѣла наша мамонька,
 Твоя крестная матушка,
 Оставила меня одну одишеньку,
 Съ своими малыми пташками.

Такова наружная форма этих пѣсенъ. Чѣмъ онѣ оригинальнѣе, чѣмъ въ нихъ больше свободы и творчества, тѣмъ болѣе въ нихъ поэзіи и потому глубже впечатлѣніе; я думаю даже, что иногда похоронная пѣсня рисуетъ будущія отношенія дѣтей къ мачихѣ, и смѣло задѣваетъ самыя нѣжныя чувства стоящихъ у гроба. Въ этомъ ея главное достоинство.

ГРИГОРІЙ ПОТАНИНЪ.
